

Р. В. КОНДРАТЕНКО

ИСПАНО- АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА

1898 г.

Г III

Неизвестные войны XIX века

Р.В. Кондратенко

**ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ
ВОЙНА (1898 г.)**

Цитадель
2000

Первая книга серии «Неизвестные войны XIX века» посвящена испано-американской войне, проходившей в 1898 году. Впервые дано подробное описание боевых действий на суше и на море. И впервые публикуются фотографии, которые хранятся в Российском государственном архиве военно-морского флота.

ISBN 5-8172-0045-7

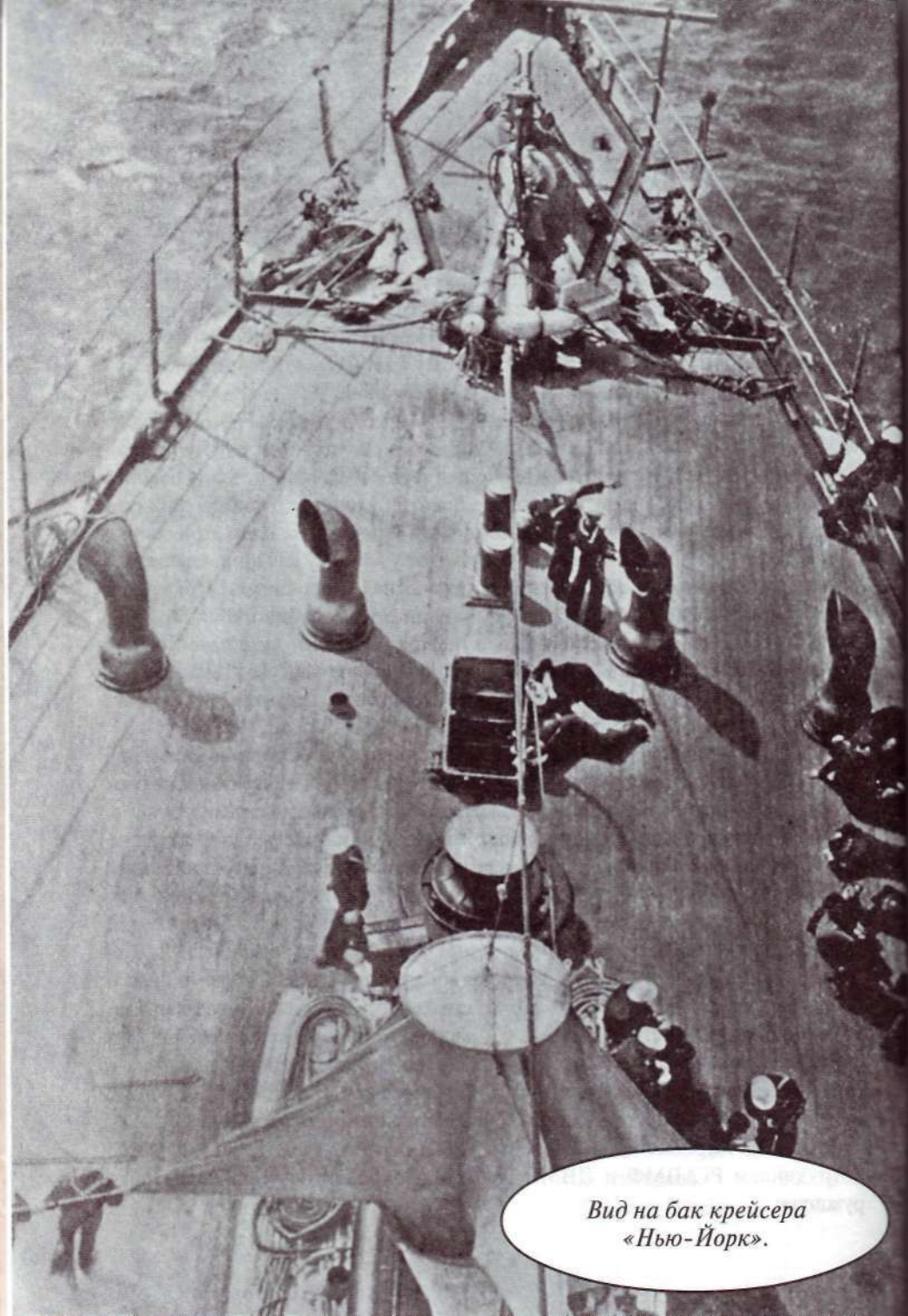
© Р.В. Кондратенко. 2000 г.
© Цитадель. 2000 г.
© Галейя Принт 2000 г.

ОТ АВТОРА

Прежде чем перейти к изложению событий довольно скромной по современным меркам военной кампании Соединенных Штатов против Испании, автор считает необходимым сделать несколько предварительных замечаний. Незвестной отечественному любителю истории испано-американскую войну на самом деле назвать трудно. В большей или меньшей степени она фигурирует на страницах любого серьезного труда, посвященного истории США, Испании, Кубы и Филиппин, а также международных отношений конца XIX столетия. Не обошел эту тему ни один историк военноморского искусства, и даже авторы, специализирующиеся в области истории российского военного флота, касаются событий и обстоятельств этой войны. Существует и специальная литература по этому вопросу как принадлежащая перу отечественных историков, так и переводная. Хорошо известны такие монографии как: Слезкин Л.Ю. Испано-американская война 1898 г. М., 1956; Владимиров Л.С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957; Шустов К.С. Освободительная война на Кубе /1895-1898/ и политика США. М., 1970; Фонер Ф.С. Испано-кубино-американская война и рождение американского империализма 1895-1902. В 2т. М., 1977.

Однако практически все упомянутые авторы основное внимание уделяют дипломатическим, экономическим, внутривнутриполитическим аспектам войны, тогда как боевые действия излагаются ими довольно сжато, в объеме, удовлетворяющем любопытство далеко не всякого читателя. Литература на иностранных языках труднодоступна во всех отношениях. Дореволюционные российские публикации, подобные печатавшимся в «Морском Сборнике» 1898-1899 гг. дневникам войны и переводам статей А.Т. Мэхена или соответствующим материалам Военной энциклопедии под редакцией К.И. Величко, немногим доступнее. К тому же абсолютное большинство их, как и современных отечественных изданий, снабжено в лучшем случае картами районов боевых действий, тогда как в распоряжении исследователей есть и фотографии, в частности доставленные с Кубы командированным туда в качестве наблюдателя лейтенантом Д.Б. Похвисневым. Восполнить указанные недостатки и призвана предлагаемая вниманию читателя работа.

Автор выражает благодарность К.Б.Назаренко, А.А. Трояну, а также сотрудникам РГАВМФ и ЦВМБ за помощь, оказанную при подготовке рукописи.

*Вид на бак крейсера
«Нью-Йорк».*

ПРОЛОГ

Остров Куба, *крупнейший в архипелаге* Больших Антильских островов, расположен в 200 км к югу от Флориды. Изогнувшийся плавной дугой с запада на юго-восток, он вытянулся в длину более чем на 1200 км. Узкий в западной части, где ширина его колеблется от 30 до 50 км, к востоку остров становится шире, пока расстояние от северного до южного берега не достигнет 190 км. Здесь, на востоке, расположена горная цепь Сьерра Маэстра. Поросшие густой тропической растительностью горы, средней высотой около 1000 м, круто спускаются к морю. Возвышенности в центральной и западной части острова гораздо меньше Сьерра Маэстры по площади и высоте, но столь же скалисты, круты и труднодоступны. Впрочем, горы занимают только треть территории Кубы, основное же пространство составляют плоские равнины, местами пересекаемые грядами невысоких холмов.

Кубу окружает множество небольших низменных островков и коралловых рифов, которых особенно много у ее южного побережья. Море здесь мелководнее, чем у северного и восточного берегов. Береговая линия, общей длиной свыше 3300 км изрезана многочисленными заливами и бухтами. Однако крупным, океанским судам доступны лишь немногие порты: Гавана и Матансас — на севере, Сьенфуэгос и Сантьяго-де-Куба — на юге.

Климат на острове тропический, жаркий и влажный. Средняя температура летом превышает $+ 27^{\circ}\text{C}$, зимой — не опускается ниже $+ 20^{\circ}\text{C}$. С середины мая до октября почти ежедневно идут ливни, превращающие реки в бурные потоки, а грунтовые дороги в непроходимые трясины.

На протяжении нескольких столетий непривычный климат и болезни уносили в могилу десятки тысяч европейцев, в первую очередь испанцев, осваивавших остров с 1510 г. Но на смену умершим на Кубу прибывали новые и новые пополнения. Вначале их манил навязчивый золотой мираж, позднее — прозаическая возможность обогатиться, разводя скот, выращивая табак, сахарный тростник и кофе. С 1524 г., после того, как местное население стало быстро вымирать от непосильного труда и европейских болезней, испанцы начали ввозить на остров негров-рабов из Африки.

С течением времени часть испанцев освоилась с климатом, и на Кубе появилась вначале небольшая, а затем все более и более многочисленная

прослойка местных уроженцев — креолов. Часть их, в основном потомки переселенцев с Канарских островов, занялась разведением табака. Уже в XVII в. испанская корона начинает поощрять эту прибыльную отрасль, а в 1717 г. вводит табачную монополию, выгодную испанским купцам, но ударившую по карману кубинских табаководов, которые с середины XVIII в. начинают борьбу против нее.

Чем дальше расходятся экономические интересы и культурные особенности метрополии и Кубы, тем отчетливее становится политическое сознание креолов, и в годы войны за независимость испанских колоний в Америке /1810—1826 гг./ их верхушка выступает за экономические и политические преобразования. Но участвовавшие в те же годы восстания негров против рабства заставили испанцев и богатых креолов пойти на компромисс. В 1820 г. креолы получили значительные политические права, однако через три года потеряли их при восстановлении в Испании абсолютистского режима Фердинанда VII. Вместе с тем, отмена в 1818 г. запрета на торговлю Кубы с другими странами привела к постепенной переориентации хозяйственных связей острова.

С начала XIX в. на Кубу начинает проникать американский капитал. Пользуясь ее географической близостью к Соединенным Штатам, американские дельцы постепенно сосредоточили в своих руках львиную долю внешней торговли и промышленности Кубы. Все большее число креолов, латифундистов и купцов сотрудничало с ними. Расширялись и культурные контакты США с Кубой, молодые креолы ездили учиться в Соединенные Штаты. Наряду с приверженцами испанского колониального режима, впоследствии вошедшими в партию Конституционный союз, среди обеспеченных креолов появились поклонники республиканского строя и даже сторонники присоединения к США. Временами они приобретали заметное влияние. Преобладали, впрочем, те, кто не желал радикальных перемен, предпочитая добиваться автономии в составе испанской империи. Они образовали партии автономистов и реформистов. Многие же средние и мелкие землевладельцы, а также предприниматели выступали за независимость Кубы. Ими двигало желание получить доступ к власти, чтобы свободно распоряжаться собой и своими доходами. За верхушкой тянулись широкие массы креолов, надевавшихся на то, что своя, национальная власть не будет разорять их налогами и оскорблять неправым судом.

Идея борьбы за независимость Кубы нашла отклик и среди бывших рабов, негров и мулатов. Формально получившие свободу в 1886 г., негры в подавляющем большинстве попали в жесткую экономическую зависимость от владельцев плантаций и предприятий. И без того тяжелое их положение ухудшалось конкуренцией с более квалифицированными китайскими

взимными рабочими — кули, которых владельцы плантаций стали тысячами ввозить на Кубу, начиная с 1847 г. Негры и мулаты, особенно зажиточная и достаточно образованная их часть, рассчитывали добиться равенства гражданских и политических прав с креолами. Широкое распространение среди негров получили вульгаризированные социалистические идеи.

Глухое брожение, не утихавшее на Кубе с начала XIX в., время от времени прорывалось восстаниями, самое продолжительное из которых получило название Десятилетней войны 1868—1878 гг. Руководившие этим восстанием представители креольской элиты пытались добиться независимости острова. Сигнал к выступлению подал Карлос Мануэль де Сеспедес, 10 октября 1868 г., вскоре после низвержения испанской королевы Изабеллы II выступивший с оружием в руках против колониальных властей. Повстанцы пользовались поддержкой эмигрировавших в США соотечественников, образовавших комитеты содействия освободительному движению. Однако после изнурительной многолетней борьбы стороны пришли к политическому соглашению. Не последнюю роль сыграл при этом очередной генерал-капитан* Кубы Арсенио Мартинес Кампос, сумевший соединить военные и политические меры воздействия. 10 февраля 1878 г. в городе Санхон руководители восстания подписали мирный договор и были амнистированы. Куба получила право отправлять в испанские кортесы 24 депутата, но из них только 8 могли быть кубинскими уроженцами. В ноябре 1879 г. Кампос, ненадолго занявший пост премьер-министра в испанском правительстве, представил кортесам проект закона об отмене рабства на Кубе, за что с тех пор пользовался благодарностью кубинских негров.

Установившийся мир оказался весьма хрупким. По-прежнему ключевые посты в администрации, судебном, таможенном, почтовом и других ведомствах занимали уроженцы метрополии. Многие испанские чиновники не скрывали, что основной их целью является обогащение, и не стеснялись в средствах для ее достижения. Процветали вымогательство, взяточничество, злоупотребления при сборе налогов, неправый суд, сказывавшиеся на всех слоях населения Кубы, а особенно тяжело — на малоимущих. Немало кубинцев покинуло свою родину. Многие из них осели в США, главным образом во Флориде, где развивалась табачная промышленность.

В эти годы продолжали крепнуть экономические связи Кубы и Соединенных Штатов. Все больше денег вкладывали американские дельцы в кубинскую экономику, и в первую очередь они постарались овладеть сахарной промышленностью. Пионером здесь стала компания Аткинса. Затем, к 1890 г., был создан американский сахарный трест, вскоре распоряжавшийся половиной всего производимого на Кубе сахара-сырца. Руководил трестом Генри Хеве-

* Воинское звание в Испании, равноценное генерал-фельдмаршалу.

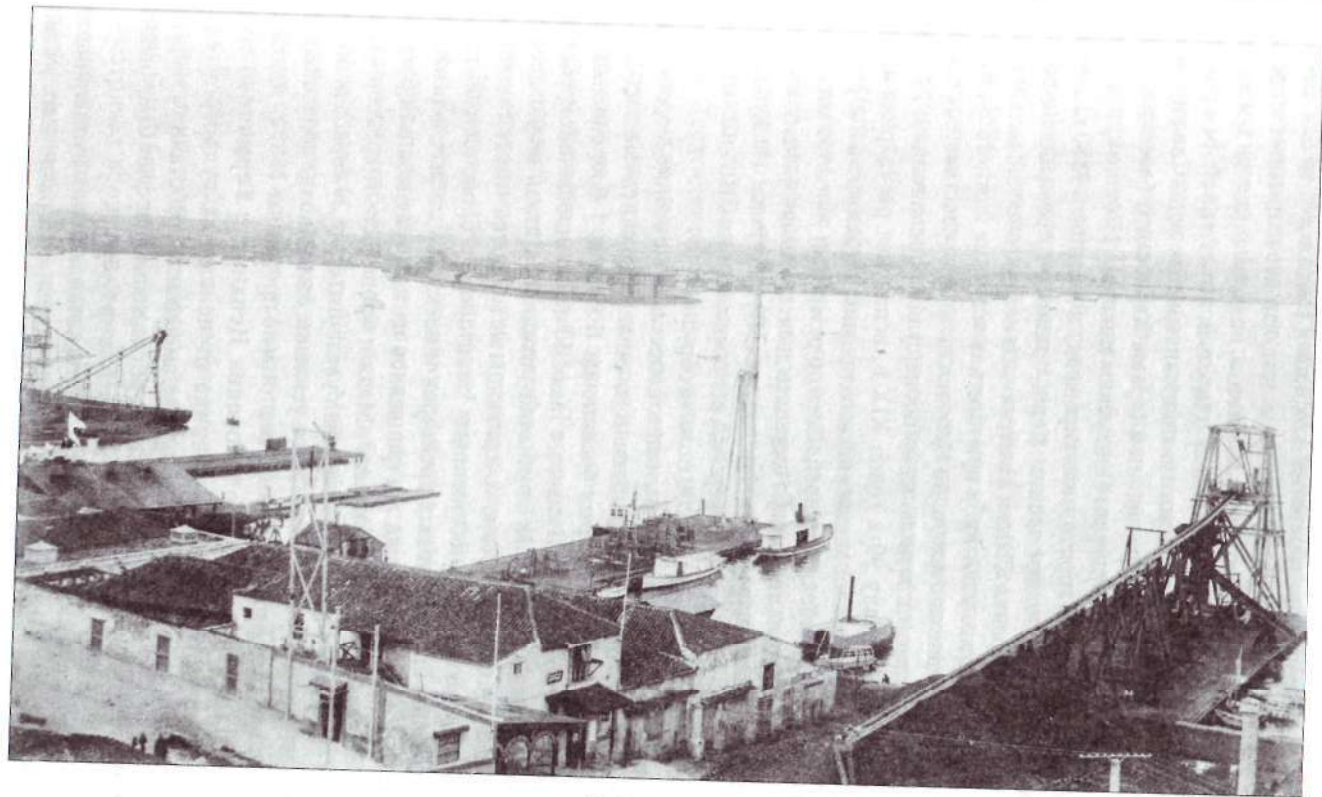
мейер. Позднее образовалась сахарная компания нью-йоркских бизнесменов во главе с Риондой. К концу XIX в. Аткинс, Хевемейер и Рионда контролировали почти всю отрасль. В 1894 г. из 1054214 твыработанного сахара в США было вывезено 956524 т, тогда как в Испанию — только 23295 т.¹

Сферой приложения американских капиталов стали также табачная промышленность, строительство железных дорог, добыча полезных ископаемых: железа, марганца. В середине 90-х гг. XIX в. $\frac{3}{4}$ всей добываемой и вывозимой с Кубы железной руды приходилось на три американские компании. К этому времени величина товарооборота между островом и США превысила 102 млн. долларов, а общий объем капиталовложений — 50 млн. долларов.

Для испанцев же основными источниками доходов от эксплуатации своей колонии служили налоги, торговля, таможенные пошлины. Но расходы колониальной администрации были столь велики, что бюджет Кубы не выходил из дефицита, который приходилось покрывать займами. Некоторые испанцы стали держателями облигаций займов 1886 и 1890—1891 гг., на общую сумму 50 млн. фунтов стерлингов. Они, а также купцы, владельцы паровых и промышленных компаний, землевладельцы, экспортировавшие на Кубу продовольствие, составили тонкий слой сторонников сохранения испанского господства над островом.

Однако чтобы удержать его, стране с населением менее 18 млн. человек, из которых около 5 млн. было занято в сельском хозяйстве и лишь около 1 млн. в промышленности и на транспорте, следовало выиграть соревнование с могущественной, богатой ресурсами державой, население которой достигло 80 млн. человек, а число рабочих превысило 4,5 млн. Завершив к концу 70-х гг. XIX в. Реконструкцию после Гражданской войны и умело защитив свою промышленность продуманными протекционистскими тарифами, США заставили европейские державы перейти к экспорту капиталов. До 1890 г. в американскую экономику было вложено 3 млрд. долларов. Такая «подпитка» вскоре выдвинула промышленность Соединенных Штатов на одно из первых мест в мире. Американцы все чаще стали задумываться о новых рынках сбыта и источниках сырья. После того, как США присоединили к своей территории Калифорнию и Аляску и широким фронтом вышли к берегам Тихого океана, в американских деловых кругах стали популярными идеи проникновения на азиатские рынки. Вместе с тем, вышедшие в 1885 г. работы историка Д. Фиске «Предопределение судьбы», Д. Стронга «Наша страна», сочинения Д. Берджеса, Б. Адамса активизировали проповедь аннексионизма, еще в 60-х гг. звучавшую из уст государственного секретаря США У. Сьюарда.

Вскоре к хору бизнесменов, политиков и интеллектуалов присоединились и военные. В 1890 г. была опубликована книга преподавателя Ньюпортского военно-морского училища А.Т. Мэхена «Влияние морской силы

Рейд Гаваны

на историю». Ратуя за приобретение колоний и рынков сбыта для американской промышленности, Мэхен писал о том, что отечественная морская торговля нуждается в защите военным флотом, опирающимся на заморские базы. Эти положения легко связывались с мыслью, высказанной им в ранней работе 1883 г. «Воды Мексиканского залива и внутренние воды Соединенных Штатов», о необходимости экспансии в страны Карибского бассейна, дабы обеспечить контроль над будущим Панамским каналом². Именно канал, идея о строительстве которого горячо дискутировалась в Америке с 1880 г., должен был послужить связующим звеном между развитой промышленностью атлантического побережья США и азиатскими, в первую очередь китайскими рынками. В свете этих идей Куба приобретала значение важного опорного пункта для американского флота, но Испания не желала расставаться с нею.

На первый взгляд возможная война не сулила Соединенным Штатам легкой победы. К началу 90-х годов XIX в. испанская регулярная армия состояла из 15 пехотных и 2 кавалерийских дивизий, сведенных в 8 корпусов, и свыше 60 артиллерийских батарей. Всего с резервами — около миллиона человек при 590 полевых орудиях. Несколько десятков тысяч человек входило в состав колониальных войск на Филиппинах, Пуэрто-Рико. На Кубе находилось около 15000 солдат и офицеров. А регулярная армия США насчитывала всего около 28000 человек при 200 полевых орудиях.

Несколько утешительнее выглядело сопоставление военно-морских сил. В списках испанского флота официально числились, не считая мелких судов: 1 броненосец I класса, 4 старых броненосца II класса, 1 броненосный и 4 бронепалубных крейсера I и II класса, а также 10 небронированных крейсеров II и III класса. Однако на Кубе обычно находилось лишь около десятка крейсеров и канонерских лодок. Американцы же могли противопоставить им 6 двухбашенных и 13 однобашенных мониторов, 1 броненосный таран, 7 современных бронепалубных крейсеров и несколько старых деревянных кораблей. Кроме того, уже достраивались на плаву первенцы программ 1885-1889 гг., броненосец II класса «Мэн» и броненосный крейсер «Нью-Йорк», а в перспективе флот должен был увеличиться на 29 кораблей общим водоизмещением до 70000 тонн. Такое усиление было вполне сопоставимо с ростом испанского флота, предполагавшимся по программе 1885 г., принятой после дипломатического столкновения Испании с Германией из-за Каролинских островов. Но в отличие от испанских судостроителей, ограниченных скудным финансированием, американцы работали размеренно и довольно быстро. При таких условиях через несколько лет флот Соединенных Штатов вполне мог бы обеспечить вторжение на Кубу.

Начиная с 1891 г. американские газеты начинают призывать к аннексии острова, а в 1892 г. все чаще появляется на страницах различных изданий

возврат: «Куба скоро будет нашей!»³ Мечты экспансионистов стали обретать плечо под ногами после того, как экономический кризис 1893 г. в США повлек за собой и кризис кубинской экономики. Принятый в 1894 г. закон Вильсона-Гормана о 40 % таможенной пошлине на нерафинированный сахар, защищавший американскую промышленность от иностранных конкурентов, ударил по кубинским производителям. Сыграл отрицательную роль и европейский сахар, заполнявший мировые рынки и заметно понижавший цены. В ответ на действия американцев испанское правительство установило высокие пошлины на их товары, в результате стоимость жизни на Кубе повысилась, заметно выросла безработица. Тяжелое положение зимой 1894-1895 гг. вызвало оживленные дискуссии среди кубинцев. Все чаще высказывалось мнение, что следует присоединиться к США, коль скоро они становятся основным потребителем сахара и важнейшим торговым партнером Кубы.

Подобные настроения тревожили сторонников независимости как на самом острове, так и среди эмигрантов, одним из которых был Хосе Марти. Интератор, революционер, сын младшего офицера испанской армии, он рано начал задумываться о путях избавления родины от испанского господства. Ему, уроженцу Кубы, хотелось видеть свой народ свободным и процветающим. В годы Десятилетней войны, будучи студентом, Марти выступил против карательных экспедиций испанской армии и за столкновения с волонтерами-конституционалистами был осужден и выслан в Испанию. С тех пор он активно участвовал в революционной деятельности, много читал, побывал в разных странах и, наконец, осел в США. С возрастом Марти приобрел солидный организаторский опыт и пришел к убеждению, что только сильная, сплоченная революционная партия способна успешно бороться за свободу отечества.

Начиная с 1890 г. он создает «просветительские лиги» в Нью-Йорке, Гампе и Ки-Уэсте. Членами их становятся в основном рабочие-табачники, кубинские эмигранты, согласные ежемесячно вносить в кассу лиги ежедневный заработок. Число таких клубов постепенно растет, увеличиваются членские взносы. 4 марта 1892 г. Марти начинает издавать в Нью-Йорке на деньги газету «Патрия», а к концу месяца объединяет «просветительские лиги» на основе единого устава и программы. Возникает Кубинская революционная партия.

В том же году Марти возобновил связь с генералом Максимо Гомесом, военным министром Временного правительства Кубы периода Десятилетней войны. Гомес был способным военачальником, но отличался властолюбием и рассматривал вооруженное восстание скорее как путь к собственному возвышению. Восемь лет назад эта черта генерала оттолкнула Марти, но для задуманного им предприятия требовались знающие и опытные военные.

Съездив в Санто-Доминго, где в то время жил Гомес, Марти уговорил его возглавить вооруженные силы революционеров. Соглашение было окончательно оформлено 3 января 1893 г., а в июне Марти отправился в Коста-Рику, чтобы привлечь к подготовке восстания другого талантливого командира Десятилетней войны, мулата Антонио Масео. Масео к тому времени стал преуспевающим фермером и не без колебаний решил сменить достигнутое благополучие на опасную должность командующего военными формированиями на востоке Кубы. Ненависть к испанцам, убившим в годы войны его отца и двух братьев, честолюбие и обещание Марти материально поддержать его большую семью помогли Масео переступить через сомнения. Тогда же Марти установил контакты с лидерами оппозиционных сил на острове. После переговоров были согласованы кандидатуры руководителей вооруженных формирований каждой провинции. Координация их действий была поручена журналисту Хуану Гуальберто Гомесу. Началась непосредственная подготовка восстания.

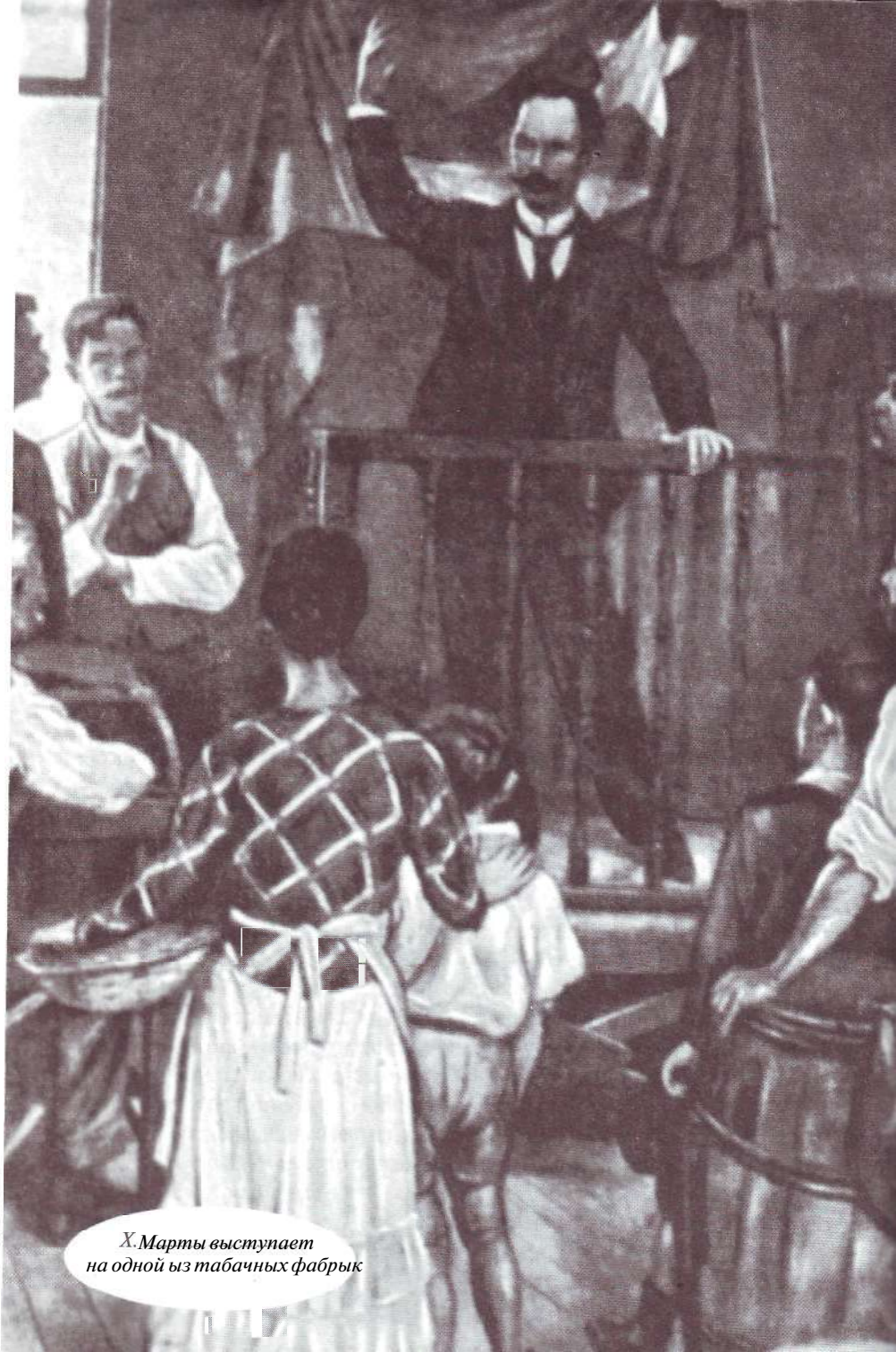
Марти спешил. Ему казалось, что американцы готовы вырвать Кубу из слабеющих испанских рук. С начала 90-х гг. XIX в. Испанию сотрясали выступления крестьян, особенно андалусских, а также баскских и каталонских сепаратистов. Чередовавшиеся в соответствии с заключенным в 1885 г. Пактом Эль Пардо у государственного руля правительства консерваторов во главе с Антонио Кановасом дель Кастильо и либералов, возглавлявшихся Пракседесом Матео Сагастой, напрягали силы в борьбе с ними. Им удалось стабилизировать режим королевы-регентши Марии-Христины, правившей страной с 1885 г. за малолетнего Альфонса XIII. Однако экономическое положение Испании было далеко не блестящим. Неудачный протекционистский тариф 1892 г. не соответствовал реальному состоянию экономики, он закрыл испанским товарам доступ на зарубежные рынки, вызвал падение курса национальной валюты — песеты — и снижение экспорта, а вместе с ним и доходов страны. В результате пострадал также военный потенциал Испании.

Опасаясь, что ее господство на Кубе сменится американским, Марти 12 декабря 1893 г. приказал руководителям на местах приготовиться к выступлению в конце февраля 1894 г. Сигналом к нему должна была послужить высадка на остров вооруженных отрядов Кубинской революционной партии. Однако в назначенный срок она не состоялась: Максимо Гомес ждал, когда завершится подготовка к восстанию в провинции Камагуэй. Затянулись и сборы десантной экспедиции. Несколько раз пришлось переносить дату выступления, ожидая окончания ее подготовки. Когда же наконец, все снаряжение погрузили на три быстроходные яхты во флоридском порту Фернандина, один из участников предприятия, Лопес де Керальта, выболтал планы революционеров капитану одной из яхт. Тот донес владельцу судна, который немедленно

известия: вашингтонские власти. 14 января 1895 г. правительство США
забраковало и конфисковало весь их груз. Так пропали три года труда и
50000 долларов.

Но провал экспедиции только подхлестнул революционеров. Во Флориде
началась новая кампания по сбору средств среди рабочих-табачников Ки-Уэста
и Тампы. 29 января Марти, генерал Хосе Майя Родригес, представлявший
Гомеса, и уполномоченный революционной хунты Гаваны Энрике Кольясо
подписали приказ о начале восстания. Днем выступления назначили 24
февраля 1895 г., приурочив его к началу традиционного карнавала, чтобы
усилить бдительность испанцев.

Испанцы же были в курсе дела и хорошо понимали, что обстановка на
Кубе накаляется. В первых числах февраля министр по делам колоний
Бенито Есентура де Абарсуса поставил на обсуждение кортесов проект закона о
приведении на острове реформ. Уже в середине месяца кортесы одобрили его.
Этот закон, предусматривавший создание при генерал-губернаторе слабого,
совещательного Административного совета, лишь подлил масла в огонь.

*Х.Марти выступает
на одной из табачных фабрик*

ВОССТАНИЕ

В назначенный день одновременно выступили несколько революционных организаций провинции Орьенте⁴. Повстанческими отрядами руководили ветераны Десятилетней войны Гильермо Монкада и Бартоломе Масо. Здесь, на востоке страны, почва для восстания была подготовлена как тяжелым налоговым гнетом и повсеместной нищетой крестьян, так и давними традициями сопротивления властям. Именно здесь в 1603 г., в городе Баямо креолы впервые с оружием в руках выступили против метрополии, помешав арестовать местных контрабандистов. На западе же, где испанцы держали свои войска и чувствовали себя гораздо увереннее, генерал-губернатору Кальехе удалось обезглавить повстанцев, арестовав Хулио Сангили, Марию Агирре и Хуана Гуальберто Гомеса. Не сумели своевременно присоединиться к восстанию и революционеры провинций Лас-Вильяс и Камагуэй.

Но восстание разгоралось день ото дня. Уже во второй половине марта Кальехе докладывал в Мадрид о том, что число повстанцев выросло до 3000 человек и у него не хватает сил, чтобы блокировать район их действий. В распоряжении генерал-губернатора находилась регулярная армия из 14500 солдат и офицеров, а также свыше 5500 жандармов и полицейских. Кроме того, на Кубе существовали формирования испанских волонтеров численностью до 60000 человек, но они были плохо обучены и годились только для сторожевой службы в населенных пунктах. Немногим более боеспособной была герилья — вспомогательные конные отряды из кубинцев. Требовалось же изолировать практически всю гористую и лесистую провинцию Орьенте, где почти не было железных и шоссейных дорог, обеспечив при этом охрану столицы и крупных городов.

Два батальона, с Балеарских и Канарских островов, экстренно отправленные военным министерством Испании на Кубу, положения не меняли. Поэтому правительственный декрет от 1 марта 1895 г. предписывал сформировать при семи из восьми корпусных округов по одному пехотному батальону. Уже через неделю войска отправились к месту назначения на переоборудованных пароходах испанской трансатлантической компании. Размещались они в тесноте: пароход водоизмещением около 6000 тонн принимал до 1300 человек. Спали в парусиновых койках без матрасов и одеял,

в три яруса. Но организация была хорошо продумана, солдат вовремя кормили и проводили дезинфекцию белья. Отправлявшиеся за океан офицеры, ввиду предстоявших тягот и опасностей, получали следующий чин и повышенное в 2,5 раза жалование, которое выдавали не серебром, как в Испании, а золотом. Позднее производство в чин отменили, но оклад сохранили повышенный.⁵

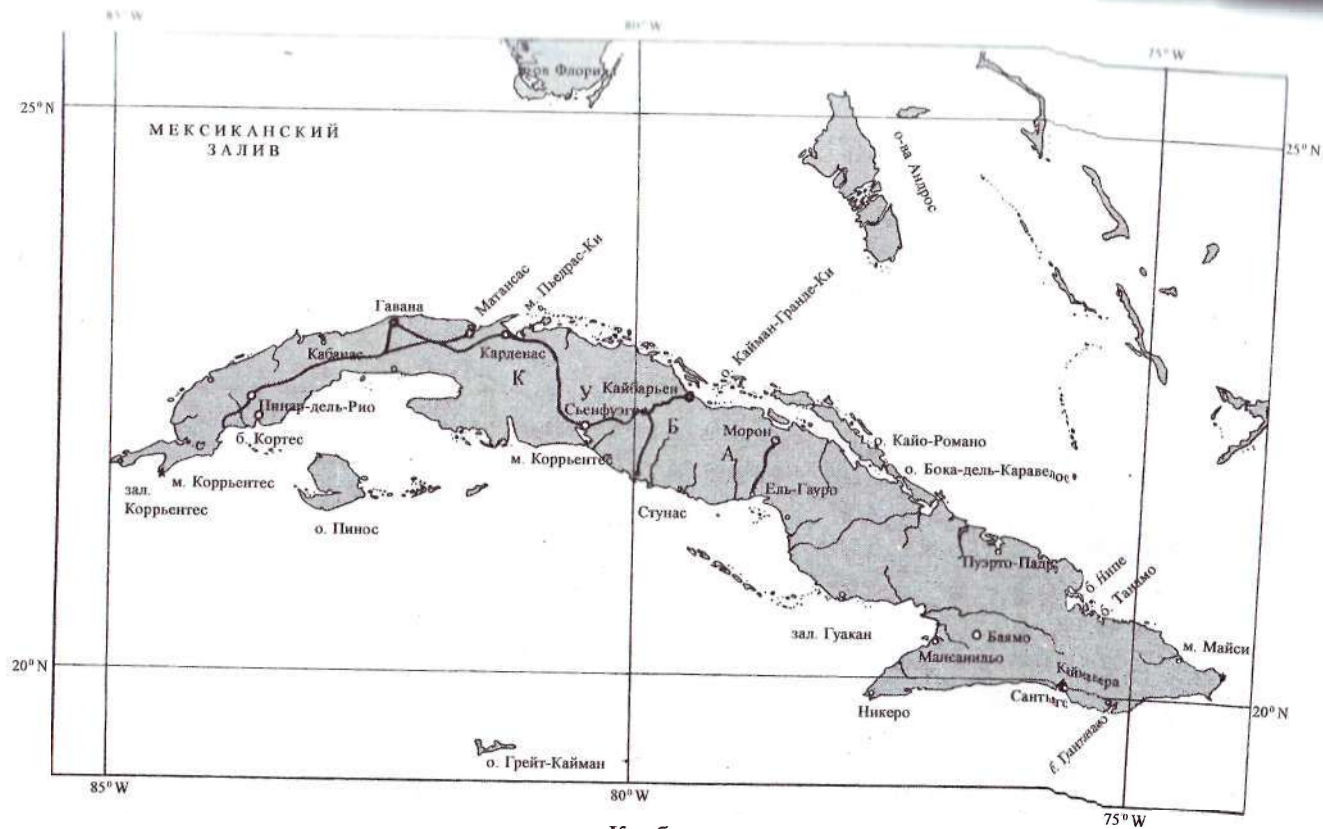
Перевозка заняла две недели. К 26 марта весь состав испанской экспедиции был доставлен в провинцию Орьенте. А 31 марта на северо-востоке той же провинции высадился со шхуны «Хонор», принадлежавшей американскому вице-консулу на о. Форчун, отряд Антонио Масео. Масео повёл своих людей горными тропами в район Гуантанамо, где раскинул свой лагерь бригадир Хесус Раби.

Тем временем пришедшие в Испании к власти консерваторы решили заменить не проявлявшего энергии Кальеху, и 28 марта генерал-губернатором Кубы был назначен маршал Арсенио Мартинес Кампос. Усмиритель восстания 1868-1878 гг. надеялся справиться и с новым движением. Рассчитывая на свой авторитет среди кубинцев, а также на сговорчивость повстанческого руководства, он не думал значительно увеличивать армию, но подкрепления численностью 11000 человек все-таки на остров отправил. Вслед за ними 4 апреля отплыл на Кубу и сам маршал.

Пока Мартинес Кампос пересекал Атлантический океан на кубинскую землю ступили Хосе Марти и Максимо Гомес. Сопровождаемые группой соратников, они сумели в Инагуа сесть на немецкий фруктово́з «Нордstrand», капитан которого Лёве согласился за 1000 долларов высадить их у берегов Кубы. Ветреной и дождливой ночью с 10 на 11 апреля 1895 г. руководители восстания преодолели на шлюпке трехмильное расстояние, отделявшее судно от полосы берега у подножия горы Кахобабо. Отсюда они двинулись в сторону Сантьяго-де-Куба, чтобы встретиться с Антонио Масео.

О прибытии Масео, Марти и Гомеса вскоре стало известно испанским властям, сразу осознавшим возникшую угрозу. В восточных провинциях страны было введено военное положение. Премьер-министр Испании Кановас дель Кастильо обратился к кортесам с просьбой о выделении кредитов и дополнительных войск для борьбы с восстанием. Маршалу Кампосу были предоставлены неограниченные полномочия.

Новый генерал-губернатор достиг места назначения 16 апреля и немедленно объявил прокламацией об амнистии всем, кто сложит оружие. Однако отклика на это обращение так и не последовало. Восстание продолжало разрастаться день ото дня. 5 мая неподалеку от Сантьяго-де-Куба, в имении Мехоран встретились Марти, Гомес и Масео. Подтвердив прежнее распределение должностей, они договорились о создании Временного гражданского правительства, созыве Конституционной ассамблеи и

о. Куба

распространении восстания на западные провинции. Затем повстанцы двинулись в Камагуэй. Им предстояло пережить множество потерь, но одну из самых тяжелых они понесли спустя всего две недели, 19 мая, когда в бою у городка Дос Риос был убит Хосе Марти. Смерть политического лидера обострила борьбу за власть среди руководителей восстания, но единство цели помогло им удержаться от раскола.

Были забыты честолюбивые претензии, расхождения в политических идеалах и материальных интересах — все, на что так надеялся Мартинес Кампос и что даст о себе знать лишь в самом конце восстания, когда до победы останется, казалось, последний шаг. Но в первые месяцы богатые креолы, составлявшие основу руководства, закрыли глаза даже на растущий авторитет мулата Масео. И это несмотря на то, что значительный приток негров в повстанческие отряды, вскоре наполовину состоявшие из чернокожих бойцов, угрожал в будущем социалистическими эксцессами.

Впрочем, Масео заявил, что намерен подчиниться сложившемуся руководству. К тому же летом 1895 г. ему некогда было бороться за власть. С началом дождливого периода, когда испанские войска вернулись в города и повстанцы почувствовали себя хозяевами в Орьенте, он занялся сбором налогов с окрестных плантаторов. Надеясь избежать разорения, они не жалели денег. Около 100000 долларов в векселях и переводах Масео послал в Нью-Йорк Томасу Эстрада Пальма, фактически возглавившему Кубинскую революционную партию после смерти Марти, для закупки оружия и боеприпасов, а часть отослал своей семье.

Взгляды Гомеса на этот предмет были совершенно иными: он стремился воевать методом выжженной земли, и меньше думал о материальном обеспечении восстания. 17 июня 1895 г. Гомес напал на город Альтаграсия в провинции Камагуэй и приказал разрушить его. Впоследствии множество городов было уничтожено, а их жители переселены в горы. Так начиналась на Кубе политика концентрации, срывавшая с насиженных мест десятки тысяч обывателей. Не щадил генерал и плантации с фабриками, превращая в пепел благосостояние своей страны ради победы над испанцами.

Попытки маршала Кампоса обуздать возставших не принесли успеха. Генерал-губернатор сделал ставку на так называемую трочу, укрепленную линию, протянувшуюся по обе стороны железной дороги Хукаро-Морон, пересекающей остров поперек вблизи границ провинции Лас-Вильяс. Устроенная еще в годы Десятилетней войны, она была задумана как препятствие на пути повстанческих отрядов, направлявшихся в западные, более освоенные испанцами районы.

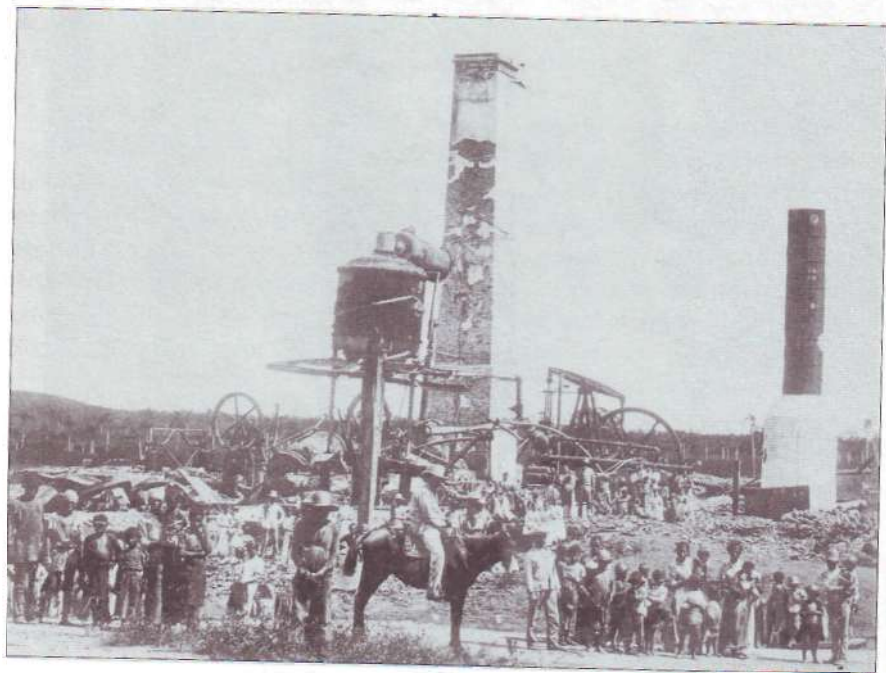
Троча представляла собой грунтовую дорогу, отделенную от лежащей впереди местности глубоким рвом. Через каждые пять километров на ней

Группа инсургентов

Инсургенты-мулаты

Завод, разрушенный инсургентами

стояла двухэтажная каменная казарма, приспособленная для обороны. На каждом километре — двухъярусное каменное укрепление, блокауз, вмещавшее 30 человек. Между ними располагались деревянные блокаузы меньшей величины. Заняв трочу 16-тысячным отрядом, Кампос надеялся предотвратить проникновение повстанцев в провинции, служившие базой снабжения столицы и испанской армии. Этим надеждам не суждено было сбыться: небольшие группы просачивались через трочу по ночам, крупные отряды, выбрав подходящий момент, прорывались с боем. Вскоре восстание разгорелось и в центральных провинциях.

Численность освободительной армии росла, действия ее становились все более решительными. 13 июля близ городка Баямо, колыбели Десятилетней войны, Антонио Масео заставил отступить самого маршала Кампоса. Под впечатлением этой неудачи Кампос 25 июля написал премьеру Кановасу прошение об отставке, признавая, что восстание оказалось сильнее предыдущего. Однако правительство предоставило маршалу возможность исправить сложение. Воспользоваться ею он не сумел, несмотря на то, что в течение лета 1895 г. из Испании одно за другим прибывали пополнения, общей численностью свыше 12000 солдат и офицеров. Темпы пополнения испанской армии не обеспечивали должного превосходства над повстанцами, в ряды которых вливались тысячи добровольцев. Если же таковых не оказывалось, то проводилась заурядная мобилизация. Немало любителей повоевать прибыло из-за рубежа.

Всего за годы восстания, по разным данным, имели место от 60 до 76 вошток отправить экспедиции на Кубу⁶. Вследствие объявленного правительством США нейтралитета, 28 из них были задержаны таможенниками, а пять перехватили американские ВМС. Пять сумел захватить испанский морской патруль. Однако не менее 34 экспедиций все же достигли берегов Кубы. Они доставляли оружие, боеприпасы, а также активистов Кубинской революционной партии, сочувствовавших им эмигрантов и разноплеменных борбиз за справедливость или искателей острых ощущений, в том числе и ругающих: П.П. Стрельцова, Е.И. Константинова, Н.Г. Мелентьева.

Помимо военной организации, повстанцы формировали и политическую. 13 сентября 1895 г. в г. Химагуайю, провинция Камагуэй, начала работу Конституционная ассамблея. В ней участвовало 20 делегатов от пяти корпусов освободительной армии. 16 сентября они приняли временную, сроком на два года, конституцию. А через два дня избрали Правительственный совет из президента, Сальвадора Сиснероса-и-Бетанкур, вице-президента, Бартоломе Масо, и четырех министров: военного, внутренних дел, внешних сношений и финансов. Главнокомандующим армией утвердили Максимо Гомеса, его заместителем — Антонио Масео. На период войны предпочтение

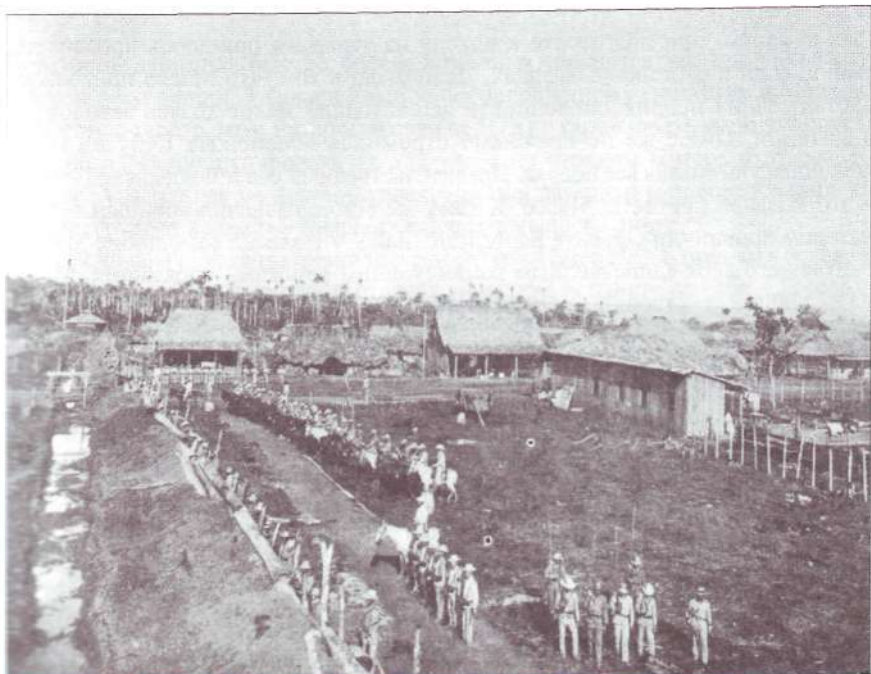

Троча

отдавалось главнокомандующему, но формально он должен был консультироваться с Правительственным советом.

Дождливый сезон 1895 г. близился к окончанию, и повстанцы стали готовиться к наступлению на запад. Их армия уже насчитывала свыше 25000 человек. Тогда, в первые месяцы вооруженной борьбы, она сравнительно легко могла обеспечить себя продовольствием и средствами передвижения — лошадьми и мулами. В то же время повстанцы старались подорвать базу снабжения своего противника. Еще 1 июля Гомес издал приказ, запрещающий доставлять продовольствие в города и испанские гарнизоны, грозя нарушителям расстрелом. Однако добиться исполнения такого приказа, противоречившего интересам рядовых кубинцев, живших за счет торговли продовольствием, было трудно, особенно в западных провинциях. Требовалась демонстрация силы.

Поначалу такая демонстрация носила черты тотального погрома, так как в открытый бой с испанской армией плохо обученные повстанческие отряды старались вступать как можно реже. Чаще всего они жгли плантации, сахарные заводы, маленькие городки. На испанцев нападали из засад, торопливо обстреливали их с большого расстояния и быстро скрывались. Время от времени самые решительные командиры атаковывали в конном строю

Троча

небольшие испанские колонны, предварительно заставив их расстрелять стрелы по движущейся на безопасной дистанции цели. При этом кубинцы вместо сабель пользовались хорошо знакомым мачете. Попав в безвыходное положение, они сражались с яростью, и жизни не жалели. Со временем же, приобретая опыт, стали воевать увереннее, тем более, что среди испанцев появлялись все больше молодых, необстрелянных солдат. На стороне кубинцев был климат, отличное знание местности — традиционные преимущества туригазан.

А испанцы никак не могли переломить ситуацию. К концу сентября на Кубу прибыла шестая их экспедиция, 28000 солдат и офицеров. Входящие в состав пехотные батальоны впервые получили новейшие, 7-мм винтовки Маузера, заметно превосходившие состоявшие прежде на вооружении колониальных войск 7,65-мм, а тем более «переделанные в 1889 г. ружья Ремингтона образца 1871 г.». В состав этих частей вошли 2000 наемников из Бразилии и Аргентины. Через два месяца, после прибытия еще одной экспедиции, численность испанской армии на Кубе достигла 100000 человек. Ей же противостояло уже свыше 27000 повстанцев.

Кубинцы сознавали, что успех борьбы зависит от разгрома испанских

тылов, однако при подготовке к походу на запад им пришлось преодолеть разногласия в собственных рядах. Дело было в том, что Масео продолжал настаивать на неприкосновенности заплативших налог хозяев заводов и плантаций, Гомес же по-прежнему стремился обесценить Кубу в глазах испанцев, уничтожая все подряд. Правительственный совет поддержал Гомеса, и это вызвало протесты Масео. К тому же Гомес назначил военным губернатором провинции Орьенте Бартоломе Масо, что задело самолюбие Масео, считавшего себя единственным командующим войсками провинции. Масо, не желавший действовать вместе с Масео, стал затягивать подготовку к походу. Вдобавок он встретился в городе Ла-Одиосе с лидерами автономистов, убеждавшими его остановить боевые действия. Гомес был вынужден вмешаться и пресечь эти поползновения.

Наконец, подготовка к наступлению была завершена. Кубинцы двинулись на запад двумя отрядами. Один, возглавляемый Гомесом, прошел через северную часть провинции Камагуэй, испепеляя все на своем пути, и проник в провинцию Лас-Вильяс. Осознав угрозу, Кампос сосредоточил в этом районе войска,непроизвольно очистив путь для отряда Масео, двигавшегося несколько южнее.

29 ноября 1895 г., в густом утреннем тумане Масео с 1500 бойцами преодолел трочу Хукаро — Морон за 40 минут. Испанцы, которых отвлекала специальная группа, напавшая на трочу в стороне от места прорыва, не успели даже обстрелять отряд. Вскоре Масео и Гомес соединились, чтобы уточнить план дальнейших действий. Было решено выделить 1000 конников и под командованием Кинтина Бандераса двинуть их через горы Гуамуая на юге Лас-Вильяса. Основным силам предстояло идти через центр провинции. Гомес не хотел рисковать, ввязываясь в крупные сражения, и Масео пришлось подчиниться ему. Но Кампос собрал в этом районе до 25000 человек и активно искал встречи с противником.

3 декабря кубинцы выдержали бой у форта Игуара, понеся большие потери. А 10 декабря они втянулись в трехдневное сражение на высотах Манакаля, где 1500испанцев сильно потрепали кубинский отряд. Эти сражения истощили запас патронов у повстанцев, поэтому Гомес готовился отступить, но Масео удержал его. Вскоре им удалось разбить одну из испанских колонн у Маль-Тьемпо и взять в качестве трофея более 200 винтовок и около 10000 патронов. Однако 23 декабря Кампос атаковал их с отрядом из 2500 человек неподалеку от Матансаса и заставил отойти на юг, к болотам Сапата.

Оторвавшись от преследователей и оставив раненых на попечение местного населения кубинцы вновь двинулись на запад. 1 января 1896 г. они вошли в провинцию Гавана, оставляя за собой широкую полосу выгоревших городов и плантаций, разрушенных сахарных заводов и железных дорог.

Повстанцы двигались быстро, бросая загнанных лошадей и реквизируя свежих именов республике. 3 января Кампос послал военному министру в Мадрид срочную телеграмму. Разбросав свои войска по гарнизонам, маршал теперь не успевал сконцентрировать их для удара по отрядам Гомеса и Масео. К тому же у испанцев не хватало кавалерии для разведки и преследования. В Гаване, которая не была укреплена с суши, началась паника.

7 января повстанцы решили разделиться. Гомес с 2300 бойцами остался в столичной провинции, чтобы отвлечь внимание испанцев на себя, а Масео с 150 всадников отправился дальше на запад, в провинцию Пинар-дель-Рио. Несмотря на слухи о том, что негры Масео идут истреблять белое население этой провинции, крестьяне-табаководы встретили повстанцев сочувственно. К тому же Масео, выйдя из-под контроля Гомеса, перестал устилать свой путь развалинами. Впрочем, несколько оказавших сопротивление городков он сжег, доведя общую численность таких пожарищ в западных провинциях до 59. Многие населенные пункты предпочитали сдаваться добровольно. 22 января Масео провел свой отряд парадным строем по улицам Мантуа, самого западного города Кубы.

В эти тревожные дни маршал Кампос, осознав бесперспективность борьбы с восстанием, решил отказаться от поста генерал-губернатора. На этот раз его просьбу удовлетворили. Правительственным декретом от 19 января 1896 г. Кампоса заменил генерал-лейтенант Валериано Вейлер-и-Николау. Не дожидаясь прибытия своего преемника, маршал выехал в Испанию. Его обязанности временно стал исполнять командир 2-го корпуса генерал Марин. Получивший от правительства категорический приказ активизировать боевые действия. В результате Масео, возвращавшийся на восток, дважды потерпел поражение у города Канделария, который по иронии судьбы вместе с испанцами обороняли негры.

10 февраля на Кубу прибыл Вейлер, известный своей жестокостью со времен Десятилетней войны. В те же дни пароходы трансатлантической компании доставили пополнения, численностью до 22000 человек. Вейлер был полн решимости покончить с восстанием в три месяца. Его тяжелую руку кубинцы почувствовали сразу же. 16 февраля новый генерал-губернатор приказал всем крестьянам провинции Пинар-дель-Рио в восьмидневный срок собраться в города, где размещались испанские гарнизоны. Вейлер, конечно, шел по стопам Гомеса, но в отличие от последнего не позволил населению кормиться своим трудом. Переселенцам — реконцентрадос — полагалось получать порцию из 500 гр. мяса, 125 гр. риса и 20 гр. соли, однако отсутствие мяса в испанском интендантстве, часто морищем голодом собственных запасов и злоупотребления администрации привели к тому, что порции не выдавались или выдавались испорченными продуктами. Переселенцы

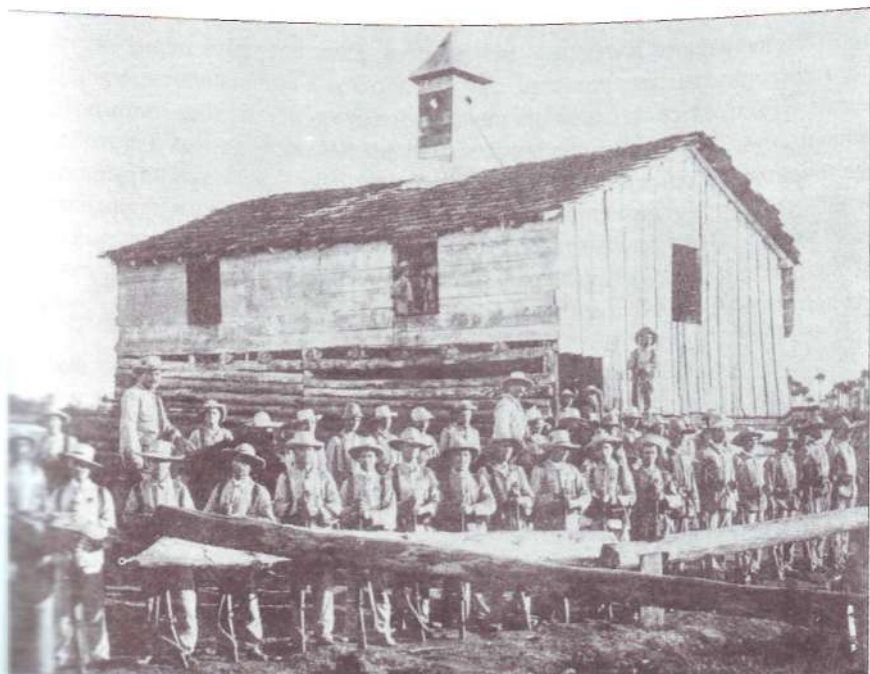

Дорога во время дождей

голодали, среди них стали распространяться болезни. За два года концентрационный режим Вейлера унес жизни около четверти миллиона кубинцев. На территории генерал-губернаторства было запрещено выращивать и продавать за границу сахарный тростник, табак, кофе, кукурузу. Усилилась реквизиция лошадей, начатая при Кампосе.

Этими мерами Вейлер пытался лишить повстанцев снабжения и возможности собирать налоги с населения. И в этом он повторил уроки Гомеса, так же как революционный генерал пренебрегая интересами рядового кубинца. Но Вейлер был чужим в стране и его меры воспринимались совершенно иначе, вызывая ненависть к испанскому господству у тех, кто раньше не испытывал ее. Кубинцы массами побежали в США, Мексику, в ряды повстанцев. Американская печать начала шумную кампанию обличений, внушая общественному мнению мысль о необходимости и справедливости войны с Испанией «за свободу Кубы».

Пока же дело до войны не дошло, расчетливые янки торговали как с испанцами, так и с их противниками. Попытки Вейлера установить эффективную блокаду острова не принесли успеха. К началу восстания Испания располагала на Кубе флотилией, состоявшей из четырех крейсеров II класса, двух — III класса, одной канонерки I класса и пяти — II класса. О слабости

Блокгауз для защиты посевной зоны в Сьенфуэгосе

Флотилии еще в марте 1895 г. докладывал в Мадрид генерал Кальеха. Тогда же морское министерство направило на Кубу подкрепление, в составе двух крейсеров: из I класса, трех — II класса и пяти миноносцев. Помимо этого были направлены 25 новых канонерских лодок II и III класса. 19 — в Англии и 6 — в Испании⁷. Небольшие суденышки водоизмещением около 50 т., вооруженные одной малокалиберной скорострельной пушкой, были построены в Испании, испытаны и отправлены по назначению. Но прежде, чем они прибыли на Кубу, флотилия Антильских островов чувствительно ослабела: крейсер «Санчес Баркаизтеги» затонул после столкновения с коммерческим судном в выходе из гаванской бухты, крейсер «Кристобаль Колон» выбросило на берег штормом, в результате урагана, попала в аварию канонерка «Каридад». Четырем оставшимися, в основном тихоходным кораблям, предстояло охранять морские фланги тропи и патрулировать вдоль более чем 3000-километровой береговой линии, почти лишенной оборудованных баз.

В первые месяцы восстания патрульные корабли зачастую не могли пополнить запасы угля, продовольствия, пресной воды для котлов. Так, канонерка «Ренна Кристина» едва не погибла в одной из бухт на западе Кубы, когда она встала на якорь, пытаясь заправиться топливом. Пока ее команда не смогла пробить густо заросшую пальмами кучу угля, сваленного прямо на землю,

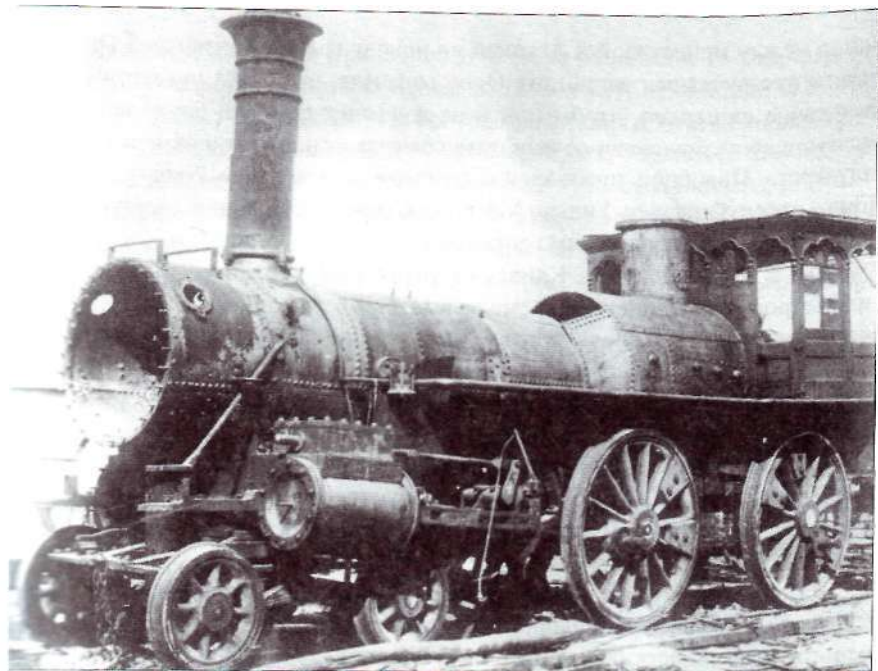
местное население известило повстанцев. Подоспевший отряд заставил моряков вернуться на лодку, где они без провизии и воды просидели целый месяц, и были спасены случайно зашедшим в бухту пароходом. Лишь позднее испанцы сумели наладить снабжение со специально выделенных для этой цели транспортов, которые ставили на якоря в определенных местах. Патрулировать стало легче, но зафрахтованным кубинцами американским пароходам и быстроходным шхунам по-прежнему удавалось находить бреши в редкой цепи испанских канонерок и крейсеров. Премия, обещанная тем, кто укажет пункты высадки этих экспедиций, осталась не востребовавшей. Поток оружия, боеприпасов, динамита для повстанцев не оскудевал.

Наконец, Вейлер пришел к мысли изолировать их отряды и уничтожить по частям. Он приказал генералу Ароласу построить вторую трочу между бухтами Мариель и Махана. Эту укрепленную линию, призванную запретить Масео с его людьми в провинции Пинар-дель-Рио, должны были оборонять 14000 человек. Они расположились небольшими группами вдоль 38-километровой дороги со рвом, проволочными заграждениями и окопами. Деревянные блокгаузы отстояли один от другого на расстоянии ружейного выстрела, а в самых опасных местах устанавливались двухорудийные артиллерийские батареи.

Вейлер реорганизовал армию, сформировав третий корпус, численностью до 40000 человек, с 16-ю горными пушками, специально предназначенный для преследования повстанцев. Из состава этого корпуса выделялись летучие колонны, весной 1896 г. занявшиеся поисками Масео. Дважды, 9 и 30 апреля им удавалось настигнуть его, но окружить и разбить кубинского генерала не смогли. Эти неудачи были особенно неприятны Вейлеру, так как Масео изменил свою обычную практику и стал уничтожать попадавшие на его пути плантации. Репутация генерал-губернатора, обещавшего скорое умиротворение Пинар-дель-Рио, сильно пострадала.

Продолжали бурлить и центральные провинции, где действовал Гомес. Чтобы не дать ему уйти оттуда, Вейлер приказал реконструировать трочу Хукаро-Морон. Железнодорожную линию обнесли колючей проволокой, лес и кустарник вдоль нее вырубili на ширину 500 метров. На каменных блокгаузах установили вышки для рефлекторов, освещавших местность яркими вспышками магния. На оборудование трочи ушли миллионы песет, но пользы она так и не принесла.

Между тем отношение северного соседа к затянувшейся на Кубе смуте заметно изменилось. Если в начале восстания, 12 июня 1895 г., президент Гровер Кливленд провозгласил нейтралитет, то в феврале—апреле сенат и палата представителей решили признать кубинцев воюющей стороной. 4 апреля 1896 г. Кливленд и государственный секретарь Ричард Олни после беседы с послом Испании Депьюи де Ломом подготовили ноту с советом

«Исургенты завладели близ Гаваны товарным поездом. Ограбив его, они зарядили пороку до-нелъзя и, открыв паровой регистр, соскочили с локомотива, когда он не избрал хода. Таким образом поезд был пущен по направлению Гаваны. К счастью, паровоз взорвался, иначе произошло бы столкновение с пассажирским поездом»
(Из отчета Д. Б. Похвиснева)

...указать кубинцам в некоторых требованиях. Нота, датированная 7 апреля, призывала суверенитет Испании над Кубой, но подчеркивала, что США не потерпят новой Десятилетней войны.

22 мая Мадрид ответил сдержанным отказом, утверждая, что отсутствие на Кубе твердой власти приведет к разгулу анархии. Диалога не получилось. Кливленд вернулся к кубинскому вопросу уже на исходе своего президентства 7 декабря 1896 г., когда в последнем ежегодном послании конгрессу высказался за предоставление Кубе автономии. К посланию был приложен доклад Олни, обосновывавший признание кубинцев воюющей стороной. Американцев нисколько не смущало то, что подобная позиция означала вмешательство во внутренние дела Испании. Соединенные Штаты никогда не останавливались перед таким вмешательством, если оно отвечало их интересам. С начала XIX в. провозгласив доктрину Монро, американцы фактически заявили претензию на господство в западном полушарии. В 1895 г. они откровенно и резко подтвердили свою готовность отстаивать эти притязания, вмешавшись

в спор между Венесуэлой и Англией по поводу границ Британской Гвианы. Громко прозвучавшая тогда нота Одни означала, что США чувствуют себя достаточно сильными, чтобы пойти на конфликт с любой державой мира, посягающей на присвоенное ими право решать судьбы латиноамериканских государств. Подобной точки зрения придерживался и новый хозяин Белого Дома — республиканец Уильям Маккинли, твердо обещавший своим избирателям покончить с кубинским вопросом.

А в тот день, когда Кливленд читал своё послание за две тысячи километров от Вашингтона гремели выстрелы. Антонио Масео, накануне обошедший трочу Мариель — Махана на лодке и во главе отряда из нескольких сот бойцов двигавшийся к Гаване, вступил в бой с небольшой испанской колонной. У испанцев не хватало людей, чтобы атаковать, поэтому они засели за невысокой каменной оградой и стали отстреливаться. Тогда Масео повел своих бойцов вперед, но был сражен пулей. Над его телом пал и сын Гомеса, Франсиско. После боя герильясы, как обычно, ограбили трупы, но лишь некоторое время спустя, рассматривая записную книжку и кольцо, снятое с одного из убитых, догадались о смерти Масео.

После его гибели восстание в западной части острова несколько утихло, действовали только небольшие отряды. С этого момента испанцы стали готовиться к репрессиям против повстанцев в центральных провинциях. Вейлер решил применить здесь тот же прием, который он испытал в Пинардель-Рио. 20 января 1897 г. генерал прибыл в Матансас для личного руководства операцией. Была объявлена рекоцентрация жителей, прекращены полевые работы, реквизированы лошади. На поиски повстанцев отправились колонны, которые по пути сжигали уцелевшие от рук освободительной армии плантации, так как Вейлер не без основания считал, что их владельцы субсидируют восставших. Однако Гомеса обнаружить так и не удалось: он уже перебрался через трочу Хукаро-Морон и находился в провинции Камагуэй. Начало сезона дождей, как и в предыдущие годы, прервало военные действия.

К осени 1897 г. в испанской армии широко распространились болезни. Причин тому было несколько. Многочисленные пополнения, прибывавшие на Кубу из Испании, не успев акклиматизироваться, попадали в напряженную боевую обстановку. Продолжительные походы под палящим солнцем изнуряли людей, а недостаток годной к употреблению воды и продовольствия подталкивал к окрестным ручьям и фруктовым садам. В итоге — массовая дизентерия. Нередко преследовавшие повстанцев солдаты и офицеры были вынуждены спать под проливным дождем, другим приходилось жить в сырых блокаузах, подолгу находиться в очагах малярии. Особенно тяжело приходилось тем, кто охранял участки оборонительных линий вблизи рек и болот, а также служившим на островках, разбросанных вдоль побережья. На каждого

в испанской армии приходилось четверо раненых и 11 умерших от безвозвратных потерь только за 1895 и 1896 гг. составили 22417 человек, тогда как у кубинцев они за все годы восстания достигли лишь 8617.⁸ Ежемесячно в Испанию возвращалось по болезни до 1500 человек. Во многом благодаря на этой печальной статистике жестокость генерала Вейлера, который был испанцем по происхождению и не стремился щадить своих подчиненных. Сменивший его маршал Дон Рамон Бланко-и-Аренас писал позднее, что Вейлер принял у Кампоса 192000 человек, а ему сдал только 84000 способных.

Методы Вейлера серьезно стесняли повстанцев, но не заставили их бросить оружие. Мало того, 19 сентября 1897 г. в городе Агуара собралась первая Конституционная ассамблея, утвердившая новый основной закон Филиппин. Был также избран очередной президент, им стал Бартоломе Масо, вице-президент — Доминго Мендес Капоте. Освободительная армия нанесла испанцам множество мелких, но болезненных ударов, отвечать на которые становилось все труднее. Если к ноябрю 1896 г. на Кубу прибыло еще 45000 испанских солдат и офицеров, то к лету 1897 г. только 25000. Проблема была в том, что предназначавшиеся для Кубы пополнения отправлялись на Филиппины.

19 августа 1896 г. на холмах Балинтавак, севернее Манилы, глава тайной организации Катипунан Андрес Бонифасио объявил о начале антииспанского восстания⁹. Попытки генерал-губернатора Филиппин маршала Рамона Бланко справиться с ним не увенчались успехом. 11 ноября генерал Эмилио Агиньалдо нанес поражение войскам Бланко, а к концу месяца окружил Манилу. В Мадриде были серьезно обеспокоены таким поворотом событий. Правительство Кановаса требовало жестких мер. Бланко, попытавшийся смягчить режим, 13 декабря был заменен генералом Камильо Паловьехой, применявшим многие методы Вейлера. Начались суровые репрессии, среди которых оказался и вдохновитель филиппинской революции, ученый и поэт Хосе Рисаль, но восстание не утихло. Жестокость лишь вызвала встречную жестокость, силы испанцев таяли, и военные транспорты двинулись из Европы в Тихий океан.

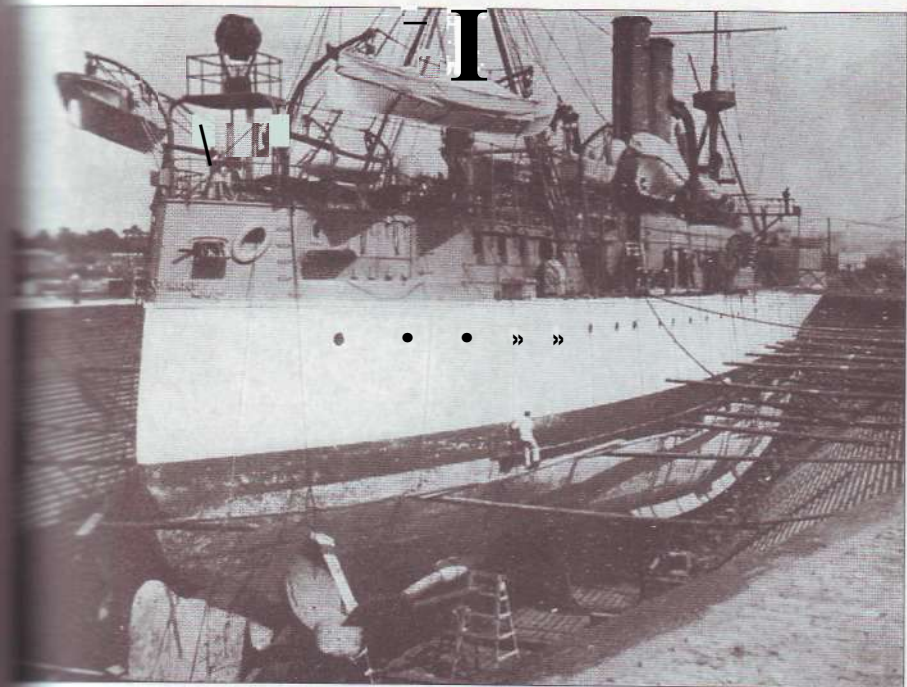
Неизвестно, как долго тянулась бы эта война на два фронта, если бы в августе 1897 г. итальянский анархист Мигель Анхиолильо не убил Кановаса. Главивший новый консервативный кабинет премьер Асхарага продержался его несколько недель, а затем бразды правления приняли либералы во главе с Агастой. На практике их колониальная политика мало отличалась от политики консерваторов, но на обещания провести те или иные реформы власти не скупилась, в критические же моменты шли и на уступки, стремясь ранить колонии за Испанией. На Филиппинах новый курс выразился в

маневре очередного генерал-губернатора Мигеля **Примо** де Ривера-и-Орбанеха, который сумел использовать разногласия и борьбу за власть среди лидеров восстания и склонить на свою сторону умеренное крыло во главе с Агинальдо. 18 ноября 1897 г. повстанцы подписали с **Примо** де Риверой мирный договор, и их руководители отправились в эмиграцию. Организованная борьба филиппинцев окончилась, но отдельные выступления продолжались и позднее, пока не переросли в новое восстание с началом испано-американской войны.

Изменили либералы и политику Испании по отношению к Кубе. Декретом от 9 октября 1897 г. Вейлера сняли с должности, генерал-губернатором назначили маршала **Бланко**. Министр колоний **Сегисмундо Морет** обнаружил подготовленный еще его предшественником план реформ, предусматривавший выборы двухпалатного парламента, муниципальных и провинциальных советов, которым поручались внутренние дела Кубы. Внешнюю политику, оборону и суд Испания сохраняла за собой. Фактически верховная власть на острове оставалась в руках генерал-губернатора, что ни в коей мере не устраивало повстанцев, которые к тому времени уже могли рассчитывать на деятельную поддержку правительства Соединенных Штатов, включавшего таких сторонников вмешательства в конфликт на Кубе, как государственный секретарь **Джон Шерман**, секретарь морского департамента **Джон Лонг** и его помощник **Теодор Рузвельт**.

Об этом говорили и принятая 20 мая 1897 г. резолюция американского сената, признававшая состояние войны на Кубе и объявлявшая кубинцев воюющей стороной, и нота протеста против действий Вейлера, наносивших ущерб интересам американских дельцов, 2 июня врученная испанскому послу в Вашингтоне. Спустя полтора месяца президент **Маккинли** лично отредактировал очередную ноту, в которой отмечалось, что восстание продолжается, и США не могут более воздерживаться от вмешательства, поэтому признают за кубинцами права воюющей стороны. 18 сентября эту ноту лично изложил министру иностранных дел Испании, герцогу **Тетуанскому**, новый американский посол **Стюарт Вудфорд**, предоставив для ответа срок до 1 ноября.

Переходя на язык ультиматумов правительство США откровенно готовило почву для разрыва с Испанией. К осени 1897 г. оно уже твердо знало, что сложившаяся в мире ситуация благоприятствует такому разрыву. В предполагаемой войне с испанцами из-за Кубы решающую роль должен был сыграть флот, на плечи которого ложилось обеспечение десантных операций, защита коммуникаций и собственного побережья. Справиться с этими задачами он мог только в том случае, когда его противником являлся одинокий испанский флот. Союз Испании с любой морской державой мог опрокинуть все расчеты, особенно же опасен был союз с Англией. Однако после неприятной размолвки по поводу границ Британской Гвианы в 1895 г. между США и

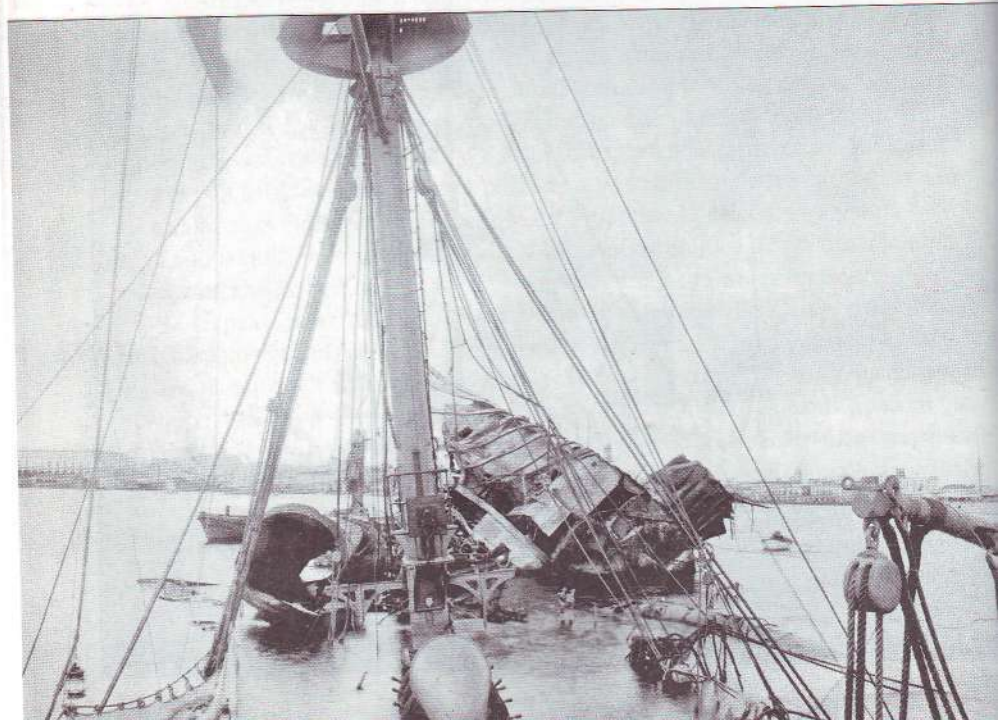
Потопленный «Мэн» в сухом доке № 2 верфи Нью-Йорка

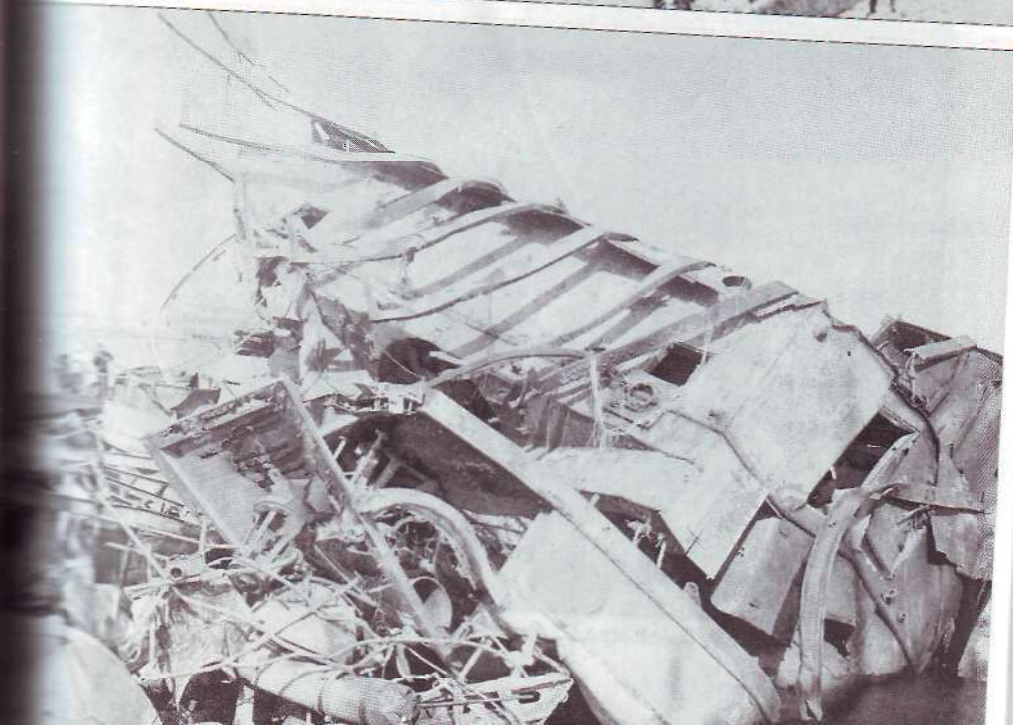
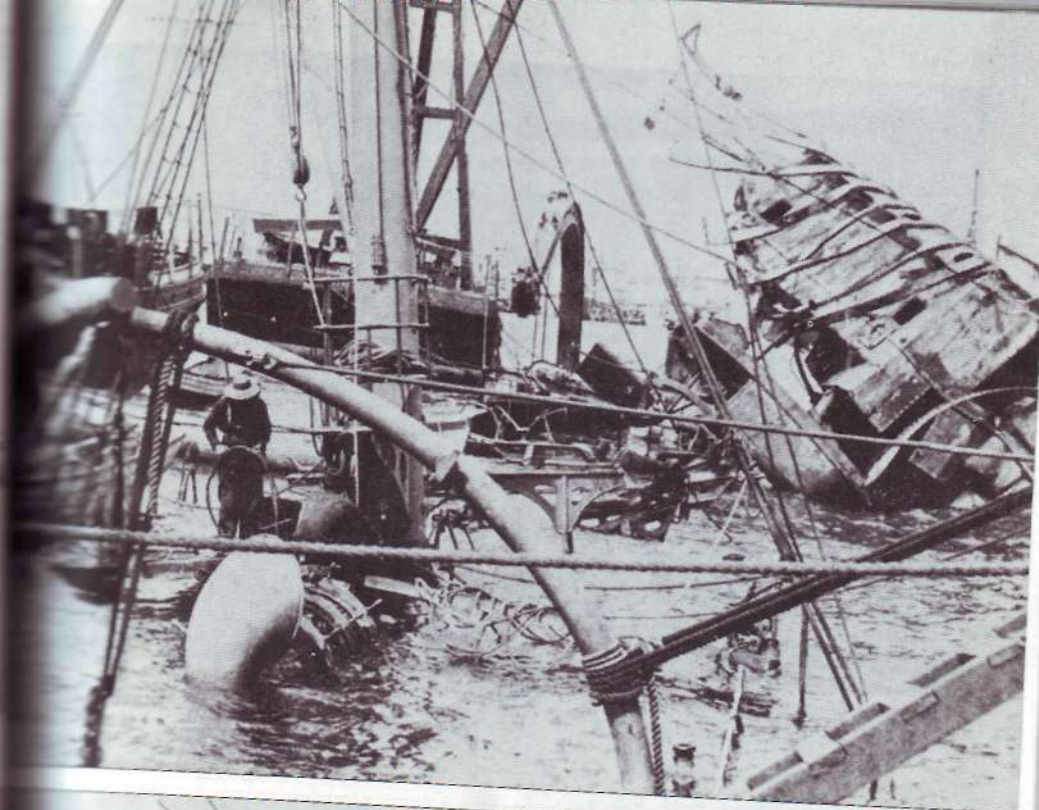

Потопленный «Мэн»

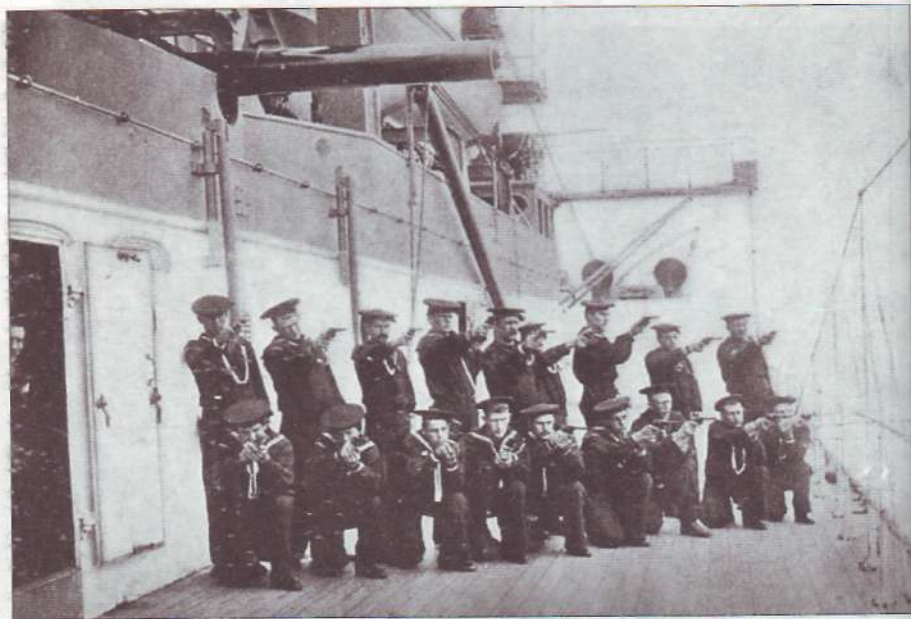
Броненосец «Мэн» после взрыва

Командир броненосца «Мэн» кэптен Ч. Сигзби в своей каюте

Обучение стрельбе из револьвера на броненосце «Мэн»

Англией наметилось сближение, и нейтралитет англичан в назревавшей войне вызывал сомнения. Американская дипломатия убедилась в этом, когда Рорд по пути в Испанию посетил Лондон, где беседовал со своим коллегой Леоном Хэем.

Стремление Германии вмешаться в предстоящий конфликт не выходило за рамки дипломатических маневров, так как отсутствие сильного флота и боязнь потерять недавно приобретенные колонии, а также значительные экономические связи с США во многом определяли ее реальную политику. Остальные державы также не торопились присоединяться к испанцам. Австро-Венгрия занималась ликвидацией последствий опрометчивых реформ графа Бадени, дестабилизировавших политическую жизнь двуединой империи. К тому же ее традиционно занимали ближневосточные и балканские дела: только что окончившаяся греко-турецкая война так и не привела к окончательному решению критского вопроса, и напряженность в регионе продолжала сохраняться. Франция берегла силы на случай обострения отношений с Англией из-за Судана, которое вскоре и последовало. Россия и вовсе не считала нужным портить отношения с Соединенными Штатами, особенно ввиду активизации ее дальневосточной политики. В итоге Испания оказалась в одиночестве перед лицом сильного противника, энергично готовившегося к войне.

Еще при президенте Кливленде, в июне 1896 г., ассигнования на постройку в США береговых укреплений были увеличены с 0,5 млн. до 2,4 млн. долларов¹⁰. Летом 1897 г. началось спешное возведение артиллерийских батарей в Ки-Уэсте — передовой военно-морской базе, удаленной от берегов Кубы всего на 80 миль¹¹. Тогда же американцы приступили и к вооружению береговых батарей Норфолка¹². В сентябре 1897 г. помощник секретаря флота Теодор Рузвельт изложил президенту Маккинли план действий против Испании¹³. Вскоре началось и сосредоточение сил. Морское ведомство решило организовать отдельную флотилию миноносцев и 1 октября направить ее из Нью-Йорка в Мексиканский залив, якобы с целью отработки совместного плавания и методов использования оружия. 15 октября в Ки-Уэст отправился броненосец II класса «Мэн». Его командир, капитан Чарльз Д. Сигсби, передал американскому консулу в Гаване, генералу Ли, условный сигнал «Два доллара», которым броненосец следовало вызвать в случае необходимости. Вскоре под предлогом проведения зимних маневров двинулась на юг и северо-атлантическая эскадра. Осенью 1897 г. все соединения американского флота приступили к интенсивной боевой учебе, включавшей стрельбы и маневрирование.

К тому времени обострилась международная обстановка на Дальнем Востоке. 14 ноября 1897 г. германская эскадра, под предлогом защиты интересов подданных Германии и в виде наказания за убийство китайцами двух миссионеров, захватила Цзяочжоу (Циндао). Предъявленные Китаю

требования включали долгосрочную аренду части Шаньдунского полуострова, и это обеспокоило правительства других держав, послужив сигналом к новым захватам. Опасаясь, что англичане займут Порт-Артур, Россия ввела туда 14 декабря эскадру вице-адмирала Ф. В. Дубасова. Британцы не замедлили обосноваться в Вейхайвее. Забеспокоились и американцы. 19 декабря командующему средиземноморской эскадрой США, контр-адмиралу Сэлфриджу было приказано отправить на соединение с эскадрой в китайских водах бронепалубный крейсер «Рэлей»¹⁴. В распоряжение командующего ею commodora Дьюи передавались также три канонерские лодки.

Однако в глазах американцев события в Китае не могли затмить кубинского кризиса. Автономия, предоставленная Кубе королевским декретом от 25 ноября 1897 г., была отвергнута повстанцами. Назначенные генерал-губернатором и 1 января 1898 г. принявшие присягу министры не могли приступить к работе, так как продолжало действовать военное положение¹⁵. Выборы в парламент невозможно было провести, потому что значительные территории контролировались восставшими. Ежедневно происходили стычки между отрядами освободительной армии и испанскими частями, время от времени гремели взрывы на железных дорогах и даже на троче Хукаро — Морон. Политика Испании на Кубе явно терпела провал.

Положение казалось тупиковым. Подпитываемое извне, эмигрантскими, а под конец 1897 г. и американскими капиталами, восстание могло продолжаться и в той обстановке повсеместной разрухи, которая наступила на Кубе в результате совместных усилий Гомеса и Вейлера. Проводить линию своего предшественника Бланко не мог как по политическим, так и по экономическим соображениям. Другие методы не действовали, а значит, страна была обречена на многолетнее истощение. Ее мог бы спасти раскол среди руководства повстанцев или отказ Испании от суверенитета над Кубой. Однако для того, чтобы какая-либо из этих возможностей могла реализоваться, требовалось время, но *была* и третья заинтересованная сторона, которая вовсе не собиралась ждать.

11 января 1898 г. морское министерство США приказало командующему отрядом судов в европейских водах задержать нижних чинов, выслуживших положенные сроки¹⁶. Строившиеся в Англии по заказу Бразилии и недавно купленные Соединенными Штатами крейсера «Нью-Орлеан» и «Олбэни» предписывалось включить в состав отряда, причем первый из них немедленно отправить в Америку. Одновременно командующему южно-атлантической эскадрой приказали перейти из Монтевидео в Пара, на северном берегу Бразилии. Корабли эскадры Дьюи были сосредоточены в Гонконге, а эскадренный броненосец «Орегон» из Бремертона, штат Вашингтон, переведен южнее, в Сан-Франциско, и подготовлен к дальнему походу. Всем флагманам дали указание пополнять запасы угля и беречь боеприпасы.

12 января в Гаване вспыхнули беспорядки. Начало им положил разгром группой испанских офицеров типографии газеты «Эль реконсентрадо». Затем волонтеры-конституционалисты и рабочие табачных фабрик с криками «Смерть Бланко» подвергли разгрому ещё две автономистские газеты. Бунтовщики требовали возвращения на Кубу Вейлера. Американский консул Ли доносил в государственный департамент, что в Гаване необходимо присутствие военного судна, но послать его лучше в последнюю неделю января, когда в столицу Кубы ожидается визит двух германских кораблей, чтобы эта акция меньше бросалась в глаза. Вместе с тем эксперт Олви А. Эйди писал помощнику государственного секретаря Уильяму Дэйу, что американским эскадрам в Мексиканском заливе необходимо быть готовыми немедленно вступить в бой, так как телеграмма Ли свидетельствует «о начале конца на Кубе»¹⁷.

Утром 24 января Дэй встретился с Депьюи де Ломом и сообщил ему о решении президента послать в Гавану «Мэн», якобы для того, чтобы засвидетельствовать признание Соединенными Штатами успехов испанской политики умиротворения на Кубе. В формулировке чувствовалась злая ирония, из самой акции — угроза, но отреагировать испанцы не успели: уже на следующий день броненосец красовался на рейде Гаваны. Его появление вызвало недовольство испанских жителей столицы, а Бланко выразил официальный протест, так и оставшийся без последствий.

Три недели «Мэн» стоял в гаванской бухте. Его командир за это время успел составить и отослать в Вашингтон подробное описание береговых укреплений, указав даже сектора обстрела батарей. Тем временем другие корабли американского флота сосредоточивались в Ки-Уэсте. В ответ испанцы объявили, что пошлют на Кубу флотилию миноносцев, причем, в их устах это была слабая угроза. Тогда же морской министр Испании, Сегисмундо Морехо предупредил адмирала Паскуаля Сервера о возможности войны с Соединенными Штатами и о планах покупки боевых кораблей за границей, чтобы быть в готовности к военным действиям уже к апрелю 1898 года. Но испанскому флоту так и не дали действительно подготовиться к ним.

Между тем напряженность в отношениях двух стран постоянно нарастала. Войнственные статьи печатались во многих центральных и провинциальных газетах США. 6 февраля группа из 174 американских журналистов, связанных с Кубой, направила Маккинли петицию с требованием длительного вмешательства и восстановления спокойствия на острове, ради обеспечения их деловых интересов. Президент и сам вполне созрел для такого решения. Это хорошо понимал Депьюи де Лом, довольно откровенно высказавшийся по этому поводу в одном из частных писем. Ему не повезло: письмо выкрал один из членов Кубинской революционной партии, и утром 9 февраля его фотокопию с переводом опубликовала принадлежавшая Херсту

газета «Нью-Йорк джорнэл». Самым скверным было не то, что испанский посол грубо отзывался о Маккинли, а то, что он писал о предоставленной Кубе автономии как об уловке, призванной умиротворить восставших. Немедленно во всей экспансионистской печати Америки началась пропагандистская истерия. В ход пошли все средства: от лживого сочувствия кубинцам до откровенного признания собственных интересов на острове. Писали о поруганной национальной чести, требовали немедленной войны с Испанией. На следующий день Депьюи де Лом подал в отставку, и ему на смену отправился Луис Поло де Бернабе.

Не успел, однако, новый посол освоиться в Вашингтоне, как телеграф разнес по всему свету трагическое известие. 15 февраля в 9 часов 40 минут вечера мощный взрыв переломил «Мэн» у носовой башни, и он моментально затонул. Погибло 2 офицера и 264 нижних чина при штатной численности 31 офицер и 343 человека команды. Немногих уцелевших подобрали шлюпки с крейсера «Альфонсо XII» и парохода «Сити оф Вашингтон».

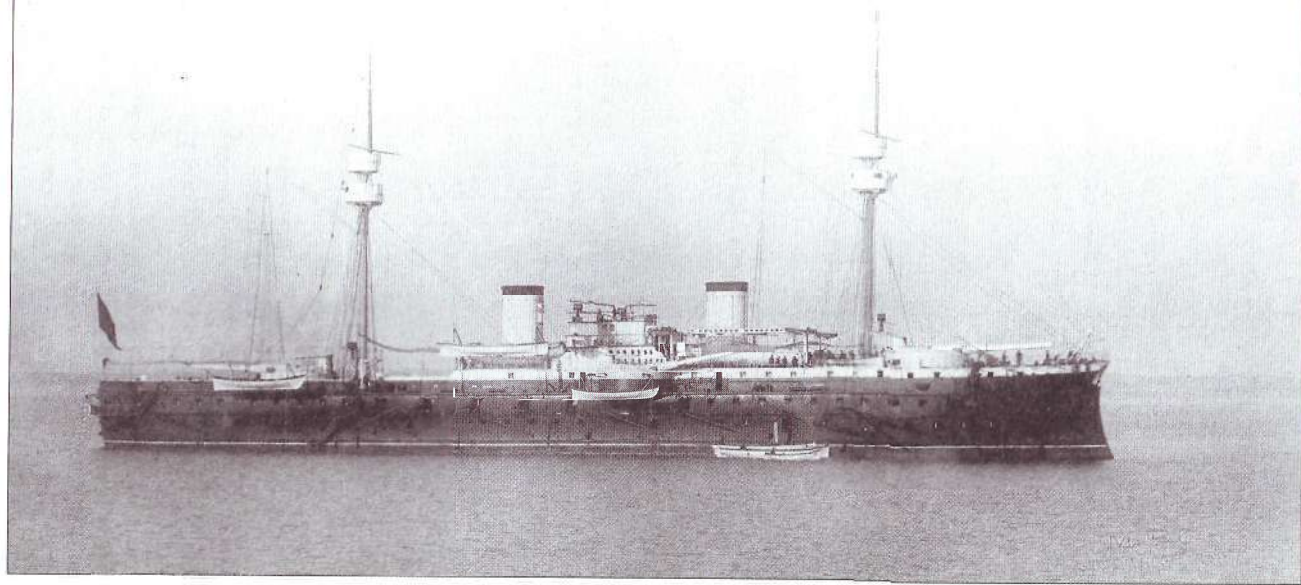
Испанские власти приступили к следствию по горячим следам: первый свидетель был опрошен уже через час после катастрофы. Но цельной картины они составить не смогли, так как на требование о даче показаний ранеными американскими матросами консул Ли даже не ответил. Генерал-губернатор Бланко старался доказать непричастность Испании к этому событию, а 20 февраля и испанский суд заявил об отсутствии указаний на внешнюю причину взрыва.

Позднее к такому же выводу придет и минный офицер I разряда, лейтенант Д.Б. Похвиснев, командированный морским министерством России на театр военных действий. Правда, свое расследование Похвиснев провел спустя пять месяцев после того, как «Мэн» скрылся под водой, однако собранные им сведения едва ли теряют от этого свою ценность. Так, лейтенант указал на отсутствие ощутимого гидродинамического удара, который был бы неизбежен при подводном взрыве, что подтверждалось и отсутствием оглушенной рыбы вблизи места катастрофы. С другой стороны, все стекла в окрестных зданиях были выбиты. Похвиснев считал, что взрыв произошел внутри корпуса, и даже не у днища, а на уровне ватерлинии. Возможно, детонация погребов была связана с аварией неисправного котла в носовой кочегарке. Но не исключена и причастность к взрыву таинственной шхуны, принадлежавшей редакции одной из американских газет. Как писал лейтенант: «Многие в Гаване высказывали предположение, что взорвался именно динамит, тайно перевезенный со шхуны»¹⁸.

Однако американцев подлинные причины взрыва интересовали мало. Им нужен был повод к войне. Характерно изменение позиции консула Ли, который в личном письме Дюю от 16 февраля назвал катастрофу случайной, а

B. M.

Pelayo

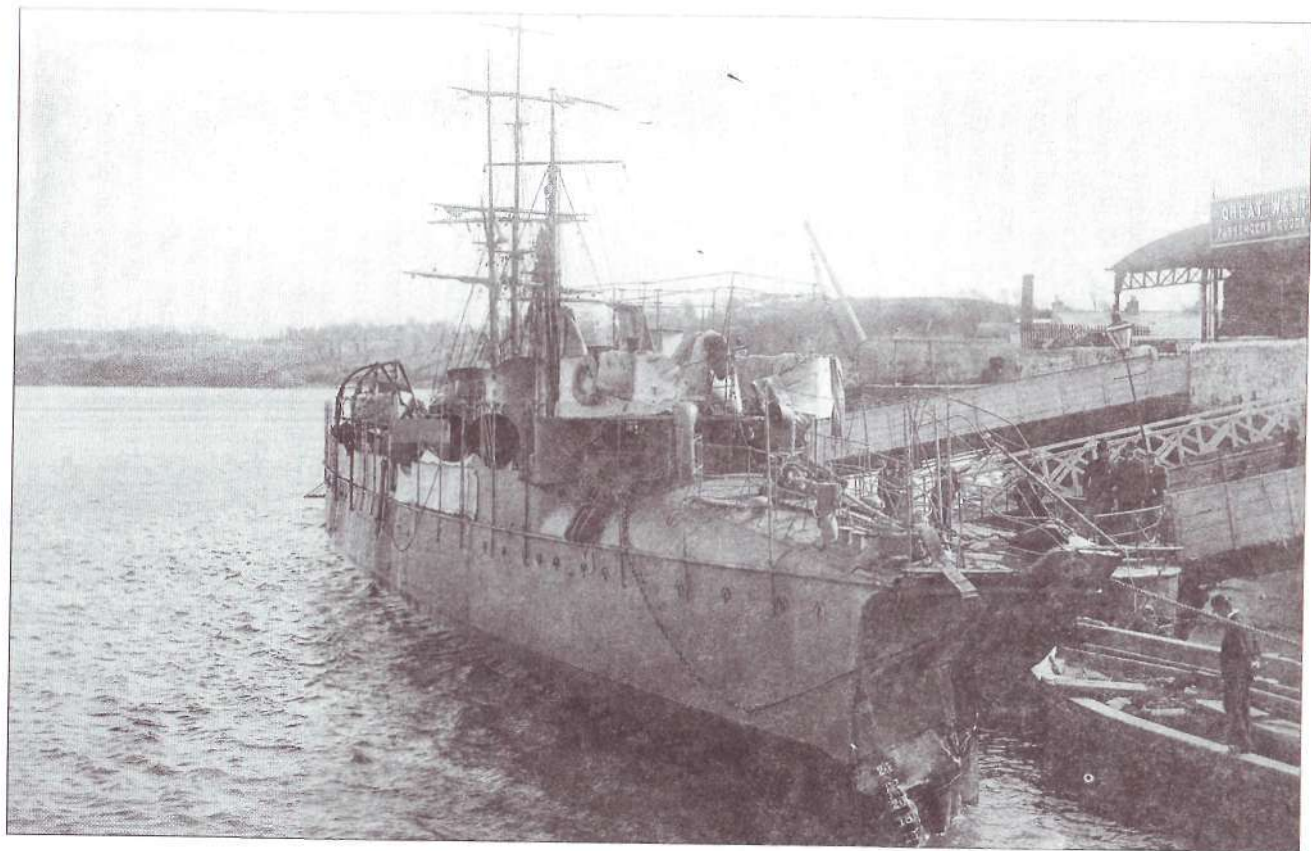
Испанский броненосец «Пелайо»

спустя неделю в официальном сообщении приписал ее рукам сторонников генерала Вейлера, Гусмана Сантоса и Канелии. В конце февраля в Гавану прибыла американская следственная комиссия, возглавляемая командиром броненосца «Айова», кэптенем Уильямом Сэмпсоном. Опросив за 22 дня 78 человек как членов команды броненосца, так и водолазов, и сторонних наблюдателей, комиссия пришла к заключению, что причиной гибели «Мэна» стала детонация погребов, вызванная взрывом подводной мины. Правда, комиссия воздержалась от обвинений в адрес испанцев, но в тот момент это уже не имело значения.

Пружина войны начала раскручиваться, набирая скорость с каждым оборотом. 25 февраля, воспользовавшись отсутствием в морском министерстве Лонга, уехавшего домой немного отдохнуть, Рузвельт издал несколько приказов, ускорявших подготовку флота к войне. Он также телеграфировал Дьюи в Гонконг, предупреждая коммодора о близком начале боевых действий. 9 марта конгресс единогласно утвердил билль о чрезвычайном положении, согласно которому на «укрепление национальной обороны» выделялось 50 млн. долларов. Были сняты пошлины на ввоз военного имущества в США. Американцы бросились скупать и вооружать быстроходные пассажирские пароходы и яхты. В Англии и Германии закупились миноносцы. На береговых батареях устанавливались новые орудия. Входные фарватеры военных и крупных коммерческих портов минировались. 19 марта броненосец «Орегон» вышел из Сан-Франциско в перуанский порт Кальяо. Регулярные сухопутные войска были приведены в боевую готовность и получили топографические карты Кубы.

Началось усиленное дипломатическое давление на Испанию, чтобы спровоцировать ее или заставить пойти на требуемые уступки. Согласно направленной Вудфорду 20 марта и подтвержденной 23-го инструкции занявшего пост государственного секретаря Дэя, посол должен был потребовать от испанского правительства заключить мир с кубинскими повстанцами не позднее 15 апреля. В качестве посредника при этом предлагалась кандидатура Маккинли. 26 марта испанцы обратились к правительствам Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии и России с просьбой содействовать передаче дела на международный арбитраж. Германия немедленно призвала папу Льва XIII выступить посредником между Испанией и повстанцами. Тем временем кабинет Сагасты вручил Вудфорду ответную ноту, в которой содержалось согласие на перемирие с кубинцами при условии инициативы с их стороны.

Минный крейсер «Осадо» — один из серии построенных в Англии кораблей, вошедший в состав эскадры адмирала Комара. На снимке, сделанном перед войной, видны повреждения, полученные от ударов волн во время шторма. Они наглядно показывают, насколько англичане жертвовали прочностью корпуса ради достижения высоких скоростей.

Испанское правительство сообщало также об отмене режима концентрации, выделении 3 млн. песет на помощь пострадавшим при переселении и других подобных мерах.

Параллельно этому морское министерство Испании лихорадочно пыталось усилить свой военный флот и сумело добиться некоторых успехов. В Италии был приобретен броненосный крейсер «Джузеппе Гарибальди II», переименованный в «Кристобаль Колон». Из Гавра в Кадис перевели недостроенный крейсер «Эмперадор Карлос V», а в Тулоне спешно заканчивали ремонт броненосца «Пелайо». 13 марта из Испании на Пуэрто-Рико отправилась флотилия из трех минных крейсеров и трех миноносцев под конвоем вспомогательного крейсера. Однако на переходе они попали в жестокий шторм, который разметал миноносцы, случайно собравшиеся на о. Сан Винсенти в архипелаге островов Зеленого Мыса, принадлежавших Португалии. В те же дни на Кубу были отправлены броненосные крейсера «Виская» и «Алмиранте Окендо», однако вскоре морское министерство отозвало их, и 1 апреля крейсера вышли из Гаваны на соединение с остальным флотом.

Время политических демонстраций истекало, тем более, что они не могли быть эффективными. 1 апреля Испания ответила отказом на предложение папы о посредничестве. Объясняя такое решение, посол в Берлине говорил статс-секретарю ведомства иностранных дел Германии фон Бюлову, что дальнейшие уступки Испании грозят падением династии, а это страшнее, чем война. Однако 3 апреля мадридский кабинет все же согласился на посредничество Льва XIII, но потребовал удаления американской эскадры из Ки-Уэста после заключения перемирия. США резко отказались выполнить это условие.

6 апреля представители шести европейских держав наконец откликнулись на призыв Испании и представили президенту Маккинли коллективную ноту. Составивший ее дуайен дипломатического корпуса, посол Великобритании в Вашингтоне Джулиан Паунсофт придал ноте характер благого пожелания мира и призыва к гуманности. На что Маккинли ответил заверением в своей искренней приверженности делу мира, но указал на Испанию, как единственную помеху его достижению. Коль скоро испанцы не в состоянии восстановить порядок на Кубе, подчеркнул президент, США берут эту задачу на себя.

Оказавшаяся практически в полной изоляции Испания продолжала отчаянно маневрировать. 9 апреля она заявила о готовности объявить перемирие на Кубе, не дожидаясь соответствующего обращения повстанцев. На следующий день Бернабе сообщил об этом государственному департаменту. А 11 апреля в Вашингтон пришло сообщение, что королева-регентша Мария-Кристина подписала декрет, обязывавший маршала Бланко заключить перемирие. Таким образом, условие американской ноты от 23 сентября

Amiral Oquendo

Испанские крейсера: «Алмиранте Окендо»,...

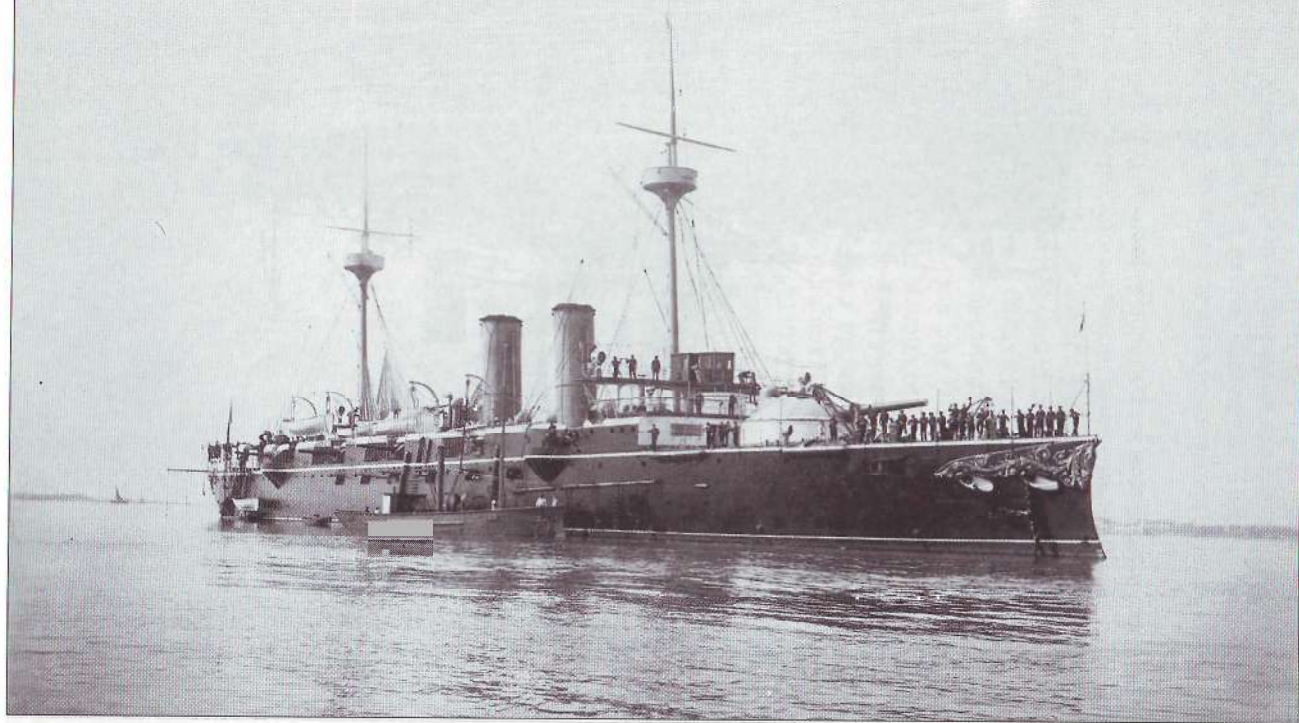
Viscama
I

III

... «Вискайя»,...

Infanta Maria Teresa

... «Инфанта Мария Тереза»,...

Cristobal Colon

... «Кристобаль Колон».

формально было выполнено. Но могло ли это остановить войну, которая уже шла в умах миллионов американцев во главе с их президентом? В Европе не оказалось сил, способных изменить положение. Никто, даже Германия, присматривавшаяся к испанским колониям, не желал или не решился отрезвить американцев силой.

11 апреля 1898 г. Маккинли обратился к конгрессу с посланием, в котором обосновывал необходимость вооруженного вмешательства в испано-кубинскую распрю. 19 апреля конгресс рассмотрел послание и принял резолюцию, требовавшую отказа Испании от суверенитета над Кубой и вывода испанских войск с острова. На следующий день Вудфорд предъявил мадридскому кабинету ультиматум, предлагая неукоснительно исполнить эти требования. На ответ давалось два дня. Тогда же Маккинли подписал резолюцию конгресса. 21 апреля Мадрид отказался принять американский ультиматум и отозвал Бернабе, заявив о разрыве дипломатических отношений : США. В ответ последовал приказ президента о блокаде берегов Кубы. 22 апреля прокламация о блокаде появились в американских газетах, одновременно был объявлен набор 125000 волонтеров. В половине восьмого утра этого же дня эскадра контр-адмирала Сэмпсона вышла из Ки-Уэста, а в пять часов вечера она уже обменивалась первыми выстрелами с береговыми батареями Гаваны. Война началась. Последовавшее 23 апреля официальное ее объявление испанским правительством и закон американского конгресса от 25 апреля по тому же поводу лишь юридически оформили это событие.

ВОЙНА

Нельзя сказать, что война с Соединенными Штатами застала испанцев врасплох. Ее неизбежность была очевидной для многих мыслящих офицеров и политиков. Однако для основательной подготовки к ней Мадриду не хватало средств, ни политической воли. Власти на Кубе были целиком поглощены борьбой с восстанием и занимались, главным образом, подготовкой военных операций против повстанческих формирований, оборудованием укрепленных линий вдоль железных дорог и вокруг городов, восстановлением разрушенных путей сообщения, обеспечением действий морского патруля и другими подобными мероприятиями.

Так как в последние десятилетия Испания вела только колониальные войны, то ее военачальники привыкли широко разбрасывать свои силы на большие отряды. Первое время подобным образом поступал и маршал Бланко. Лишь в мае-июне он приказал свести стоявшие гарнизоны в городах и поселениях дивизии в четыре армейских корпуса, но решение это осталась на бумаге: фактически до конца войны все части сохраняли прежнюю дислокацию. Отчасти это было связано с трудностями размещения войск на новых местах, отчасти объяснялось стремлением командования контролировать территорию провинций, где продолжали действовать повстанческие отряды. То немногое, что генерал-губернаторы, начиная с Мартинеса Кампоса, сумели сделать для укрепления обороны Кубы от внешнего вторжения, практически сводилось к строительству береговых батарей Гаваны.

Возведенный вскоре после разгрома города в 1555 г. французским пиратом Жаком де Сором замок Морро, как и старые батареи Пунта, Реина и Зинта Клара, давно перестал быть реальной защитой столицы Кубы. В декабре 1895 г., не дожидаясь выделения кредитов, Кампос приказал приступить к постройке трех новых батарей. Работы эти продвигались медленно, и к апрелю 1898 г. батареи не были окончены постройкой, хотя на них уже стояли орудия. Згсной 1896 г. Вейлер распорядился заложить еще две современные батареи, также обсыпать каменные стены устаревших толстым земляным бруствером. В первоизданном виде остались только Морро и Кабана, чьи стены отвесно

Форт Морро

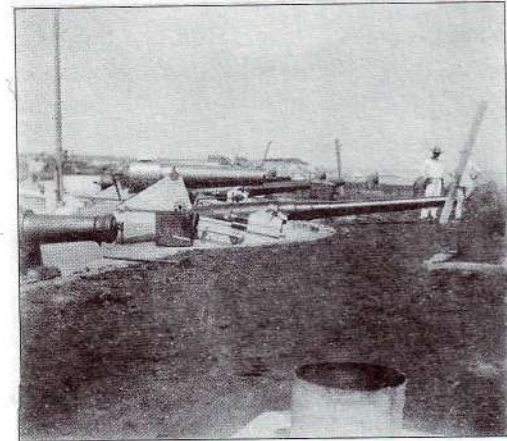
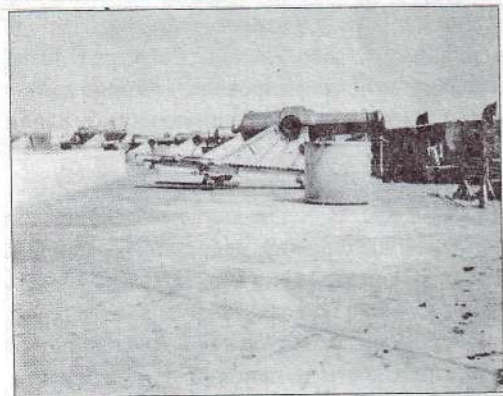
Железнодорожная артиллерия батареи «Карденас»

спускались к воде. Стараниями Вейлера оборона столицы окрепла, но все еще оставляла желать лучшего. Поэтому когда эскадра контр-адмирала Уильяма Сэмпсона, захватив по дороге свой первый трофей — грузженный лесом испанский пароход «Буэнавентура», появилась перед Гаваной, и с маяка Морро телеграфировали: «Американцы входят на рейд», то в штабе порта решили, что они входят на внутренний рейд, так как проход в бухту еще не был перекрыт минным заграждением¹⁹.

Тревога оказалась напрасной. Американцы, считавшие, что им едва хватает сил для борьбы с испанским флотом, и не думали рисковать кораблями. Созданный 25 апреля стратегический совет, в состав которого вошли А.Т. Мэхен, начальник штаба флота Арент С. Крауеншильд и контр-адмирал Монтгомери Сикар, настойчиво призывал командиров соединений не вступать в бой с береговыми укреплениями. По этой причине эскадра остановилась вне пределов досягаемости испанских орудий. Три выстрела, которыми Сэмпсон оповестил гаванцев о начале блокады, вызвали в городе немалый переполох: жители приморских кварталов боялись обстрела. Однако ни в этот день, ни позднее эскадра Гавану не бомбардировала, до конца войны ее корабли, периодически сменяя друг друга, несли блокадную службу вдали от берега.

Появились непрошенные сторожа и у других портов северного, а впоследствии и южного побережья Кубы. В подавляющем большинстве это были небольшие вооруженные пароходы с наспех набранной командой. Всего американцы мобилизовали и приобрели 111 судов, но часть из них охраняла собственное побережье, разделенное на девять округов, остальных же явно не хватало для действительной блокады. Пользуясь малочисленностью дозоров, коммерческие пароходы, чаще всего испанские и норвежские, прорывали блокаду и доставляли на Кубу продовольствие, которого, впрочем, было слишком мало для разоренной страны. Недостаток сил помешал американцам блокировать заодно и Пуэрто-Рико, хотя они и понимали, что этот остров представляет собой отличную промежуточную базу для испанцев²⁰.

С началом войны в канцелярии губернаторов атлантических штатов стали поступать письма и телеграммы с требованиями обеспечить безопасность десятков приморских городков и поселков, жители которых боялись нападения испанских крейсеров. Как водится, страсти усердно нагнетала печать, умело игравшая на естественных человеческих слабостях и извлекавшая прибыли даже из необоснованных страхов. Газеты сообщали о том, что 14 апреля к о. Сан-Винсенти, где все еще находилась испанская минная флотилия, прибыли броненосные крейсера «Инфанта Мария Тереза» и «Кристобаль Колон», что через пять дней к ним присоединились «Виска» и «Алмиранте Окендо».

Собравшаяся на островах Зеленого Мыса эскадра рисовалась грозной силой, и многие американцы, не имевшие представления, ни о ее планах, ни о ее реальных возможностях, опасались за судьбу своих портов и каботажной торговли.

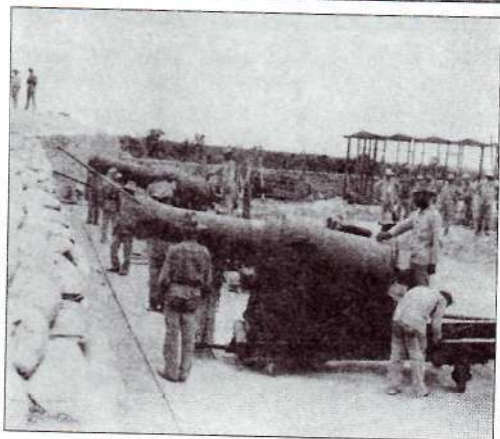
Отчасти уступая общественному мнению, отчасти желая перестраховаться, морское министерство США нарушило каноны стратегии и разделило костяк флота на две части: эскадру адмирала Сэмпсона и летучую эскадру commodора Шлея, каждая из которых могла на равных сразиться с испанским соединением. Базируясь на Хэмптон-роуд, летучая эскадра Шлея прикрывала атлантическое побережье Соединенных Штатов. 23 апреля входившие в ее состав крейсера «Миннеаполис» и «Колумбия» впервые отправились в дальний дозор.

Но были в Америке и хорошо знакомые с предметом специалисты, понимавшие, насколько трудная задача выпала на долю адмирала Сервера, принявшего командование испанской эскадрой. Для них не было секретом, что крейсера противника около года не стреляли, не манев-

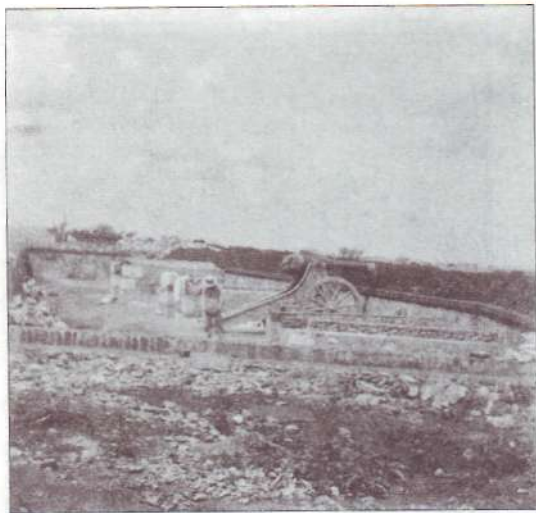
рировали, имели плохие машинные команды и снабжались ниже всякой критики. «Кристобаль Колон» ушел на войну без 280-мм орудий главного калибра. Испанцы заказали было эти пушки фирме Армстронга, но англичане, протянув время, сообщили, что не в состоянии их изготовить. Тогда заказ передали французскому заводу хане, однако, на его исполнение требовался немалый срок. Нужно было ждать. Увы, в Испании нашлось немало журналистов и парламентариев, считавших, что промедление смерти подобно. Морское министерство, слишком зависевшее от кортесов, уступило давлению депутатов, требовавших безотлагательно отправить корабль в море.

Опытный адмирал, Сервера отчетливо представлял себе опасность толкновения своих крейсеров с американскими броненосцами. Он предложил перебазировать соединение на Канарские острова, откуда производить demonstra-

тивные походы в сторону американских берегов и Кубы, поддерживая в противнике тревожную не-уверенность и препятствуя концентрации его сил². Последствием таких рейдов, помимо финансовых потерь из-за роста фрахтовых страховок, могло быть снижение эффективности блокады кубинских портов. Такая тактика позволила бы улучшить снабжение армии Бланко, а также выиграть время для снаряжения резервной эскадры адмирала Камара. Но до

Береговые батареи Гаваны: 16-см орудие батареи «Гонтория» (с. 46, вверху), батарея «Реина» (с. 46, в середине и внизу), батарея «Карбонель» (с. 47)

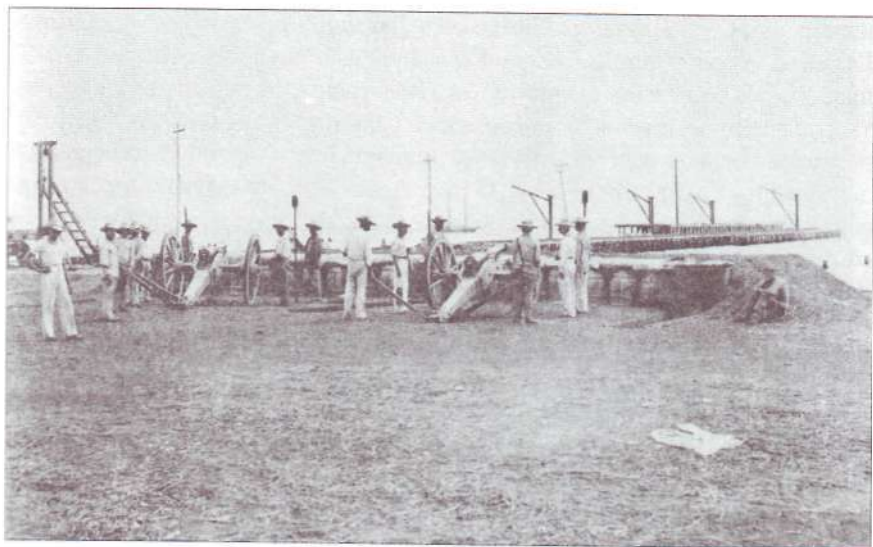

Осадные орудия батареи «Санта Клара» (вверху), 21см мортира батареи «Ордонез»

этих ли соображений было журналистам, торопившимся оборонять Кубу? Либеральное правительство пошло навстречу «общественному мнению» и настояло на немедленной отправке крейсерской эскадры к Антильским островам, казавшейся тем более необходимой, что нейтралитет, объявленный Португалией с началом войны, вынуждал отозвать корабли с островов Зеленого Мыса. Сложные чувства испытывал Сервера в те дни. Отказаться от командования эскадрой значило поставить под удар свою репутацию и в то же время оставить две тысячи жизней в распоряжении менее искушенного начальника. Адмирал решил отыскать наилучший способ провести сквозь военные бури практически небоеспособное соединение.

Другие мысли посе-

щали commodora Джорджа Дьюи. 24 апреля Лонг телеграфировал ему требование немедленно следовать к Филиппинским островам и начать операции против испанского флота с «величайшим старанием»²². Подчиненные Дьюи были хорошо подготовлены, как и их корабли. Оставалось пополнить запасы, что commodор сделал за три дня, предварительно переведя эскадру из Гонконга в ближайшую бухту Мирс-бей, так как Англия объявила нейтралитет в войне. 27-го числа Дьюи принял бывшего американского консула в Маниле, подробно описавшего испанские укрепления, после чего приказал поднять якоря. В это время его будущий

Береговая батарея «Карденас»

противник, адмирал Монтохо, находился в Субик-бее, где испанцы строили новый военный порт. Работы там только начинались, береговой обороны практически не было, поэтому, получив от испанского консула в Гонконге телеграмму о выходе Дьюи, Монтохо увел свои корабли в Кавите, военный порт Манилы.

29 апреля в 9 часов утра отправилась в свой долгий и трудный путь на запад эскадра адмирала Серверы. Ее ждала Куба, уже познакомившаяся с американскими снарядами. Военное ведомство Соединенных Штатов рассчитывало окончить войну одним ударом, захватив кубинскую столицу и центральные районы острова, с этой целью оно готовило высадку десанта близ Гаваны. Американские корабли проводили рекогносцировки берегов, прощупывая оборону испанцев в наиболее удобных для десантирования местах. 24 апреля они появились у Матансаса, в 80 километрах к востоку от столицы, а три дня спустя с предельной дистанции бегло обстреляли строившиеся там батареи. Результаты бомбардировки были ничтожны, многие снаряды даже не взорвались. Ответный огонь испанцев также был неэффективным: устаревшие мортиры образца 1866г. давали одни недолеты. Тем не менее, американцы отступили. Вскоре начались обстрелы и других кубинских портов.

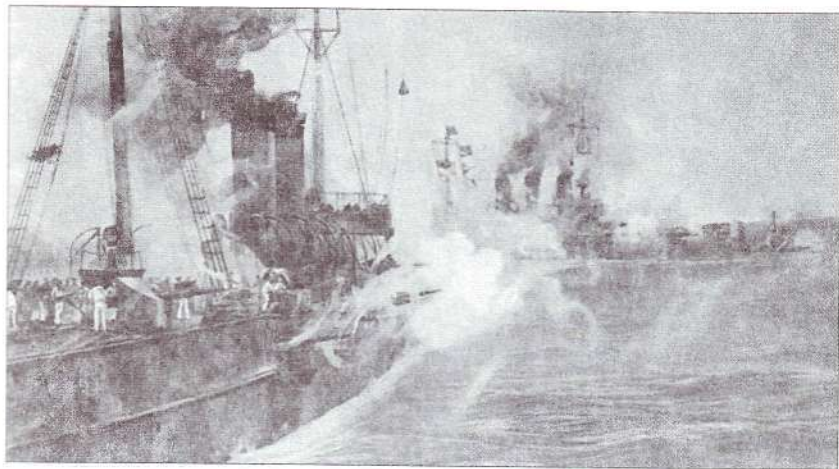
С началом войны Россия, как и другие государства, должна была определить свою позицию. 28 апреля товарищ /заместитель/ министра

иностранных дел Владимир Николаевич Ламздорф препроводил начальнику Главного морского штаба Федору Карловичу Авелану выработанный в МИД проект объявления о нейтралитете. Так как военные действия разворачивались за тысячи километров от российских границ, министерство признало необходимым лишь подтвердить приверженность России принципам Парижской декларации, подписанной ею в 1856 г. А декларация гласила, что товары воюющих стран, перевозимые на нейтральных судах, за исключением военной контрабанды, не подлежат конфискации, равно как и товары нейтральных стран на коммерческих судах воюющих государств, а также, что нейтральные суда не могут посещать только те порты воюющих стран, которые действительно блокированы их противниками. Проект объявления включал также полный запрет на вход в русские порты военных кораблей воюющих держав, однако это положение не соответствовало принятым обычаям войны, и в Главном морском штабе формулировку изменили. Кораблям разрешили входить, но не более чем на сутки. В том случае, когда в одном порту оказывались корабли обеих воюющих сторон, выходить им разрешалось только через сутки после выхода их противника. Продажа призов в русских портах запрещалась²³.

Отредактированный в морском министерстве проект объявления о нейтралитете 30 апреля был должен Николаю II министром иностранных дел Михаилом Николаевичем Муравьевым. Император утвердил представленный документ и повелел опубликовать его. 3 мая объявление появилось на страницах газет²⁴.

Как водится, гром пушек добавил энергии журналистам и издателям по обе стороны океана. Газеты наполнились военными сводками и всевозможными прогнозами, привлекавшими внимание мирного обывателя. Подействовали также заметки и на военных специалистов, в те времена получавших львиную долю информации из подобных источников. Представители сильнейших армий Европы осознали необходимость ближе познакомиться с действием современного оружия и тактическими приемами своих коллег. Мировые державы, в том числе Россия, спешили назначить собственных наблюдателей на театр военных действий. 26 апреля управляющий морским министерством, вице-адмирал Павел Петрович Тыров обратился к министру иностранных дел с просьбой содействовать командировке в США и на Кубу по одному офицеру²⁵. Подобное обращение последовало и от военного министерства. Однако, пока назначенные наблюдателями офицеры собирались в дорогу, произошло важное событие, во многом задавшее тон всей кампании.

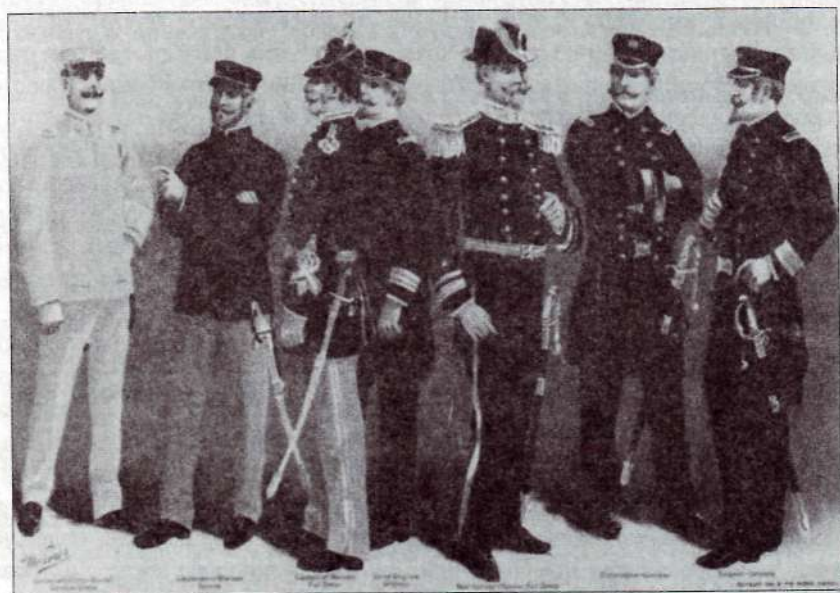
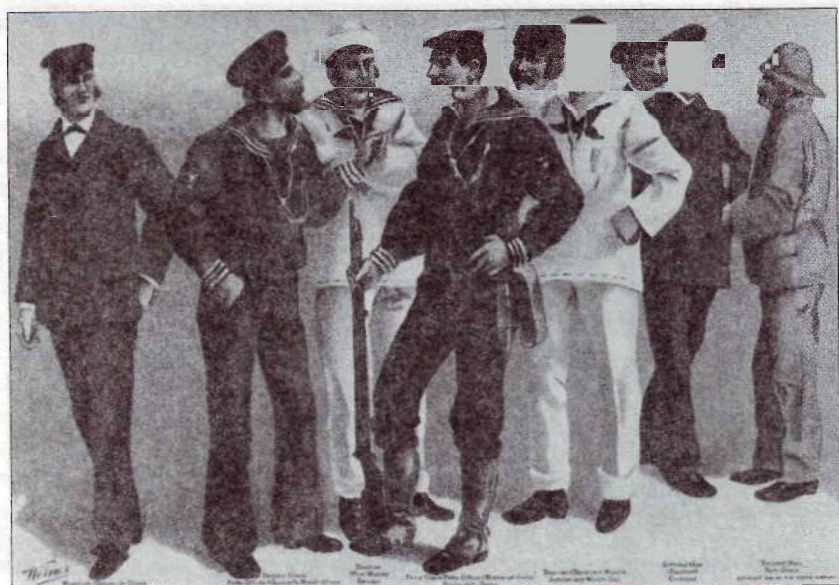
После полудня 30 апреля в Субик-бей появились три американских крейсера. Местное испанское начальство немедленно телеграфировало об этом в Манилу. Враг стоял на пороге, и враг этот был сильным. Коммодор Дьюи

Бомбардировка Матансаса 27 апреля 1898 г.

привел на Филиппины четыре бронепалубных крейсера и две современные канонерские лодки, общим водоизмещением свыше 19000 т. Монтохо мог противопоставить им только два небольших бронепалубных, четыре безбронных крейсера и три устаревшие канонерские лодки, общим водоизмещением 13350 т. Средний возраст испанских крейсеров на три года превышал возраст американских, они уступали своим противникам в скорости и силе артиллерийского огня. Эскадра Дьюи несла 53 орудия калибром от 5 до 8 дюймов и 84 мелких пушки, испанцы же имели 36 орудий калибром от 4,7 до 6,3 дюйма, а также 74 малокалиберных. Не рискнув сразиться с американцами в открытом море, Монтохо поставил свои корабли на якорь у Манилы, поперек бухты Бакор, рассчитывая на содействие береговых батарей Манилы. Но на 9 батареях, вооруженных 43 пушками и мортирами, почти не было современных орудий.

В 6 часов вечера у входа в Манильскую бухту Дьюи, собрал военный совет. Эскадре предстояло прорваться внутрь мимо батарей, охранявших вход, командиры, взвесив все "за" и "против", решили форсировать бухту. Уже темнело, когда эскадра двинулась вперед, уменьшив ход до 8 узлов. Стоял штиль. Крейсера скользили по тускло блестящей поверхности моря, направляясь к южному проходу Бока Гранде, между островами Коррехидор, Кабалло и материком. Новолуние сыграло на руку американцам, надежно укрыв их от испанских наблюдателей. Близилась полночь, когда с острова Коррехидор взвилась ракета. Испанцы все же обнаружили эскадру и подняли тревогу. Однако прошло еще три четверти часа, прежде чем раздался первый

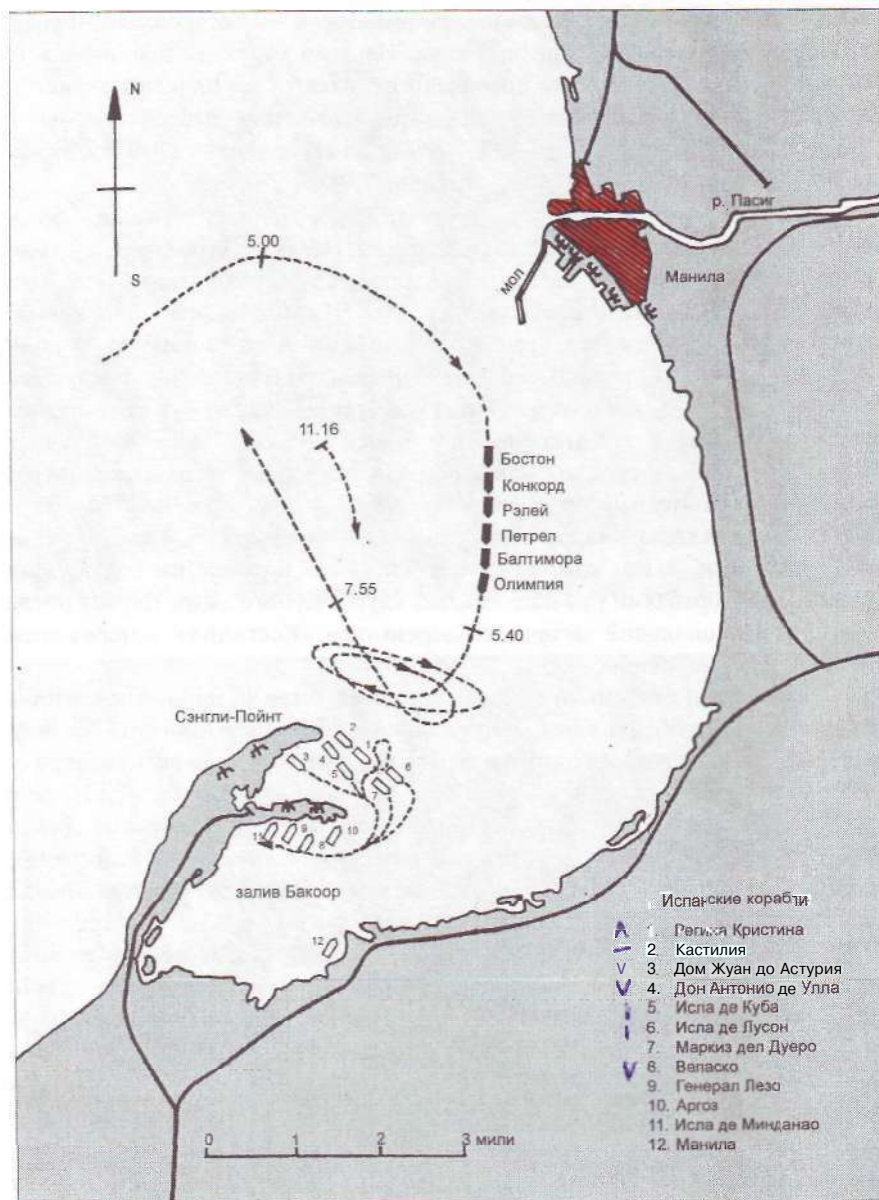
Формы одежды американских военных моряков

выстрел с батареей острова Кабалло, за ним второй — с острова Эль-Фреле, траверз которого проходили крейсера. На этом стрельба прекратилась: отсутствие прожекторов не позволяло испанским артиллеристам вести прицельный огонь. Выпустив наугад несколько ответных снарядов замолчали и американцы. Вступать в бой с батареями не входило в их планы: главная цель — эскадра Монтохо — была впереди.

Прорыв состоялся. Войдя в бухту, Дьюи уменьшил ход до самого малого, чтобы подойти к Маниле с рассветом. В 5 часов утра 1 мая, когда до столицы Филиппин оставалось всего 7 миль, над флагманской «Олимпией» поднялся сигнал «Приготовиться к бою». Но на рейде стояли только коммерческие суда, и американцы повернули на юг. В этот момент заговорили испанские пушки. Стреляли крейсера Монтохо, три манийских фортов и две батареи Кавите, однако шла минута за минутой, а попасть в противника им никак не удавалось, сказывалось отсутствие практики. Прوماхи испанцев успокоили американских моряков и позволили им хладнокровно сблизиться с кораблями Монтохо на 30 кабельтовых. В 5 часов 41 минуту Дьюи повернул вправо и повел свою эскадру параллельно неприятельскому строю, засыпая его снарядами. Затем коммодор приказал лечь на обратный курс. Над испанскими кораблями уже поднимались клубы черного дыма. Первой после нескольких попаданий загорелась деревянная «Кастилия». Американцы повреждений не имели.

Завершив четвертый галс. Дьюи хотел было остановиться, чтобы довершить разгром, но в эту минуту флагман адмирала Монтохо, крейсер «Реина Кристина», снялся с якоря и под градом снарядов направился в сторону «Олимпии». Однако на испанском крейсере не было брони, и вскоре с тяжелыми повреждениями он стал поворачивать к берегу. Не успела «Реина Кристина» завершить маневр, как в ее корму попал восьмидюймовый снаряд, который пробил корпус до кочегарки и вызвал взрыв парового котла. Из 352 членов экипажа корабля 152 было убито и 90 ранено.

Через два часа после начала боя дым от выстрелов и пожаров затянул всю бухту, и противники едва видели друг друга²⁶. На «Олимпии» не сумели правильно разобрать сигналы своих же крейсеров и доложили коммодору, что снаряды на исходе. Озадаченный Дьюи решил отойти подальше и осмотреться. Истинное положение выяснилось быстро: снарядов у эскадры оставалось более чем достаточно, а вот повреждений и потерь не было вовсе. Американцы дали команде обедать, отдохнули и без четверти одиннадцать вновь направились к Кавите. На этот раз их встретил редкий и нестройный огонь. Проходя в шестой раз мимо полыхавших испанских кораблей, янки отправили на дно «Реину Крестину» и «Дон Хуан де Аустрия», остальные вскоре были затоплены собственными командами.

Сражение у Манилы

Покончив с кораблями, американцы с пяти кабельтовых расстреляли оатарей Кавите, оплатившие единственным снарядом, попавшим в «Балтимор» и ранившим несколько человек. В половине первого над испанским арсеналом поднялся белый флаг. После того, как Дьюи пригрозил коменданту бомбардировкой Манилы, если не замолчат форты крепости, наступила тишина. Бой завершился. Из 1780 человек эскадра Монтохо потеряла убитыми и ранеными 381²⁷. На кораблях Дьюи насчитали только 9 раненых. Коммодор объявил блокаду Манилы и потребовал передать в его распоряжение телеграфный кабель, связывающий столицу Филиппин с Гонконгом. Испанцы на это требование не ответили, тогда кабель был поднят и перерезан. 2 мая десант с американских крейсеров занял Кавите, покинутый его защитниками, а на следующий день — и остров Коррехидор, откуда испанцы также эвакуировались, предварительно повредив все орудия. Для овладения же Манилой с ее многотысячным гарнизоном требовались сухопутные войска. Дожидаясь, когда в Сан-Франциско завершится формирование VIII корпуса генерала Меррита, Дьюи обосновался в арсенале Кавите. Однако первыми, кто подоспел в Манильскую бухту, были немцы.

Захват Цзяочжоу отнюдь не насытил Германию, хотя и открывал перед нею радужные перспективы освоения *новых* рынков. По мнению адмирала Альфреда Тирпица, недавно занявшего пост главного начальника флота, *требовалась* также и промежуточная база на *пути* из Китая к берегам немецкой Новой Гвинеи. Манила, позволявшая контролировать большинство маршрутов *торговых* судов в юго-западной части Тихого океана, а также угрожать *французским* и английским владениям в Индокитае и Китае, лучше многих *других* портов подходила на эту роль. После *первых же* известий о начале военных действий туда и отправились корабли эскадры адмирала Отто фон Дидерихса. Первыми бросили якорь на манильском рейде крейсера «Ирене» и «Корморан», затем «Кайзерин Аугуста»²⁸. Наконец, число германских кораблей достигло пяти, и они оказались в состоянии бороться с соединением Дьюи. Это обстоятельство воодушевило немецких экспансионистов, считавших, что с падением испанского господства на Филиппинах образуется суверенная республика, которую можно будет заставить передать Манилу Германии. Статьи с такими планами появились в печати.

Надо сказать, что немцы имели основания рассчитывать на успех своих *притязаний*. Причиной тому был договор Германии и Англии о разграничении сфер влияния в западной части Тихого океана, подписанный в Берлине 6 апреля 1886 г. Согласно этому договору, демаркационная линия проходила от юго-восточной части Новой Гвинеи через Соломоновы острова к восточной части Марианского архипелага. Сфера влияния Германии должна была простирается к западу от этой линии, и в ней находились принадлежавшие Испании

*Вице-адмирал Сэмпсон в своей
каюте на крейсере «Нью-Йорк»*

Коммодор В. Шлей

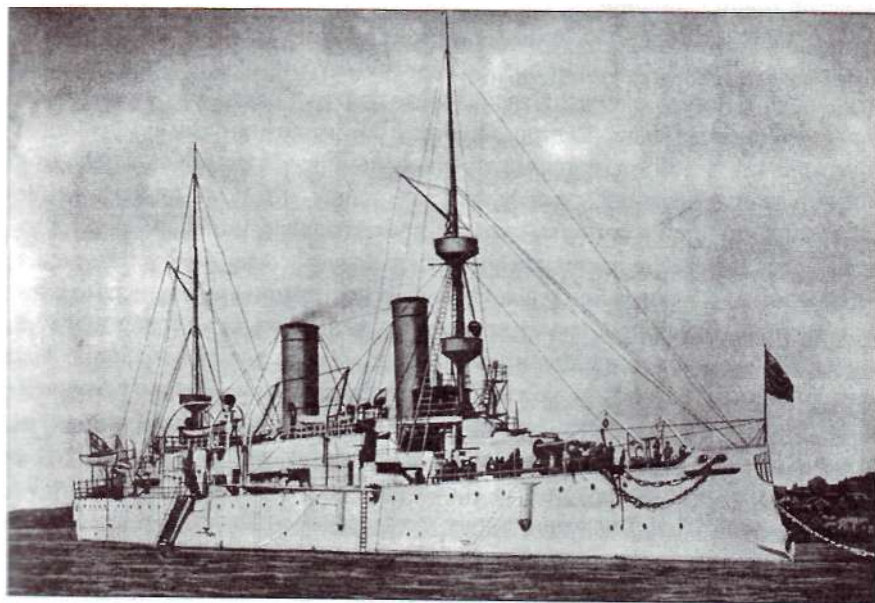
Адмирал Дж. Дьюи →

Адмирал Монтохо

Адмирал Сервера

Американский крейсер «Олимпия»

Филиппины и Каролинские острова, вызвавшие столкновение между Берлином и Мадридом в 1885 г.

Англичан заставило заключить такой договор как желание урегулировать отношения с Германией, ухудшившиеся в 1884 г. в связи с колониальной экспансией немцев в Африке, что сказалось на следующий год, когда Берлин помешал Лондону силой решить спор с Россией из-за северной границы Афганистана, настояв на принципе закрытия черноморских проливов, так и трения с Францией по колониальным вопросам в Юго-Восточной Азии. Сделав определенные уступки Германии, чтобы противопоставить ее Франции, англичане на какое-то время наладили отношения с немцами. Однако бурный рост германской промышленности, требовавший все новых источников сырья и рынков сбыта, создавал множество поводов для взаимного недовольства, усугублявшегося культурными различиями двух стран. Особенно сильное негодование вызвала в Англии телеграмма, отправленная 3 января 1896 г. Вильгельмом II президенту Республики Трансвааль Крюгеру, с поздравлением по поводу уничтожения отряда Джемсона, совершившего накануне набег на эту богатую золотом республику, в которой английские переселенцы были лишены многих прав. Но за отдельными вспышками страстей стояло осознание той угрозы британским интересам во всем мире, которую представляло увеличение морской мощи Германии.

Поэтому обнародованные в немецких газетах в мае 1898 г. идеи овладения Манилой вызвали острое недовольство англичан. Отрицательно относились к ним и японцы. Страна Восходящего Солнца уже имела опыт столкновения с Германией, которая вместе с Россией и втянутой ею Францией предприняла в 1895 г. дипломатический демарш, заставивший Японию отказаться от лучших плодов победоносной войны с Китаем. Проникновение России и Германии в районы, которые представлялись японцам сферой их жизненных интересов, заставило сравнительно слабую державу искать союза с одной из сильнейших. Лондонский кабинет, не торопившийся отказываться от политики «блестящей изоляции», тем не менее уже испытывал нужду в союзнике, способном поддержать его в борьбе со все усиливавшимися конкурентами на первенство в регионе. Началось сближение Японии с Англией.

Правительства обеих держав едва ли сомневались в том, что американцы одержат верх над испанцами. На повестку дня ставился вопрос о дележе испанского наследства. В Токио поначалу надеялись, что США не пойдут на аннексию Филиппин и предложат морским державам совместное управление ими. Чтобы не остаться за рамками предполагаемого кондоминиума, японское правительство приказало командиру крейсера «Акицусима» присоединиться к английской эскадре, направленной в

Манильскую бухту для обуздания Германии и демонстрации Соединенным Штатам своей поддержки.

Изменившееся соотношение сил побудило берлинский кабинет через официозные газеты отречься от публикаций экспансионистской прессы и заявить, что корабли фон Дидерихса никакой другой цели, кроме защиты подданных Германии на Филиппинах, не имеют. Однако слишком уж мало насчитывалось таких подданных, чтобы американцы могли поверить этим заявлениям. Берлину пришлось успокаивать их особо, поручив своему дипломатическому представителю в Вашингтоне заверить государственный департамент, что слухи о германском вмешательстве безосновательны. Но отказываться от Манилы немцам очень не хотелось, поэтому они оставили свою эскадру на прежнем месте, дожидаясь теоретически возможных неудач американцев на Антильском театре и неизбежных при этом перемен в политике Соединенных Штатов.

К разочарованию тех, кому хотелось верить в победу Испании, события развивались вопреки их ожиданиям. Американский флот господствовал в водах Карибского моря. Флотилия Антильских островов укрылась в портах и не проявляла активности, что отчасти объяснялось изношенностью и слабым вооружением кораблей, малым запасом снарядов и топлива, а отчасти личными качествами престарелого командующего флотилией, адмирала Мантерола и безынициативностью большинства командиров. Вызвавшая столько тревог эскадра адмирала Серверы как будто растворилась в океане. Такая неопределенность томила американское командование, она не соответствовала принципам теории Мэхена, предполагавшей завоевание господства на море, поэтому стратегический совет решил отправить на поиски испанского соединения эскадру адмирала Сэмпсона.

4 мая флагманский броненосный крейсер «Нью-Йорк» увел с гаванского рейда броненосцы «Айова», «Индиана» и крейсер «Детройт». Они взяли курс на восток, к Наветренному проливу, разделяющему Кубу и Гаити, где ожидалось появление Серверы. По пути к эскадре присоединились двухбашенные мониторы «Террор» и «Эмфитрайт», крейсер «Монтгомери» и миноносец «Портер». Мониторы, из-за их тихоходности и малого запаса угля, вскоре пришлось взять на буксир. 7 мая Сэмпсон достиг берегов Гаити. В Кап Аитьен адмирал получил кипу депеш из морского министерства. Среди них было сообщение о том, что вблизи Гваделупы видели суда с углем для испанской эскадры, атакже телеграмма о бункеровке кораблей Серверы на французском острове Сент-Томас. Последнее казалось странным: ведь Сент-Томас расположен всего в сотне миль от испанского острова Пуэрто-Рико. Ночью 9 мая Сэмпсон собрал на «Нью-Йорке» военный совет и предложил идти к Сан-Хуану, столице и главному порту Пуэрто-Рико. Командиры одобрили идею адмирала.

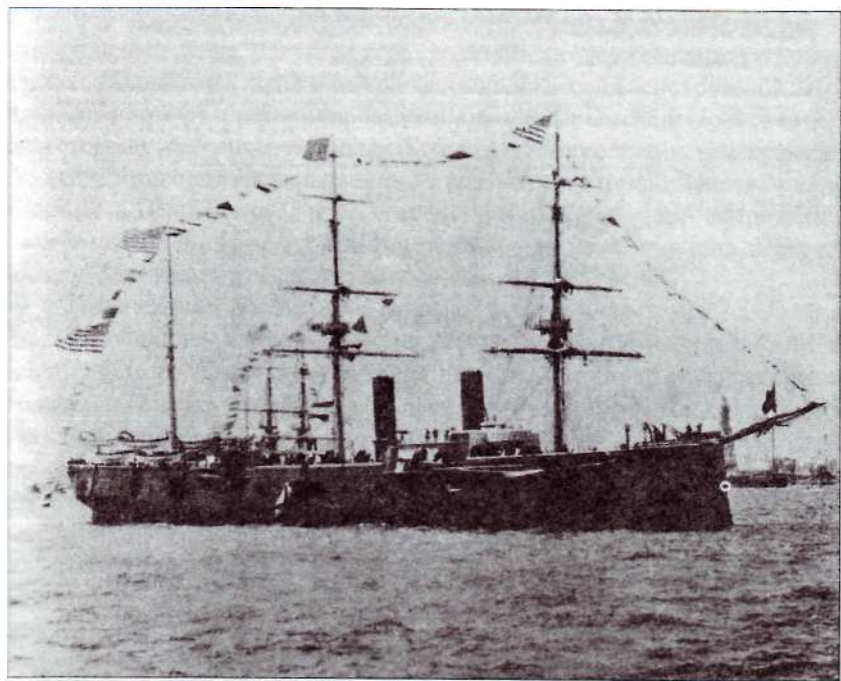
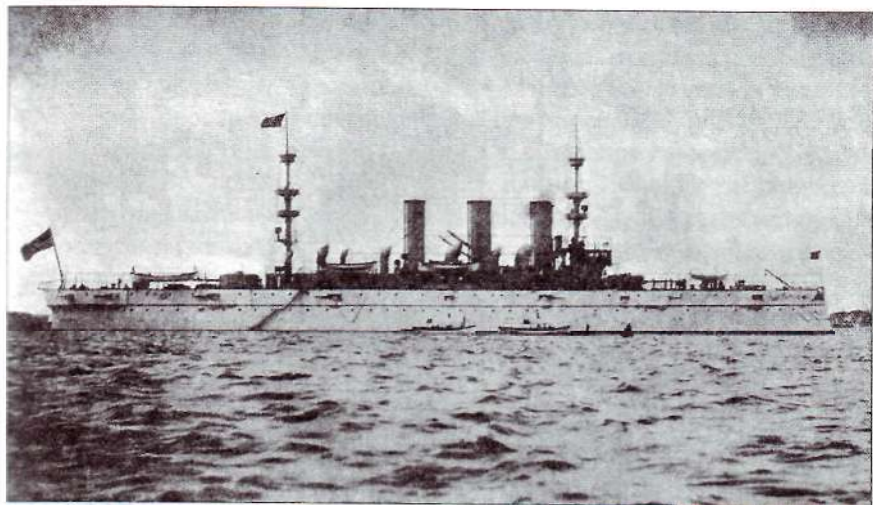
На следующее утро, погрузив уголь, эскадра двинулась дальше на восток. Через несколько часов ее догнал миноносец с очередной депешей. На этот раз из министерства, на основании газетных слухов, сообщали о появлении испанцев у французского острова Мартиника и беспокоились о безопасности Ки-Уэста и блокирующих Гавану кораблей. Сэмпсону предписали возвратиться, предоставив ему право выбрать маршрут самостоятельно. Адмирал решил идти через Пуэрто-Рико.

Вечером 11 мая с мониторами на буксире эскадра подошла к Сан-Хуану²⁹. Пользуясь отсутствием прожекторов, американцы поставили на якорь в километре от едва различимой в темноте крепости Морро шлюпку с флагом, как ориентир. В 5 часов утра едва рассвело, корабли открыли огонь. Двигаясь по эллипсу вокруг шлюпки, они стреляли по испанским укреплениям с полигонной дистанции — около 500 метров. Однако мощные стены Морро и Кастильо Сан-Кристобаль выдержали испытание, американские снаряды оставили в них лишь несколько выбоин. Прямым попаданием была разрушена только стоявшая на открытом месте казарма пехотного батальона, но застигнутые во время сна солдаты успели выбраться из рушащегося здания, погиб всего один человек. Морро, построенный на высокой скале над городом, спас его от большинства снарядов, перелетевшие же через него падали на внутреннем рейде. Всего несколько штук угодило в городские постройки, разрушив церковь и сумасшедший дом, обитатели которого в ужасе разбежались.

Все береговые батареи Сан-Хуана уцелели, несмотря на то, что лишь одна из них к тому времени была вполне окончена, а остальные стояли без траверсов и даже без брустверов. Выпустив за два с половиной часа свыше тысячи снарядов, американцы вывели из строя только одну мортиру. Ответный огонь испанцев был еще хуже: они ни разу не сумели попасть в корабли противника. Наконец, когда Сэмпсон убедился в том, что крейсеров Серверы в гавани нет, обстрел прекратился и американцы отправились восвояси. -

Пока эскадра Сэмпсона искала неприятеля за тысячу миль от Ки-Уэста базировавшиеся на этот порт корабли флота маскировали ее отсутствие, а заодно прощупывали оборону испанцев на северном побережье Кубы. 6 мая два американских корабля обстреляли маяк и строившуюся у порта Матансас береговую батарею. Большинство снарядов не разорвалось. На следующий день обстрел повторился с тем же результатом. 8 мая настала очередь Карденаса.

Этот порт использовался для вывоза сахара и патоки в Соединенные Штаты из центральных провинций Кубы. Вся прибрежная территория в нем была застроена складами и заводами, от которых в море уходили свайные пристани. Десяток пристаней и мелководный внутренний рейд создавали все

Американские крейсера «Нью-Йорк» (вверху) и «Чикаго»

удобства для высадки многочисленного десанта, но у испанцев не хватало людей и орудий, чтобы устроить там полноценную береговую оборону. Они ограничились тем, что разделили четырехтысячный гарнизон города и единственную ~~четырёхорудийную~~ горную батарею пополам, оставив одну часть для обороны порта, а другую отправив к обширному песчаному пляжу Варадеро³⁰. Все пристани, кроме одной, предназначенной для канонерок, были разрушены. Канонерки же — три небольшие, вооруженные каждая одним 57-мм орудием лодки, охраняли минное заграждение, выставленное в главном проходе между несколькими островами на внешнем рейде порта.

После объявления блокады северного побережья Кубы у этих островов появились американские корабли. Днем они становились на якорь поблизости от входа в бухту. Матросы стирали белье, ловили рыбу и время от времени, развлечения ради, стреляли в сигнальную будку на прибрежной косе. 8 мая монотонная блокадная служба окончилась. Для начала один из вспомогательных крейсеров в сопровождении миноносца атаковал испанские дозорные канонерки и заставил их отступить, но форсировать минное заграждение не решился.

Через два дня с кубинскими лоцманами на борту американские корабли повторили нападение. В 9 часов утра при ясной погоде и штиле вооруженный пароход, канонерская лодка и миноносец вошли на рейд через боковой, менее ~~удобный~~, а потому и незаминированный проход. Превосходство в силе было на их стороне, и испанцы отступили. Канонерка «Лигера» из-за неисправности в машине поторопилась укрыться за островами, а «Антонио Лопес» отошел к пристани и пришвартовался со стороны, противоположной американцам. Шансов на спасение у лодки практически не было, но ее командир, лейтенант Ломинго Монтес, приказал вступить в бой.

Артиллеристы «Антонио Лопеса» ~~открыли огонь как на учениях, тщательно целясь в противника~~, маневрировавшего на дистанции 5-6 кабельтовых от пристани. Американцы же торопливо засыпали лодку снарядами, стараясь уstrasить испанских моряков, но они выстояли. Трижды «Антонио Лопес» загорался, в его борту и надстройках зияли многочисленные ~~пробоины~~, но пушка продолжала методично стрелять. Выпустив 135 снарядов, ~~вдесятеро~~ меньше противника, испанские комендоры повредили пароход и ~~вывели~~ из строя миноносец, после чего американцы отступили.

В этот же день, 11 мая, янки напали и на ~~Сьенфуэгос~~. Через этот порт ~~южного~~ побережья проходил подводный телеграфный кабель, связывавший ~~Кубу~~ с внешним миром. Небольшой домик кабельной станции находился в ~~не~~ хточке, расположенной восточнее маяка Фаро. Начало войны застало порт ~~два~~ готовым к обороне. Испанцы успели выставить у входа в главную бухту ~~две~~ линии заграждения из гальваноударных мин, охранять которое должна

была батарея из четырех крупновских полевых пушек, а также канонерки. Кабельная же станция поначалу осталась безо всякой защиты, если не считать отряда из 80 пехотинцев с двумя горными пушками, оборонявшего весь берег к востоку от маяка.

Утро 11 мая выдалось в Сьенфуэгосе таким же ясным, как и в Карденасе. Около 7 часов к маяку Фаро подошли американские крейсера «Марблхед», «Нэшвилл», «Игл» и вооруженный транспорт. С расстояния 10 кабельтовых крейсера обстреляли берег, заставив испанскую пехоту укрыться за камнями и спрятать пушки, но артиллерийская подготовка была недолгой. Спустив на воду паровой катер и несколько шлюпок с десантом, «Нэшвилл» направился в сторону кабельной станции. Некоторое время он прикрывал десантные шлюпки своим корпусом, а когда глубина стала уменьшаться, застопорил машину и прекратил огонь. У самого берега шлюпки высадили десантников в воду, доходившую им до колена. В этот момент испанцы покинули укрытие и дали по противнику несколько ружейных залпов. Десантники, многие из которых оказались кубинцами, ударились в бегство, так что по ним успели всего дважды выстрелить картечью из пушек. На вторую высадку американцы не решились. «Нэшвилл» принял шлюпки на борт, и крейсера, в бессильной злобе расстреляв маяк, удалились.

Позднее, разбирая развалины маяка, испанцы собрали богатую коллекцию неразорвавшихся снарядов всех калибров. Внимательно рассмотрев их, они пришли к выводу, что у американцев неверно сделана нарезка в гнездах для взрывателей, которые попросту вывинчивались в полете. Нередко попадались снаряды, начиненные старым и слишком спрессованным, а потому и не воспламенявшимся порохом. Такие огрехи промышленности объяснялись лихорадочным предвоенным вооружением, когда заказы выдавались всем желающим фирмам подряд. Стрельба же по береговым целям, в основном по земляным брустверам батарей, бронебойными снарядами с предельных дистанций была следствием поверхностной подготовки многих комендоров.

Впрочем, этот недостаток американцы скоро устранили постоянной практикой стрельбы по укреплениям и канонеркам Антильской флотилии. В отличие от испанцев, снарядов они не экономили и к решающей схватке с эскадрой Серверы вполне подготовились. Однако время этой схватки еще не наступило. Испанские крейсера, буксируя не справлявшиеся с океанским волнением истребители миноносцев, пока лишь приближались к Малым Антильским островам.

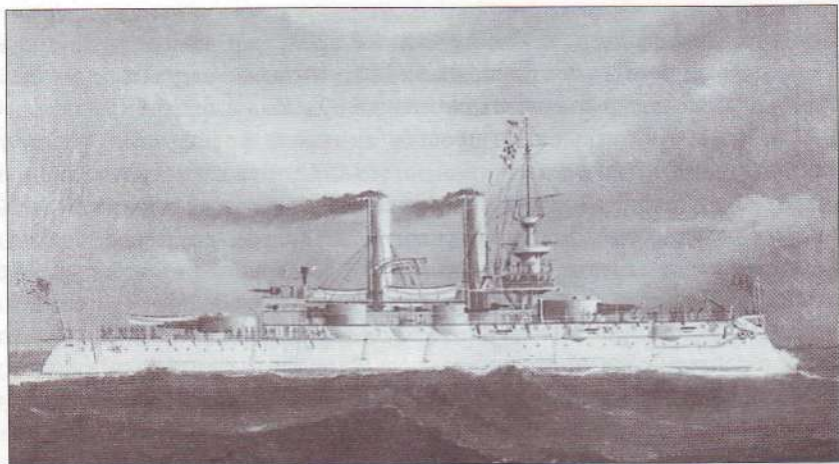
Опасаясь возможной встречи с противником, Сервера стал по ночам снижать ход до самого малого. По его приказу прислуга спала у своих орудий. 12 мая, в день обстрела американцами Сан-Хуана, эскадра достигла Мартиники. Посланный на разведку истребитель «Террор» застал в порту

Сен-Пьер американский вспомогательный крейсер «Гарвард», командир которого немедленно телеграфировал о появлении испанцев, а те, в свою очередь, догадались о близости противника. Корабли Серверы нуждались в угле, но на соответствующую просьбу адмирала французский генерал-губернатор ответил отказом. Тогда эскадра пошла на юго-запад, к голландскому острову Кюрасао, где ее, по сведениям из Мадрида, должны были ждать суда с углем. «Террор», у которого многие дымогарные трубки в котлах требовали замены, остался на Мартинике с приказом: после ремонта идти в Сан-Хуан.

На Кюрасао испанцы пароходов-угольщиков не нашли, местные же власти в соответствии с международным обычаем разрешили им погрузку только такого количества топлива, которого хватило бы на возвращение в ближайший порт Испании. Но при этом голландцы предупредили адмирала, что вторично он сможет получить уголь только через полгода. Сервера, которого поставленное условие совершенно не устраивало, приказал вдоволь запастись одной провизией, а затем повел эскадру в ближайший крупный кубинский порт — Сантьяго.

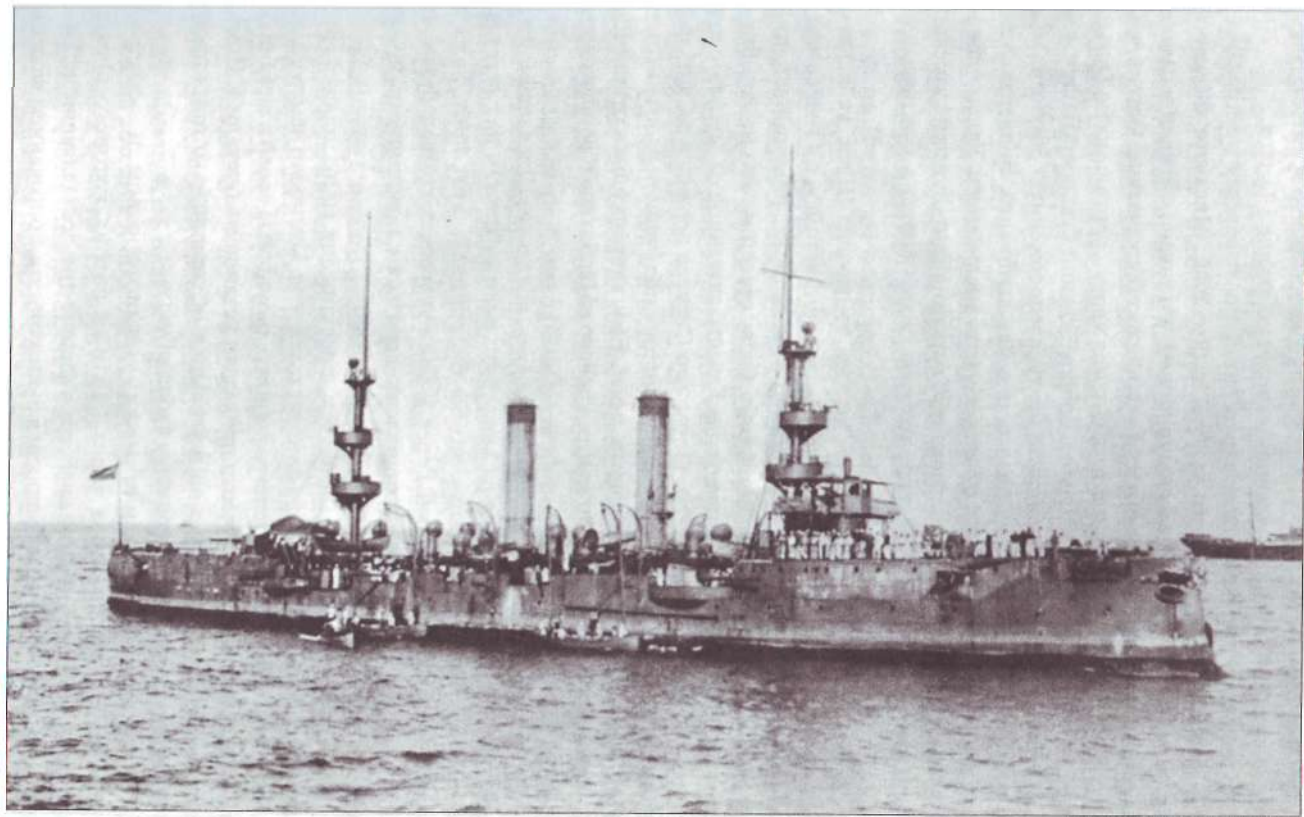
К полуночи с 12 на 13 мая в Вашингтоне уже достоверно знали, где находится столь заботивший их противник. Отпала необходимость охранять атлантическое побережье. В 4 часа дня с Хэмптон-роуд ушла в Ки-Уэст летучая эскадра commodora Шлея, в составе флагманского броненосного крейсера «Бруклин», броненосцев «Массачусетс» и «Техас». Оставив в Багии сопровождавшие его канонерскую лодку «Мариетта» и вспомогательный крейсер «Никтерой», командир броненосца «Орегон», commodор Кларк повел свой корабль на север. Началась концентрация основных сил американского флота на главном театре военных действий.

Ночью с 13 на 14 мая блокировавшая Гавану эскадра долго освещала прожекторами бухту Кохимар, расположенную к востоку от кубинской столицы. Именно там высадились в 1762 г. англичане, без труда захватившие практически совершенно открытый с этой стороны город. И в 1898 г. бухта, несмотря на исторический урок, оставалась беззащитной. Быть может, это обстоятельство и заставило испанцев напомнить противнику о существовании флотилии Антильских островов. В 6 часов вечера 14 мая на внешний рейд Гаваны вышел крейсер «Конде де Венадито» и три канонерские лодки. Американцы открыли по ним огонь, но одновременно удалились в море, чтобы не попасть под снаряды береговых батарей. Испанцы же так и не решились сблизиться с противником. Не решались они на это и позднее, когда блокирующая эскадра стала гораздо слабее. 10 июня гаванский отряд почти в том же составе вновь появился на внешнем рейде, однако и на этот раз демонстрация ограничилась незначительной перестрелкой.

Американские броненосцы «Айова» (вверху) и «Орегон»

Пассивность испанцев позволяла американскому командованию не обращать внимания на Антильскую флотилию. В середине мая морское министерство США интересовалось восточной частью Карибского моря, откуда ждали эскадру Серверы. Но точное место ее нахождения оставалось неизвестным. На поиски испанцев были отправлены быстроходные крейсера. 14 мая с Хэмптон-роуд ушли в море «Миннеаполис» и «Сент-Пол». Первый из них занялся прочесыванием района, лежащего к северу от Гаити, второй — к югу от острова. На следующий день такое же приказание получили

Американский крейсер «Нью-Орлеан»

«Гарвард» и «Йель» — бывшие трансатлантические лайнеры «Сити оф Нью-Йорк» и «Сити оф Пэрис», обладавшие скоростью свыше 19 узлов.

18 мая вспомогательный крейсер «Сент-Луис» перерезал телеграфный кабель, соединявший Сантьяго-де-Куба с Ямайкой. Никакого значения эта акция не имела, так как владевшие линией англичане сбежали в самом начале войны, частью опечатав, а частью разобрав оборудование. Оставалась действующей французская линия от Сантьяго через Гуантанамо на Гаити. Чтобы перерезать и ее, «Сент-Луис» в сопровождении буксира «Вэмпэтук» направился ко входу в Гуантанамскую бухту, расположенную 50-ю милями восточнее. Однако охранявшая вход испанская канонерка, поддержанная единственной береговой пушкой, сумела отогнать американцев. Удивительно, но державшийся все время неподалеку от Сантьяго «Сент-Луис» не заметил приближения испанской эскадры, которая 19 мая вошла в Сантьягскую бухту.

В этот день Ки-Уэст покинула эскадра командора Шлея, усиленная броненосцем «Айова». Шлей, накануне соединившийся с Сэмпсоном, принявшим командование объединенными эскадрами, получил задание блокировать Сьенфуэгос. Причиной тому были сведения, что на кораблях Серверы находится груз боеприпасов для Гаваны, связанной с Сьенфуэгосом прямым железнодорожным путем. О том, что Сервера появился в Сантьяго, американцы еще не знали. Когда в Вашингтоне получили первое известие об этом, Шлей уже находился в море. Ему вдогонку был отправлен миноносец «Дю Понт», а следом за ним крейсер «Марблхед» и вооруженная яхта «Игл».

Инструкция, доставленная «Марблхедом», обязывала Шлея проверить: не успел ли Сервера перебраться в Сьенфуэгос, если же его там не окажется, то немедленно идти к Сантьяго, чтобы блокировать этот порт. Задача осложнялась тем, что гористый берег у Сьенфуэгоса закрывал бухту от наблюдения с моря. Коммодору пришлось связаться с повстанцами, чтобы рассеять свои сомнения: Серверы в бухте не было.

25 мая Шлей двинулся на восток, предупредив министерство, что блокировать Сантьяго не может из-за недостатка угля. Коммодор намеревался идти на Гаити, откуда он мог телеграфировать результаты своей разведки. В ответ из Вашингтона категорически приказали установить блокаду. К Шлею отправили крейсер «Нью-Орлеан» и угольщик «Стирлинг», который после разгрузки предписывалось затопить у входа в бухту.

Телеграфное сообщение между министерством и эскадрой осуществлялось в основном через Гаити, в портах которого стояли быстроходные вспомогательные крейсера и миноносцы, доставлявшие депеши по назначению. Телеграммы попадали в руки адресата с опозданием на день.

два. Поэтому Шлей не успел получить последующие приказания к вечере 26 мая, когда вышла из строя эскадрилья. Коммодор принял решение вернуться в «Мерримак». Корабли легкого флота не дождались его. Мореплавание было неспокойно. Механики парохода страдали от спонжирования в три часа, однако, этого времени хватило, чтобы коммодор принял решение вернуться в Кингстон. Ремонт закончился к 9 часам вечера, после чего эскадра повернула на запад. Но шла она недолго. Около полуночи крейсера «Йель».

Утром 27 мая подошел «Гарвард», передавший Шлею приказание блокировать Сантьяго, во что бы то ни стало. Коммодор упорствовал и настаивал на возвращении, ссылаясь на недостаток топлива — постоянные юго-западные ветра не позволяли ему повернуться в открытое море. С таким ответом «Гарвард» отправился на Южную Америку, в Кингстон. Эскадра на запад. Но вскоре ветер изменил направление. В 40 милях от Сантьяго флагманский «Бруклин» поднял сигнал остановки машины. «Техас» и «Марблхед» юшвартовались у бухты. Коммодор приказал идти к Сантьяго. Поздно вечером эскадра остановилась в 10 милях южнее входа в бухту. Когда рассвело, в глубине бухты удалось рассмотреть два больших и два малых испанских военных корабля.

Сантьяго-де-Куба — плодороднейшее место для крейсеров. Серверы. Город, расположенный на холмистой местности, окруженной длинной и узкой бухтой, считался на Кубе вторым по значению. Столица провинции Орьенте и единственный глубоководный порт на востоке острова, он, однако был практически изолирован от остальных провинций Испанских владений. Не раз возникало желание проложить путь от Сантьяго до Пласетас, где обрывалась железнодорожная сеть страны. Однако из-за того, что там сопротивлялись кубинские судостроительные компании «Эррера» и «Менендес». С началом дождливого сезона, когда и немногочисленные грунтовые дороги, связывавшие Сантьяго с другими городами, становились непроходимыми, обе компании пожинали обильные плоды, устанавливая высокие тарифы на перевозку людей и грузов. Подкупая чиновников, судовладельцы так и не дали железной дороге дотянуться до Сантьяго.

Изоляция города в годы восстания стала почти полной. Бездорожье помогало освободительной армии, и она, оттеснив испанские части, крупные населенные пункты, господствовала в Орьенте. Начало войны застало Сантьяго почти не готовым к обороне. Стоявшая в городе дивизия генерала Торалы, входившая в состав IV корпуса генерала Линареса, заметна поредела от болезней и насчитывала вместе с артиллерией ок. 7000 человек. Ее части также составляли гарнизоны окрестных поселков и Гуантанамо. Сухопутных

укреплений Сантьяго не имел. С моря город прикрывали невысокие, с плоскими вершинами горы Карбонерас, уступами спускавшиеся к воде. Вход в Сантьягскую бухту обороняли форт Морро и батарея Сокапа, вооруженные несколькими устаревшими пушками. Морские силы состояли из старого крейсера «Реина Мерседес» и канонерской лодки «Альварado». После объявления войны поперек входа в бухту испанцы выставили две линии гальваноударных мин, позади которых поставили на якорь «Реину Мерседес», предварительно сняв с нее 160-мм орудия, предназначавшиеся для спешно строившихся береговых батарей.

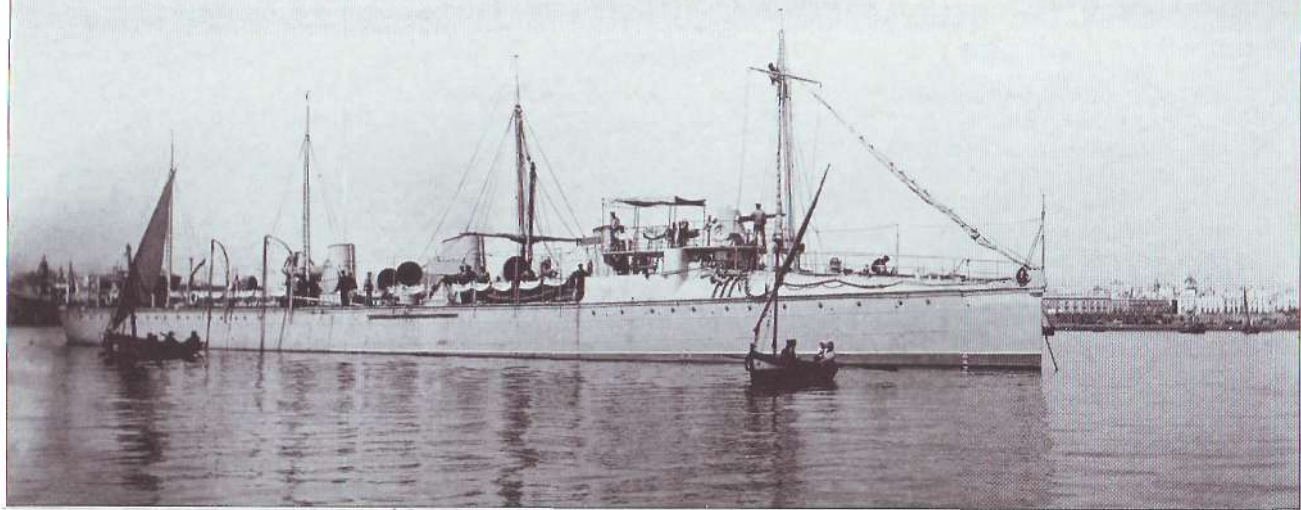
Маршал Бланко, получив известие о появлении в Сантьяго эскадры адмирала Серверы, осознал грозящую ей опасность. Вместе с тем главнокомандующему захотелось усилить оборону столицы. Поэтому с первых же дней он стал требовать, чтобы адмирал прорвался в Гавану. Бессмысленность такого маневра ускользнула от понимания маршала. Не отдавал он себе отчета и в тех объективных трудностях, которые мешали Сервере немедленно покинуть Сантьяго. Между тем, после трудного перехода от островов Зеленого Мыса корабли нуждались в тщательном осмотре и ремонте машин и котлов, а главное — в пополнении запасов угля. Исправить обнаружившиеся неполадки было нельзя, так как в портовых складах не нашлось необходимых материалов. Что же касается угля, то в Сантьяго прямо под открытым небом хранилось всего 2500 т кардифа, давно утратившего свои качества, и около 1500 т местного угля, совершенно не пригодного для боевых кораблей. Погрузочные средства отсутствовали, и доставлять уголь с берега на корабли пришлось понемногу, собственными шлюпками. Однако Бланко об этом не знал, да и не хотел знать. Он продолжал настойчиво посылать Сервере телеграммы с требованием немедленно прорываться.

Адмирал сопротивлялся, как мог. Ему не надо было объяснять, насколько низка боеспособность эскадры. Сантьяго стал конечным пунктом на ее пути, главным образом, потому, что был ближайшим глубоководным портом Кубы, а вместе с тем и самым удаленным от американских баз. Быть может, втайне надеясь рано или поздно прорваться оттуда обратно в Испанию, Сервера не желал покидать Сантьяго. И командиры кораблей поддерживали его. Отказавшись выполнить приказание маршала, адмирал поставил вопрос о порядке подчинения. Тогда Бланко обратился за поддержкой в Мадрид. Пока шло это препирательство, у входа в бухту появилась эскадра Шлея.

Обнаружив испанцев, commodор поспешал донести об этом командованию. Ему на помощь уже спешил Сэмпсон с «Нью-Йорком» и «Орегоном». 31 мая, не дожидаясь подкрепления, Шлей обстрелял береговые батареи Сантьяго. Чтобы компенсировать слабость их артиллерии, Сервера выслал ко входу крейсер «Кристобаль Колон», считая этот корабль наименее

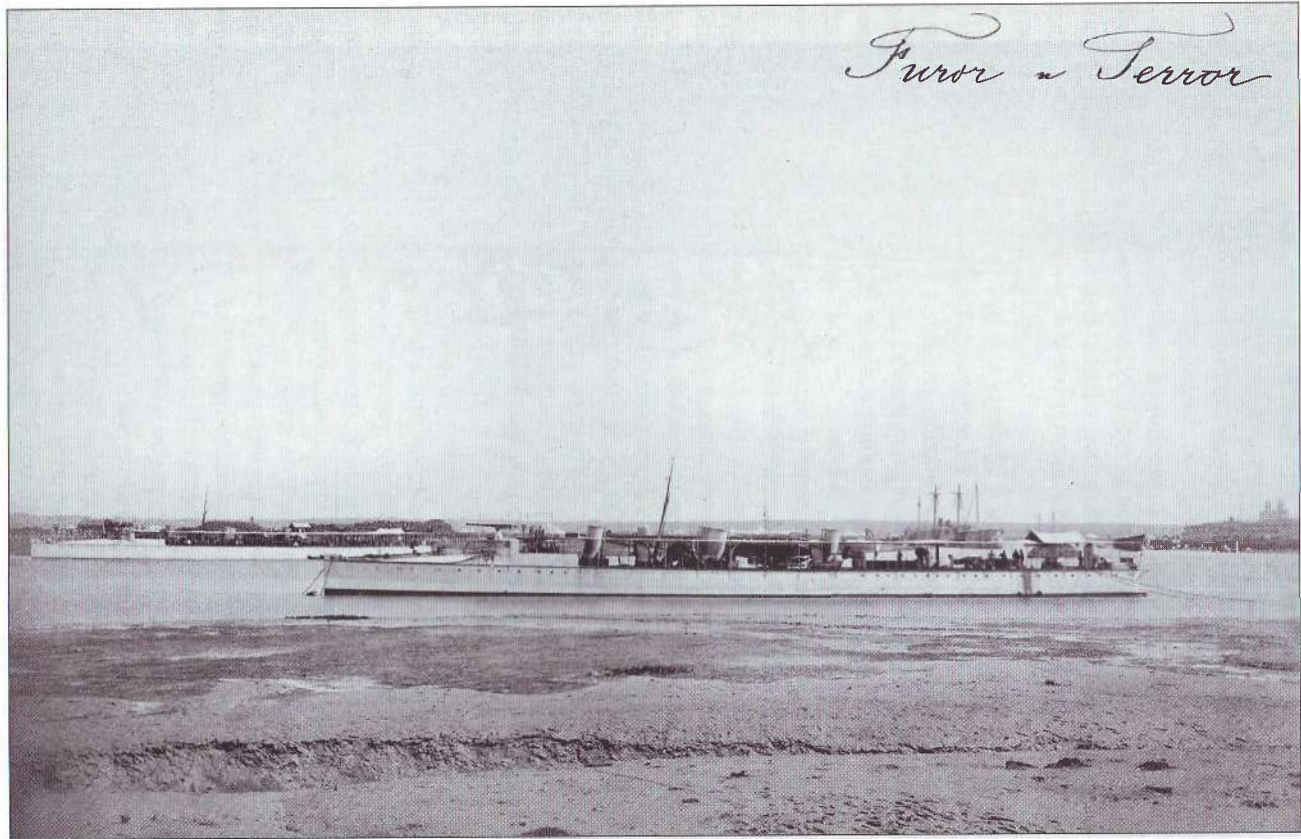
В.М.

Proserpina

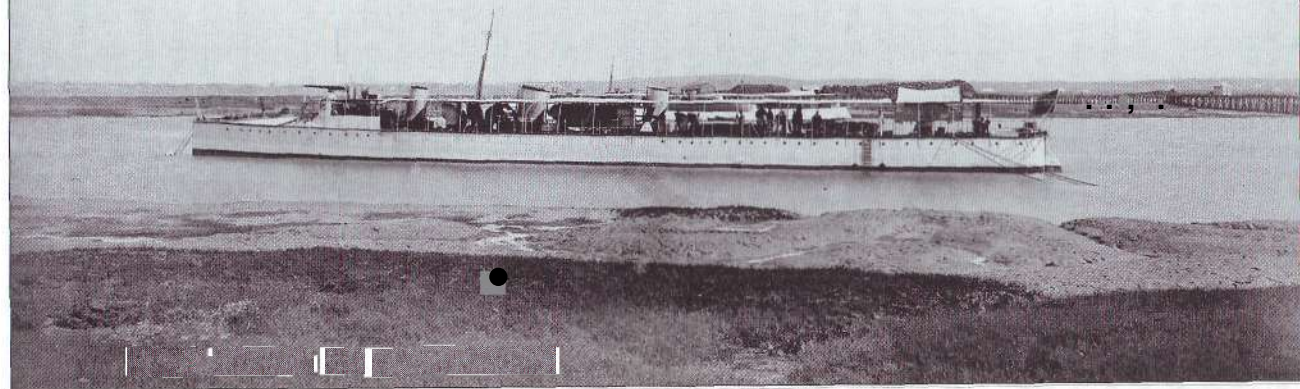
Испанские миноносцы: «Прозерпина»...

Furor u Terror

...«Фурор» и «Террор»...

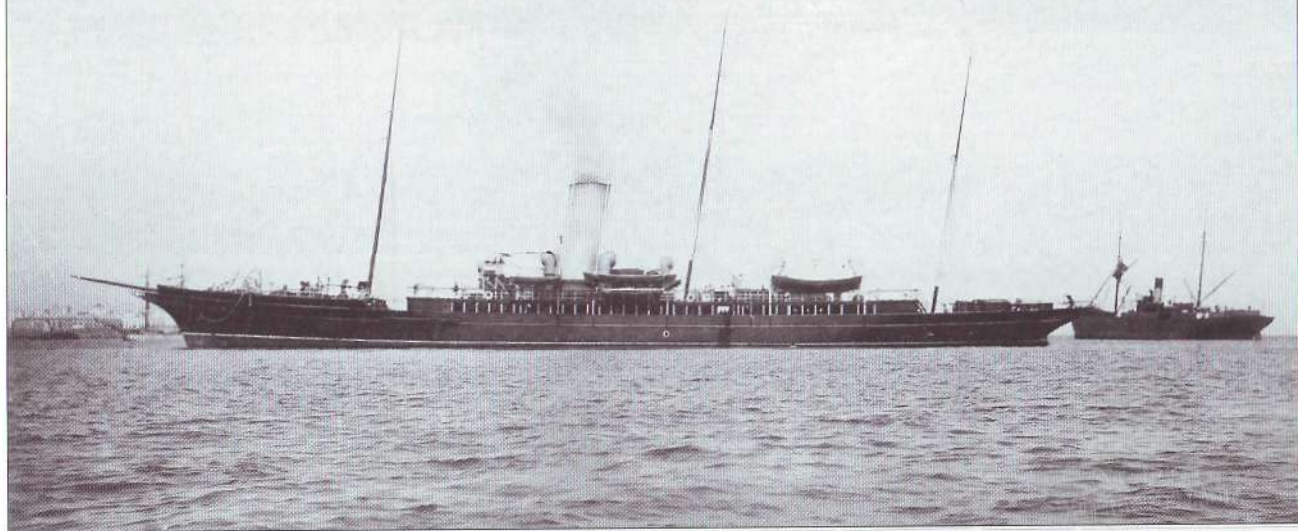
Pluton

...«Плутон».

C. M.

Giraldia

Испанский авизо «Гиральда»

ценным. Перестрелка продолжалась три четверти часа без каких-либо результатов.

1 июня у Сантьяго появился Сэмпсон и принял командование блокирующей эскадрой. Ознакомившись с местными условиями, адмирал разработал диспозицию, согласно которой его корабли расположились широкой дугой напротив входа в бухту. Днем они держались дальше в море, а по вечерам приближались к берегу и освещали вход прожекторами. От мысли о прорыве внутрь Сэмпсон сразу отказался, напротив, он решил закупорить Серверу в бухте.

В половине четвертого утра 3 июня шестеро добровольцев под командованием лейтенанта Гобсона провели бывший угольщик «Мерримак» через минное заграждение мимо батарей и развернули судно поперек фарватера. Поздно спохватившиеся испанцы открыли по «Мерримаку» бешеный огонь из всех скорострельных пушек, оставшихся на «Реине Мерседес», а также из орудий истребителей «Плутон» и «Фурор». Однако Гобсон уже приказал взорвать прикрепленную к днищу угольщика мину, и пароход стал погружаться в воду. Американцы бросились в приготовленную шлюпку и налегли на весла. Никем не управляемое судно осталось во власти течения и, постепенно разворачиваясь, легло на дно вдоль фарватера, у самой его кромки. Проход в бухту остался открытым, но Сэмпсон узнал об этом позднее, так как Гобсона с его людьми испанцы взяли в плен и посадили в казематы форта Морро.

Блокировав эскадру Серверы в бухте, Сэмпсон сделал только половину дела. Уничтожить ее окончательно он не мог. Многократные обстрелы Сантьяго, в которых участвовал и так называемый «динамитный крейсер» «Везувиус», на силу огня 15-дюймовых пневматических орудий которого возлагалось множество надежд, не давали результата³². Ни эскадра, ни береговые батареи существенно не пострадали. Требовались сухопутные войска, чтобы захватить батареи с тыла и создать угрозу бомбардировки кораблей Серверы осадной артиллерией, вынуждая их принять неравный бой с американскими броненосцами. 7 июня Сэмпсон потребовал переброски к Сантьяго десантного корпуса.

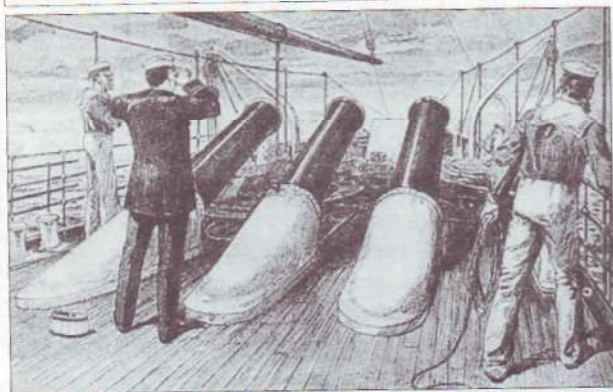
Его телеграмма заставила военное министерство изменить свои планы. Зысадка у Гаваны была отменена. Генералу Шлею, командовавшему корпусом, в состав которого вошла почти вся довоенная регулярная армия США, приказали поторопиться с посадкой на транспорты. Шлей, протеже военного министра Эджера, не блистал организаторскими способностями. Впрочем, неудачным был и выбор исходного пункта десантной операции — флоридского порта Тампа. С начала апреля в Тампу стали собираться войска и поступать грузы. Но однокорейная железная дорога не справлялась с

залив Кабанитас
 бухта Пунта-Горда
 залив Десан
 залив Виска
 залив Насон
 бухта Каталина
 бухта Эстрилья
 бухта Сокала
 о. Кай-Смит
 бухта Меррос
 форт Морро

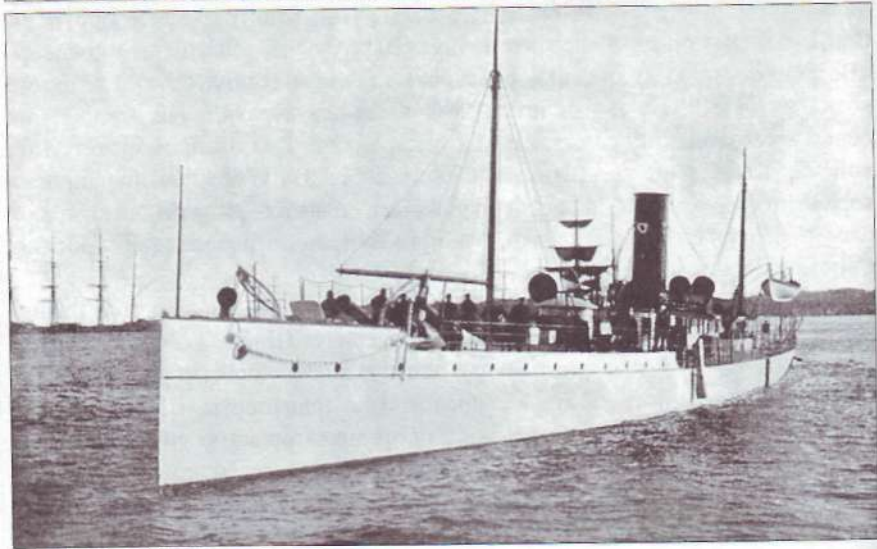
N
 S

Испанские минные поля
 Испанские береговые батареи
 Место затопления *Мерримак*
 Место затопления крейсера *Регина Мерседес*
 Место японской стоянки

5000 м

Крейсер «Везувийус»

нагрузкой, и воинские эшелоны выстраивались в 150-километровую очередь, медленно продвигаясь в сторону причалов. Порт был загроможден ящиками, тюками, бочками, между которыми с трудом пробирались люди и повозки. Поток грузов, беспорядочно вливавшийся в трюмы судов, не прерывался. После телеграммы Сэмпсона по Тампе прошло последнее судорожное движение: с берега на транспорты переместился весь V корпус. Однако едва суда выстроились в колонну, чтобы отправиться к месту встречи с кораблями охранения, как из Вашингтона поступило приказание задержать выход. Виновниками наступившей паузы были неизвестные корабли, появившиеся к югу от порта. Неделя потребовалась на то, чтобы выяснить, что это были свои корабли, и всю неделю солдаты провели на борту транспортов.

Вместе со штабом генерала Шафтера, разместившимся на пароходе «Сегуранца», дожидались выяснения обстоятельств и военные наблюдатели от разных стран, среди которых находился полковник генерального штаба Николай Сергеевич Ермолов, военный агент России в Лондоне, командированный в Соединенные Штаты. Он оказался первым из четырех русских офицеров, отправившихся наблюдателями к обеим воюющим сторонам, кто приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Немного запоздал капитан 2 ранга, князь Александр Александрович Ливен. Нейтралитет России в войне не позволял ее представителям находиться на кораблях боевой эскадры³³. Поэтому отправляя Ливена в Америку, главный морской штаб лишь приказал ему держаться как можно ближе к месту военных действий, чтобы судить о них не по слухам, а по результатам личных наблюдений. Получив обширную инструкцию, Ливен пустился в дальний путь, и 2 июня сошел с парохода в Нью-Йорке. Через день он уже был в столице Соединенных Штатов. Официальный Вашингтон встретил князя довольно холодно. В отсутствие посла, графа Артура Павловича Кассини, его представляли в военном и морском министерствах поверенный в делах Григорий Александрович Деволан и морской агент, генерал-майор Дмитрий Федорович Мертваго. Однако рекомендательное письмо удалось получить только в военном министерстве, морское ограничилось разрешением осмотреть Вашингтонский, Нью-Йоркский, Норфолкский порты и морскую станцию в Ньюпорте.

14 июня Ливен поехал в Тампу, надеясь застать там экспедицию Шафтера и присоединиться к Ермолову. Но именно в этот день ³⁵ транспортов с 16-тысячным корпусом, 2300 лошадьми и мулами, 32 орудиями и 16 картечницами вышли, наконец, в море и двинулись к югу. Тогда Ливен отправился в Ки-Уэст, однако, оттуда ходили в Сибоней только военные корабли. Положение спасла маленькая шхуна «Кэйт», на борту которой князь совершил утомительный десятидневный переход на Ямайку. 28 июня, когда

он ступил на берег острова, под Сантьяго уже шли бои. Нужно было торопиться, чтобы не пропустить тех событий, ради которых его командировали. К счастью в Сибоней, тыловую базу американского корпуса, собиралась идти яхта «Голден Род», принадлежавшая херстовской газете «Нью-Йорк Геральд», и журналисты согласились взять его с собой.

На Ямайке Ливен разминутся с полковником генерального штаба Яковом Григорьевичем Жилинским и лейтенантом Давыдом Борисовичем Похвисневым, направлявшимся к испанским войскам. Похвиснев, одаренный человек, знавший пять языков, включая испанский, получил приказание отправиться на театр военных действий в начале мая, одновременно с Ливеном³⁴. 21 числа он прибыл в Мадрид, где переживали правительственный кризис, и несколько дней ждал его завершения, чтобы представиться новому морскому министру. Пока шла смена лиц на политическом Олимпе, лейтенант успел познакомиться и с испанскими офицерами, и с морскими агентами Франции и Германии. Из разговоров с ними и собственных наблюдений Похвиснев сделал вывод о том, что определенного плана войны у испанцев не было³⁵. Более того, они не допускали и мысли о ней.

Похвиснев поразился нелепости того положения, которое занимал флот в Испании. Обладая колониями, эта страна пренебрегала единственным средством обеспечить их связь с метрополией. Щедро отпуская деньги на содержание армии, испанское правительство гораздо сдержаннее оплачивало нужды флота. Скудные ассигнования ограничивали боевую подготовку: корабли редко маневрировали, по году не производили стрельб. Не производилось артиллерийских опытов, а в результате не было откорректированных таблиц стрельбы, не внедрялся бездымный порох. Вместо самодвижущихся мин /торпед/ Уайтхеда на вооружении состояли устаревшие мины Шварцкопфа.

Оставлял желать лучшего и личный состав. Артиллерийская и минная школы ради экономии фактически были закрыты. Машинные команды набирались из вольнонаемных, которые в бедной техническими кадрами Испании часто оказывались недостаточно компетентными. Офицеры медленно двигались по иерархической лестнице, теряя стимулы к ревностной службе. В 1898 г. самый младший лейтенант 1 класса имел от роду 29 лет, большинство же было гораздо старше, вплоть до 50-летних. Малое содержание соблазняло лишь выходцев из очень бедных семей, а длительное подчинение вырабатывало в них зависимость от своего начальства, отсутствие инициативы и энергии.

Недостатки мирного времени ярко проявились во время боевых действий. Одну эскадру испанцы уже потеряли. На Кубе была блокирована вторая, представлявшая собой лучшее соединение флота. В распоряжении министерства оставалась резервная эскадра адмирала Камара, состоявшая из

броненосцев «Пелайо» и «Виттория», бронированного крейсера «Эмперадор Карлос V», бронепалубного крейсера «Альфонсо XIII», трех истребителей миноносцев и нескольких вспомогательных судов. «Виттория» безнадежно устарела. «Альфонсо XIII» имел малую остойчивость, а остальные корабли страдали множеством мелких недостатков. Тем не менее газеты, а с ними и парламентарии, настойчиво призывали скорее отправить ее на Филиппины. Они так и не восприняли урока, преподнесенного им походом Серверы. Не нашло в себе мужества поступить, как подобает, и министерство.

В начале июня Похвиснев уехал в Кадис, главную базу флота, где снаряжалась эскадра. Осмотрев корабли и познакомившись с офицерами, лейтенант пришел к выводу, что боевой ценности последний резерв испанцев не представляет. На «Пелайо» 120-мм орудия устаревшей конструкции размещались в батарее без траверсов и могли быть уничтожены несколькими удачными попаданиями. На «Эмперадоре Карлосе V» современные башенные установки 280-мм орудий производства фирмы Кане имели неудачные электрические приводы, которые слишком быстро вращали их и не отличались надежностью. Практически негодными оказались и 100-мм установки. Корабли были укомплектованы в основном новобранцами, по преимуществу неграмотными деревенскими парнями.

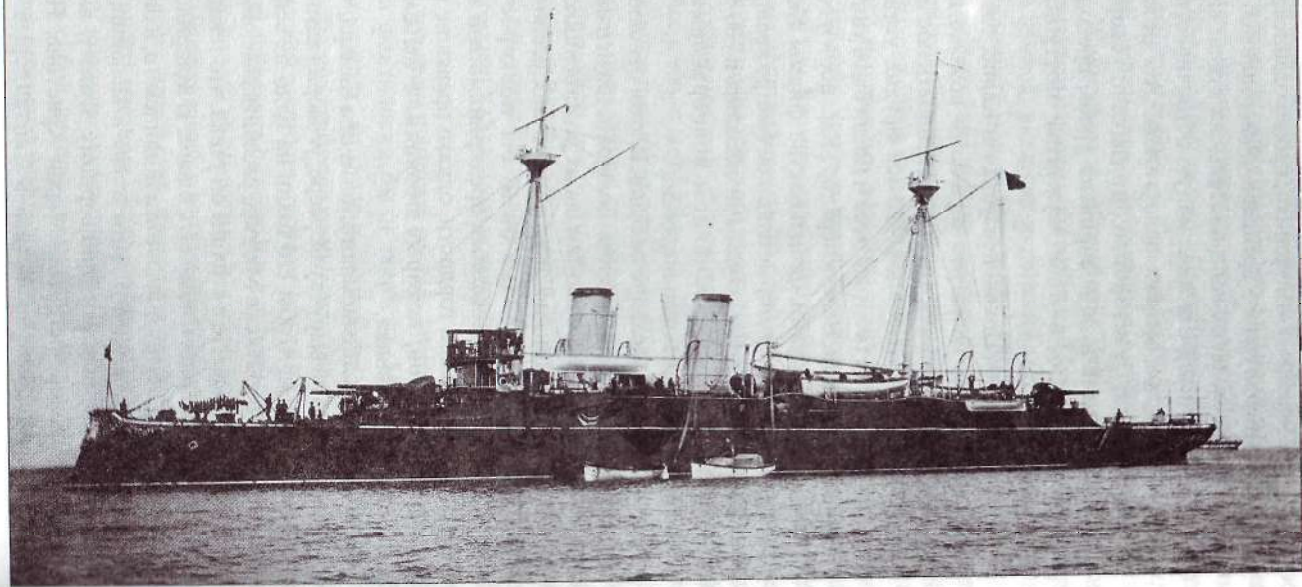
Боевого духа на эскадре не было. В этом отношении она представляла сколок общенародного настроения. Большинство испанцев знало о Кубе лишь в связи с болезнями и гибелью там своих родственников. Народ не только не боялся потерять колонии, но даже видел в них бесполезное и непосильное бремя, от которого неплохо было бы поскорее избавиться. Часть интеллигенции, заинтересованные предприниматели и чиновничество еще говорили о национальной гордости, однако правящие круги ждали не более чем частных успехов, которые позволили бы смягчить требования победоносного противника.

Похвиснев, предполагавший, как и сам Камара, что резервная эскадра может быть послана на выручку Сервере, уговорил адмирала ходатайствовать *перед командованием*, чтобы его взяли на одно из вспомогательных судов.

1 О июня лейтенант вернулся в Мадрид, рассчитывая добиться положительного *решения* этого вопроса. Но в столице он узнал, что эскадру *решено* отправить на Филиппины. Пришлось поменять планы. В Мадриде Похвиснев встретил командированного на Кубу полковника Жилинского, и они договорились ехать *туда* вдвоем. При помощи русского посла в Испании, Дмитрия Егоровича *Шевича*, лейтенант, вопреки придворному этикету, вместе с полковником *господствовал* королеве-регентше Марии Христине. Получив верительные *документы*, офицеры отправились в Сантандер, а оттуда *на пароходе*

C. M.

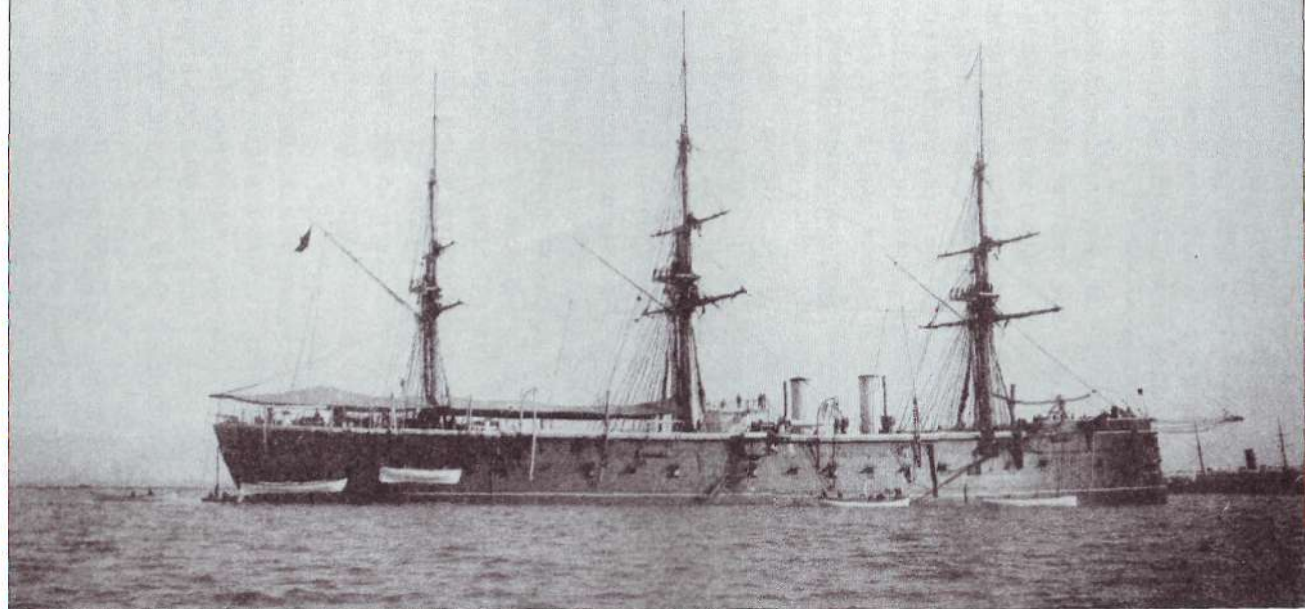
Alfonso XIII

Испанский крейсер «Альфонсо XIII»

P. M.

Vitoria

Испанский броненосец «Виттория»

французской трансатлантической компании 22 июня отплыли на Ямайку. Там они застали австрийский крейсер «Кайзерин унд кениген Мария Терезия», собиравшийся идти в Гавану, и после непродолжительных хлопот и дипломатической переписки добились разрешения сесть на него. Однако покинуть остров им удалось только 11 июля, когда важнейшие события войны уже произошли.

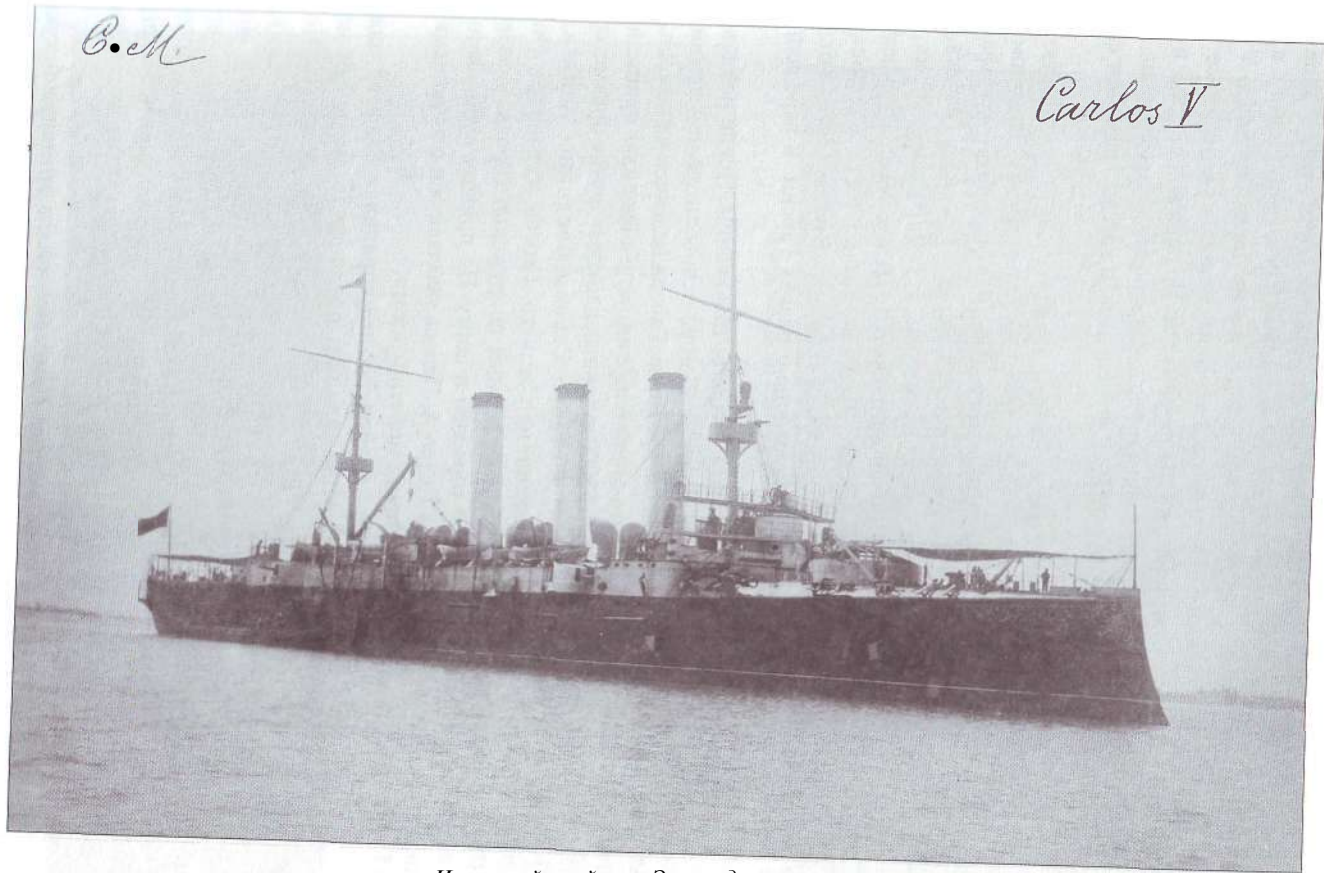
10 июня на берег бухты Гуантанамо высадился батальон морской пехоты США и при поддержке крейсера «Марблхед», канонерской лодки «Долфин», а также кубинских отрядов захватил участок побережья, чтобы обеспечить флоту безопасную якорную стоянку. В тот же день два американских корабля обстреляли поселок Дайкири, расположенный между Гуантанамо и Сантьяго. 13 июня вспомогательный крейсер появился перед Сьенфуэгосом. Однако здесь американцы получили неожиданный отпор. Внешне напоминавшая миноносец канонерская лодка «Диего Веласкес» под командованием лейтенанта Карранса, имитировала торпедную атаку на неприятельский корабль и заставила хорошо вооруженного противника отступить. Если бы на лодке действительно были торпедные аппараты, американцу не поздоровилось бы. Но, увы, испанцам оставалось жалеть, что на Кубе у них нет миноносцев.

Ночью с 13 на 14 июня ко входу в Сантьягскую бухту приблизился один из блокирующих ее кораблей и после короткой перестрелки с береговыми батареями удалился. Утром 14-го американцы обстреляли Морро и Сокапа. Бомбардировка повторилась 16 июня. В этот день эскадра выпустила по сантьягским батареям свыше 1000 снарядов, повредив два испанских орудия. 17 июня броненосец «Техас» вел огонь по берегу у поселка Пунта Кабрера, к западу от входа в бухту, обеспечивая высадку десантной партии. Испанцы отразили десант несколькими винтовочными залпами. Американцы проявляли активность не только у Сантьяго. В середине июня корабли эскадры, блокирующей Гавану, стали демонстративно приближаться на дистанцию выстрела к береговым батареям столицы. 20 июня состоялась бомбардировка небольшого порта Касильда.

Именно в эти дни транспорты с войсками десантного корпуса на борту двигались от Тампы к Ревеккиным отмелям, где их ждали 15 кораблей охранения во главе с броненосцем «Индиана». Встретив конвой, командир броненосца, коммодор Г.К. Тэйлор выстроил суда в три колонны и повел их вдоль северного побережья Кубы на восток. Разнотипность пароходов вынуждала конвой идти со скоростью 4—7 узлов, а иногда и останавливаться, поджидая отставших. Погода стояла тихая, испанцы отсиживались в портах, и для американцев, опасавшихся нападения импровизированных миноносцев, плавание завершилось вполне благополучно.

В.М.

Carlos V

Испанский крейсер «Эмперадор Карлос V»

Правда, картину несколько омрачало на редкость плохое санитарное состояние небрежно оборудованных транспортов, духота и теснота в помещениях для десанта. За две недели пребывания на борту пароходов V корпус потерял больными 82 человека, среди которых оказались и тифозные. Однако, несмотря на трудности солдаты не унывали. И среди волонтеров, и особенно среди солдат регулярной армии царило приподнятое настроение. Бойцы были уверены в себе, пожалуй, даже слишком, и готовы сразиться с противником.

Утром 20 июня суда конвоя бросили якорь западнее входа в Сантьягскую бухту. Генерал Шафтер съехал на берег для свидания с адмиралом Сэмпсоном и кубинскими генералами. Еще в апреле по приказанию военного министра Эджера и командующего американской армией, генерала Нелсона А. Майлса, лейтенант Эндрю С. Роуэн установил связь с генералом Гарсиа, командовавшим повстанцами в провинции Орьенте. В мае Роуэн вернулся с Кубы в сопровождении генерала Колясо, полковника Карлоса Эрнандеса и подполковника Гонсало Гарсиа Виета. Кубинцы информировали американское командование о планах Гарсии и передали карты острова.

Повстанцы находились тогда в тяжелом положении. После рейдов Гомеса и Вейлера Куба была опустошена. Бойцы освободительной армии голодали, им не хватало оружия и боеприпасов. Гарсиа надеялся на помощь американцев. По его просьбе 26 мая в порт Банес на судне «Флорида» прибыли 7600 винтовок, 500000 патронов, 150000 суточных пайков и другие предметы снабжения. 6 июня Эрнандес доставил Гарсии послание Майлса, предлагавшего совместное нападение на Сантьяго. Гарсиа согласился. Он отправил американцам схему оборонительных сооружений города, указал позиции испанских войск, число кораблей в порту. По приказу кубинского командующего дивизия генерала Педро А. Переса завязала бои с испанцами у Гуантанамо, помогая американской морской пехоте.

В лагерь Гарсии под Эль-Асеррадеро и направился Шафтер для уточнения плана действий. Сначала кубинцы предложили американцам десантироваться западнее Сантьяго, где были сосредоточены их отряды. Но затем Гарсиа указал на поселки Дайкири и Сибоней, хорошо известные ему, так как именно в этом районе его семья владела земельными участками. По настоянию Шафтера все силы кубинцев были брошены на обеспечение высадки. К востоку от Дайкири, у горы Кахобабо, собрался отряд в 1000 бойцов, а на западном берегу Сантьягской бухты, для отвлекающих действий еще — 500 человек, под командованием Хесуса Раби. Здесь же подготовили и демонстративную высадку.

В 9 часов утра 22 июня эскадра Сэмпсона начала артиллерийскую

Американский десант высаживается у Сибонья

Железнодорожный путь взорванный испанцами

подготовку. На Дайкири обрушились десятки снарядов, поселок загорелся. Пока корабли обстреливали плацдарм, авангард десанта садился в шлюпки и на буксире паровых катеров двинулся к берегу. Американцы и кубинские эмигранты готовились к бою, но берег молчал. Три роты батальона «Талавера», составлявшие гарнизон Дайкири, накануне отступили к деревне Севилья, уходя из-под удара кубинского отряда генерала Кастильо.

Первые шлюпки с десантом попали в полосу сильного прибоя и перевернулись. Два солдата утонули, открыв счет американских потерь на кубинской земле. После этого шлюпки стали подходить к небольшой деревянной пристани, хотя и на нее высадиться было довольно трудно. Вскоре на берегу толпилось несколько сотен солдат и офицеров. Подразделения так перемешались, что командиры с трудом наводили порядок. Средств для перевозки лошадей и мулов не хватало, и животных попросту сталкивали в воду, чтобы они самостоятельно плыли к берегу. Однако некоторые, испугавшись прибоя, поворачивали обратно, выбивались из сил и тонули. Полевая артиллерия оказалась на суше только вечером, осадная же так и оставалась на транспортах до конца операции.

Уже темнело, когда высадка прекратилась. Шесть тысяч десантников, как попало устроились на бивак у ближайшего ручья. Постепенно офицеры собрали свои подразделения, и после короткого отдыха войска двинулись в путь. За ночь дивизия генерала Лоутона дошла до поселка Сибоней, расположенного десятью километрами западнее Дайкири. К утру 23 июня части дивизии заняли поселок, не встретив серьезного сопротивления. Дорога от Сибоней к Сантьяго-де-Куба была легче и короче, чем от Дайкири, поэтому днем транспорты с остальным десантом стали на якорь напротив поселка. Началась высадка, продолжавшаяся и ночью, при свете прожекторов, так что к вечеру 24 июня корпус Шафтера был на берегу в полном составе.

Настроение американских солдат оставалось превосходным. Легко отступавший противник казался слабым, и перспективы войны рисовались светлыми красками. Подобное чувство испытывали и офицеры. Досаждала только жара, заставившая на первом же переходе скинуть тяжелые суконные мундиры. Синие куртки усеяли обочины дороги от Дайкири до Сибоней на радость кубинцам, немедленно их подобравшим. Выступая в сторону Сантьяго, американцы взяли только то, что можно было унести на себе, оставив на транспорте палатки, ротные кухни, аптечки, подковы для лошадей и мулов, личные вещи. Ждали скорой и бескровной победы. Но прошло всего несколько часов, как их иллюзии рассеялись.

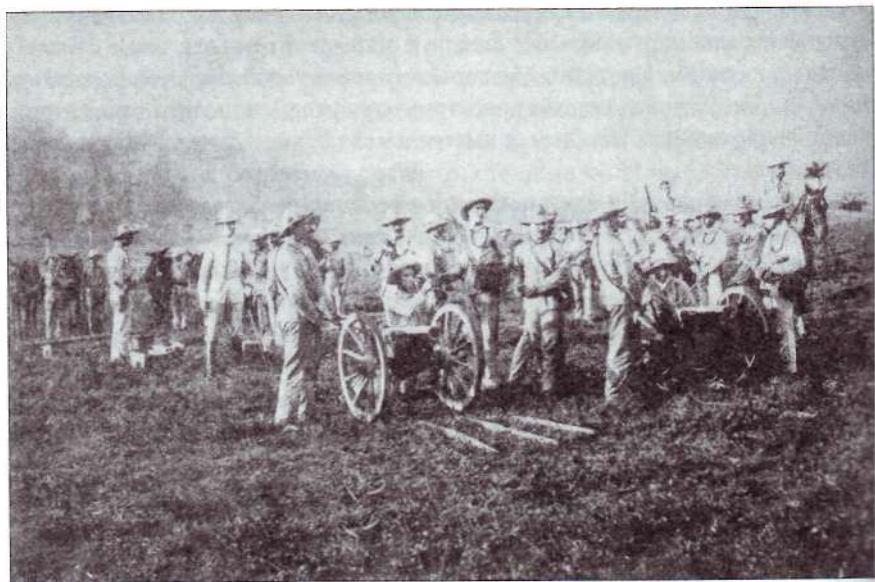
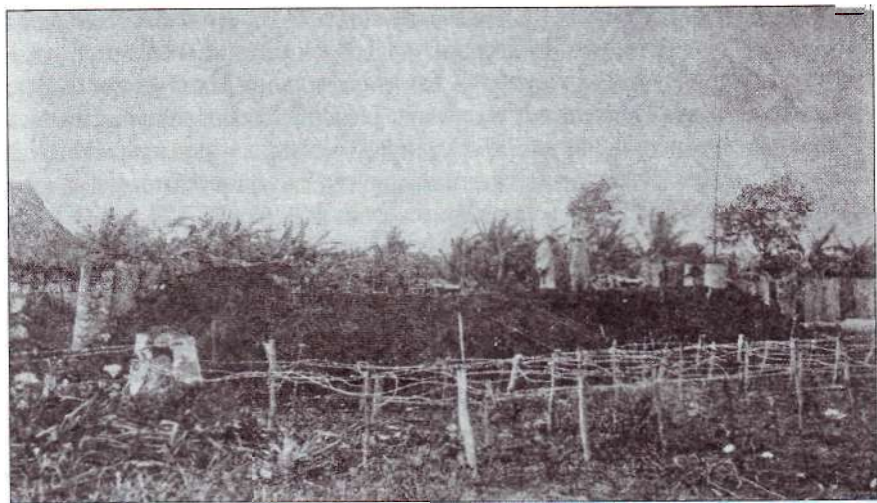
От Сибоней к Сантьяго вели две тропы. Одна, более пологая, шла на север, постепенно поднимаясь на окружающие город холмы. Другая поворачивала к западу, на плоские вершины приморских гор, а затем — к северу.

сливаясь с первой у фермы Ла Касима, близ деревни Севилья. Американцы выслали по обеим тропам авангард из частей кавалерии, спешенной из-за недостатка лошадей. По западной двинулся волонтерский полк «Лихие всадники», которым командовал полковник Теодор Рузвельт, оставивший пост помощника морского министра, по северной — регулярная кавалерия генерала Джозефа Уиллера. Дорога давалась им трудно, и обливавшиеся потом солдаты стали избавляться от вещевых мешков и одеял.

Обе тропы окружал высокий, густой кустарник, оплетенный лианами, и разведчики, шедшие впереди каждой колонны, видели не дальше ближайшего поворота. Неизвестность скорее томила, чем пугала американцев. Они не боялись встречи с противником, а искали ее. Энтузиазм волонтеров Рузвельта оказался выше их военной подготовки, поэтому «Лихие всадники» двигались по своей тропе быстрее солдат Уиллера. Оставив за спиной пять километров пути, полковые разведчики наткнулись на лежавший поперек дороги труп кубинского повстанца и остановились. Впереди, в нескольких десятках метров, тянулась по склону холма едва различимая в зарослях, низкая каменная стена. Это была ферма Ла Касима, где третий день держались, отбиваясь от кубинцев, 1150 испанских солдат под командованием генерала Линареса. Разведчики осторожно пошли к ферме. За ними по обочинам тропы двинулись волонтеры. Американцы успели сделать всего несколько шагов: ружейным залпом испанцы скосили передовых, а остальные залегли и открыли ответный огонь, в суматохе попадая по своим. Винтовки Маузера, которыми были вооружены испанцы, стреляли бездымным порохом, поэтому волонтеры не могли рассмотреть позиции противника. Зато дым от выстрелов карабинов Спрингфилда выдавал американцев.

На помощь «Лихим всадникам» поспешили оставшие пехотинцы генерала Лоутона, а по соседней тропе к развилке бросились кавалеристы Уиллера. Одна за другой части втягивались в узкий коридор между живыми стенами кустарника, что сразу задавало направление движения всего корпуса. Такой поворот событий исключал возможность наступления вдоль небольшой железной дороги, проложенной американской горнодобывающей компанией от Сибонея к пристани на берегу Сантьягской бухты, в тылу у форта Морро и испанских позиций близ поселка Агуадорес. Впрочем, Шафтер не горел желанием нанести удар вдоль морского берега. Генерал собирался брать Сантьяго атакой с тыла, что лишало его войска, огневой поддержки флота, но позволяло ему самому ни с кем не делиться славой победителя, совсем не лишней в интригах против генерала Майлса. Об артиллерии испанской эскадры, способной свести на нет все усилия V корпуса, Шафтер словно забыл.

Бой у Ла Касима продолжался более часа. Наконец, когда генерал

Испанские горные батареи

Испанские сухопутные части

Линарес почувствовал угрозу окружения, испанцы отступили. Несмотря на численное превосходство противника, помимо карабинов применявшего картечницы Гатлинга, отряд Линареса потерял всего 9 человек убитыми и 27 ранеными, янки же лишились 16 убитых и 44 раненых.³⁶ Потери кубинцев генерала Гарсия, участвовавших в бою, неизвестны.

Заметно посерьезневшие американцы не решились преследовать испанцев и позволили им отойти к холму Сан Хуан, расположенному в двух километрах восточнее Сантьяго. На вершине этой возвышенности, сплошь поросшей кустарником, стоял обыкновенный блокгауз. Линарес приказал выкопать по обе стороны от него траншеи для двух рот пехоты — около 250 человек. С гребня холма открывался хороший обстрел вдоль тропы, идущей от Севильи. Прямо на тропе были поставлены два горных орудия. Атаковать эту позицию во фронт мешала густая растительность и довольно глубокая речка, с обрывистыми берегами и илистым дном, все удобные броды которой насквозь простреливались испанцами. Позади Сан Хуана защитники Сантьяго оборудовали еще две линии обороны.

Три роты батальона «Конститусьон» и полуроту герильясов, всего 481 человека, Линарес послал в деревню Эль Каней. Деревня, вокруг которой раскинулись плантации экспортного кофе, соединялась с городом широкой грунтовой дорогой. Небольшой ее гарнизон — офицер и 40 солдат полка «Куба» — помещался в блокгаузе на окраине селения. Вокруг блокгауза и окопалось подкрепление. Командование войсками в Эль Каней принял генерал Вара дель Рей.

Испанцы спешно заканчивали приготовления к обороне, но американский корпус не двигался с места. Собрав его у фермы Эль Посо, Шафтер приводил в порядок потрепанные части, пополнял запасы патронов и продовольствия. Снабжение оказалось самым узким местом в организации десантной операции. Централизованное управление тылом не предусматривалось. Боеприпасы и продовольствие доставлялись с транспортов на берег безо всякого плана, складывались в деревянном сарае, приспособленном под временное хранилище, и развозились по частям. На глинистых тропках, распылавшихся грязью каждый вечер после очередного ливня, часто возникали заторы. Выручал неиссякающий оптимизм и энергия, не покидавшие американских солдат и офицеров.

Пока основные силы корпуса готовились к наступлению на город, оставшиеся на побережье три полка волонтеров 27—30 июня пытались выбить испанцев из Агуадорес, но после того, как оборонявшиеся взорвали мост через речку Гуама, вынуждены были остановиться и окопаться на противоположном берегу. Неудачной оказалась и попытка американцев высадиться в небольшом порту Тунас, через который проходил подводный телеграфный кабель.

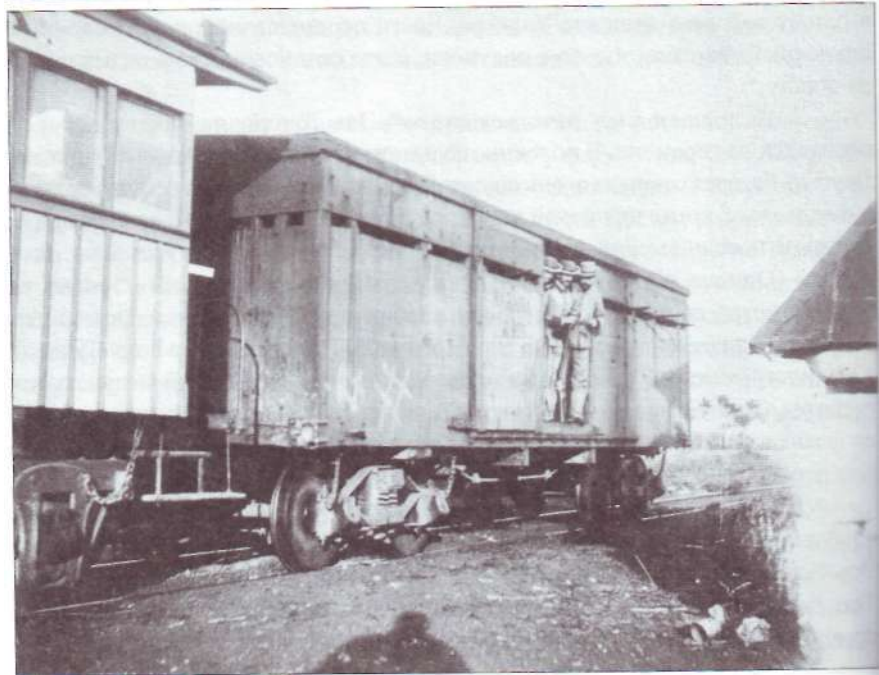
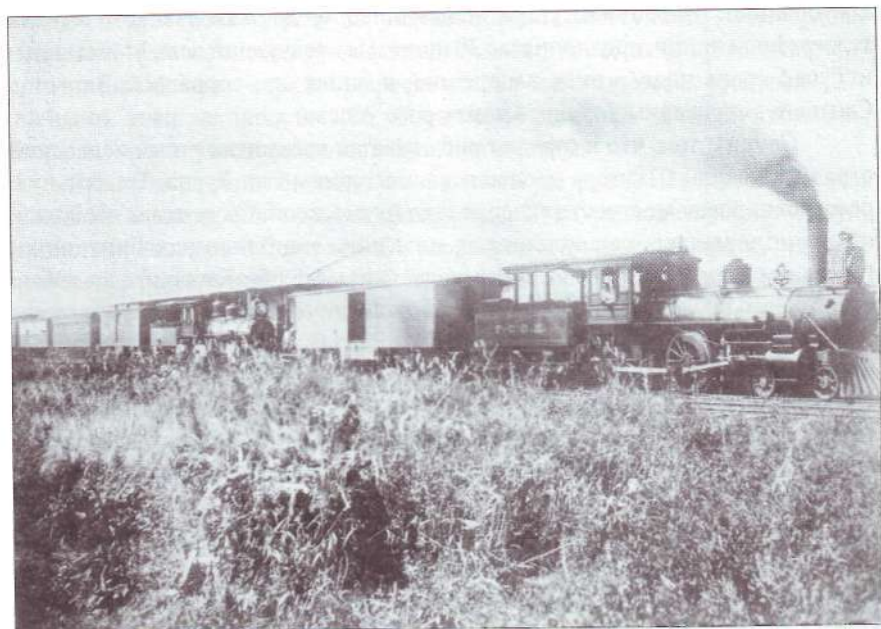
Безуспешной была также атака Мансанильо — другого узлового пункта телеграфной линии, предпринятая 30 июня. На следующий день Мансанильо и Тунас вновь подверглись нападению, и снова оно сорвалось. Зато под Сантьяго американцы добились некоторого успеха.

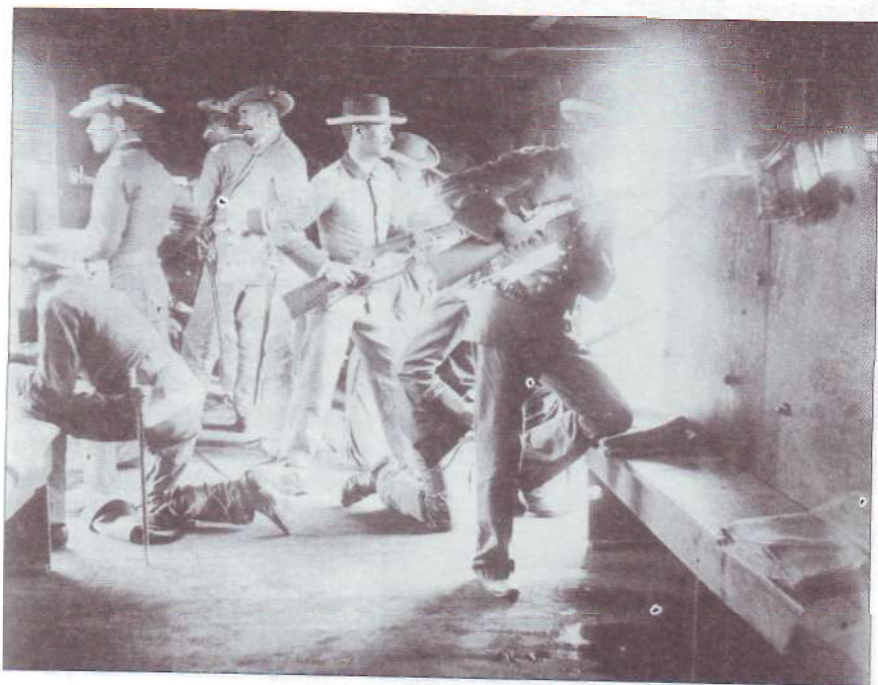
Слухи о том, что к городу приближается восьмидесятысячный испанский отряд, заставили Шафтера поспешить со штурмом Сан Хуана. Тщательную рекогносцировку местности генерал считал неуместной. Он основал свой план на торопливых кроках испанских позиций, выполненных бригадным генералом Адна Р. Чаффи и инженер-полковником Дерби, хотя они и не давали отчетливого представления о системе обороны противника. Шафтер задумал нанести удар во фланг, через деревню Эль Каней, а затем в лоб позиции на Сан Хуане.

30 июня в 4 часа дня с биваков у фермы Эль Посо снялась пехотная дивизия генерала Лоутона. Свыше 6000 человек с четырехорудийной полевой батареей двинулись вслед за кубинским авангардом по узкой лесной тропе к Эль Каней. Проводив их, стали собираться в дорогу спешенная кавалерийская дивизия Уиллера и пехотная дивизия Кента, всего около 8000 человек с тремя полевыми батареями, им предстояло идти по главной тропе к Сан Хуану. Ни письменной диспозиции, ни расписания походных колонн составлено не было. Вначале первой двигалась дивизия Кента, но затем ей приказали пропустить в голову колонны дивизию Уиллера. Части перемешались, и 4,5 километра пути войска одолели только к полуночи, когда остановились на отдых прямо на дороге.

Бой должен был начаться атакой Эль Каней, на взятие которой отводился час времени. В половине седьмого утра 1 июля приданная дивизии Лоутона батарея открыла огонь по деревне. Стреляла она весьма неторопливо, и после вялой артиллерийской подготовки, не причинившей испанцам вреда, кубинцы повели американские части вперед, охватывая Эль Каней со всех сторон. Однако подойти к испанским траншеям они сумели только на полкилометра, после чего залегли под плотным ружейным огнем противника. За боем с ближайшего к ферме Эль Посо холма наблюдал Шафтер. Тучный, 130-килограммовый генерал был совершенно измучен жарой и приступом подагры. Он понимал, что Лоутон увяз в испанской обороне и не успеет зайти со фланг и тыл позиции на Сан Хуане к назначенному времени, но отменить или перенести лобовую атаку холма не захотел.

С 8 часов утра начала обстрел испанских траншей на гребне Сан Хуана одна из трех батарей, выделенных для артиллерийской поддержки. Как и под Эль Каней, шрапнель слабо действовала на хорошо укрытого противника. Тем не менее, генерал Самнер, заменивший свалившегося в малярийном приступе Уиллера, получил приказ продвинуться к бродам, где остановиться

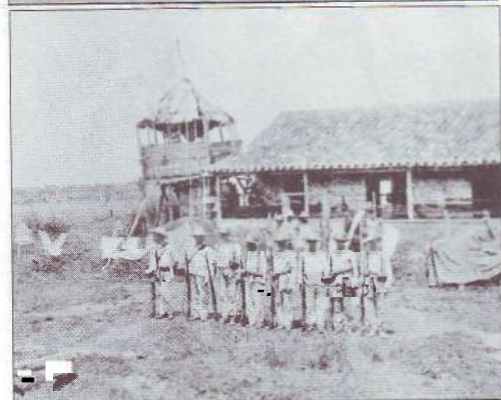

На стр. 88 (вверху) испанский поезд «Explorador», в состав которого входили обшитые железом вагоны — «blocado».

На нижнем фото стр. 88 наружный вид «blocado», на стр. 89 — внутренний

и ждать дальнейших указаний. Полки дивизии стали спускаться по тропе к бродам, но не успели они выйти из зарослей на открытое место, как попали под огонь испанской пехоты. Очень скоро потери американцев достигли критической величины, некоторые части пришли в полное расстройство и залегли. В тылу у них, напирая друг на друга и выдавливая передних на простреливаемое место, теснились полки дивизии Кента.

В довершение беспорядка над тропой, в самой гуще американских войск был поднят воздушный шар. По шару и скучившимся пехотинцам тут же открыли огонь испанские пушки. Прошло совсем немного времени, как шар оказался сбитым, а солдаты, не выдержавшие обстрела, бросились вперед. Полкам пришлось развертываться за бродами, под пулями испанцев, при этом многие старшие командиры были убиты или тяжело ранены, и управление перешло к младшим офицерам. Тем не менее, дивизия сумела развернуться влево от тропы. С правой стороны то же самое проделали потрепанные залерийские полки. Затем американцы бросились в сумбурную, но яростную

*Цитадель испанской деревни (вверху),
деревенский караул.*

На стр. 91 испанские «Guerillero»

атаку на Сан Хуан, защитники которого под натиском нескольких тысяч неприятелей отошли на вторую линию обороны. С собой они уносили тяжело раненого генерала Линареса. Холм достался американцам. Однако стоившее большой крови приобретение имело небольшую ценность. Сан Хуан господствовал над местностью к востоку, но не к западу, где находились новые позиции испанцев и откуда в янки немедленно полетели пули. До позднего вечера группы солдат, страдавших от жажды и голода, лежали на гребне высоты, не смея поднять головы.

В эти часы бой под Эль Каней еще продолжался. После долгой перестрелки пехотинцы Лоутона зашли во фланг противнику и получили возможность простреливать его траншеи. Генерал Варадель Рей был смертельно

ранен. К 4 часам дня испанцы израсходовали все патроны и организованно отступили в сторону Сантьяго. Американцы, пытавшиеся их преследовать, слишком утомились и к вечеру, обнаружив перед собой свежие неприятельские заслоны, остановились. Лоутон запросил указаний Шафтера и получил приказ идти обратно, к Сан Хуану.

Дивизия Лоутона прибыла на место утром 2 июля. К этому времени солдаты Уиллера и Кента, успевшие за ночь окопаться на обратном скате холма, успешно отбили испанскую контратаку. Подкрепление заняло позиции на правом фланге, упиравшемся в дорогу на Эль Каней. Дальше к северу расположились кубинские отряды, старавшиеся перерезать последнюю коммуникацию испанцев — дорогу на Кобре. Днем эскадра Сэмсона три

часа подряд энергично обстреливала форт Морро, батареи Сокапа и Пунта Горда. Огонь корабли вели по данным, доставленным лейтенантом Виктором Блю, обошедшим вокруг Сантьяго в сопровождении Хесуса Раби, но эффективность его оставалась низкой: подавить батареи так и не удалось.

За три дня боев испанцы потеряли 592 человека убитыми и ранеными, включая 11 моряков с эскадры адмирала Серверы, укомплектовавшей участок траншей у берегов бухты. Американцы же — 244 убитыми и 1381 ранеными.³⁷

Потери были столь велики, при отсутствии резервов линия войск столь тонка, что вечером 2 июля Шафтер собрал военный совет на ферме Эль-Посо и предложил командирам дивизий подумать, не следует ли отступить от Сантьяго? Генералы ответили отрицательно. По их оценкам десантный корпус, вместе с частями кубинской освободительной армии, более чем вдвое превосходил численность гарнизона Сантьяго. Защитники города нуждались в подкреплениях, но стоявшая в Гуантанамо бригада генерала Пареха была блокирована кубинским

отрядом Переса. К тому же телеграфная связь с ней, после одного из обстрелов берега американскими кораблями, прервалась. Не могли подойти к Сантьяго и части дивизии генерала Луке, находившиеся в Ольгине. Лишь полковник Эскарио настойчиво пробивался с колонной в 3600 человек из Мансанильо, отбивая атаки кубинцев полковника Эстрада.

Солдаты Эскарио, произведенного за этот поход в бригадные генералы, усилили оборону города, но в то же время увеличили число едоков при очень скромных запасах продовольствия. Сменившему Линареса на посту командующего гарнизоном генералу Торалю, твердолобому упряму, предстояло решить, как долго следует удерживать Сантьяго и что делать, когда все возможности сопротивления будут исчерпаны? Конечно, многое определяли замыслы маршала Бланко и воля испанского правительства, но немало значило настроение самих защитников города. Они могли стоять до последнего или в определенный момент пойти на прорыв, а могли и сдаться на приемлемых условиях. Выбор в значительной степени зависел от видения ситуации, а оно — от сведений о противнике, но их-то у испанцев почти не было.

Неожиданный корректив в расчеты Торалья внес маршал Бланко, которому, наконец, удалось убедить правительство в том, что Сервера должен подчиняться ему. 2 июля адмиралу из Мадрида категорически приказали прорваться в Гавану. К вечеру этого дня моряки покинули траншеи и вернулись на свои корабли. Началась подготовка к походу и бою.

Как и два месяца назад, адмиралом владели противоречивые чувства. Он не хотел ставить под удар достигнутое длительной службой положение, как и свою честь, но исполнить приказ в сложившейся ситуации было практически невозможно. Ночной выход, в слепящем свете вражеских прожекторов, по фарватеру, частично загороженному корпусом «Мерримак», таил в себе не меньше опасностей, чем дневной. К тому же ночью американские броненосцы находились гораздо ближе к берегу, чем днем. Тянуть время, дожидаясь осенних штормов, не позволял приказ и опасение, что эскадра Сэмпсона может получить какое-нибудь подкрепление. Адмирал решил прорываться на следующее утро, это казалось своевременным, тем более что блокадные тиски ослабли: броненосец «Массачусетс» ушел за углем в Гуантанамо. Позднее Сервера говорил, что собирался пожертвовать своим флагманским крейсером и задержать быстроходный «Бруклин», чтобы спасти остальные корабли, но действительность зачеркнула эти расчеты.

Утро 3 июля начиналось во всем подобно предыдущим. По введенному порядку американцы отошли на 3—4 мили от форта Морро и занялись повседневными делами. Практически на всех кораблях под парами оставалось по несколько котлов, остальные были погашены, а из некоторых даже спустили воду. На «Нью-Йорке» и «Бруклине», у которых на каждый вал работало по

две машины, соединительные муфты вторых машин были разобщены.³⁸ Погода выдалась хорошая. На море стоял штиль. Адмирал Сэмпсон, договорившийся о встрече с Шафтером, на флагманском «Нью-Йорке» отправился в Сибоней.

Именно этим утром, около пяти часов, пришла в Сибоней и яхта «Голден Род»³⁹. Так как за месяц хозяйничанья в поселке американцы не удосужились построить там пристань, пассажирам яхты пришлось высаживаться на берег при помощи небольшой шлюпки, рискуя перевернуться в полосе океанского прибоя. Вместе с другими ступил на песчаный пляж Сибоней и А.А. Ливен. По установившемуся правилу он должен был сразу представиться американскому командующему. Но главная квартира Шафтера находилась тогда в 15 километрах от поселка, в котором оставались только тыловые учреждения. Жалкое впечатление производил Сибоней. Дюжина деревянных домиков у полотна железной дороги, рядом с ними палаточный госпиталь, большой сарай, превращенный американцами в промежуточный склад. Чуть дальше, в зоне прибоя, деревянные понтоны, на которые сажали раненых, чтобы перевезти их на госпитальное судно «Оливетте» — бывший пассажирский пароход, приспособленный на скорую руку. Никакого начальства, никакого транспорта. Побродив по поселку, Ливен решил идти в главную квартиру пешком.

Однако не прошел он и половины дороги, как встретил полковника Ермолова, возвращавшегося из-под Сантьяго совершенно больным. Ермолов попросил проводить его на штабной пароход «Сегуранца», где оставались вещи всех иностранных военных наблюдателей. Обмениваясь впечатлениями, офицеры проделали обратный путь в Сибоней. На берегу им пришлось ждать оказии, чтобы добраться до судна, стоявшего на якоре в некотором отдалении. Рядом слегка покачивались несколько других пароходов, но большинство держалось под парами в открытом море. Правее, километрах в десяти, хорошо видимые в бинокль слегка дымили боевые корабли. Близилась половина десятого утра.

Неожиданно над морем прокатился глухой удар. Затем еще один и еще. Американская эскадра окуталась пороховым дымом. Сначала офицеры предположили, что начинается очередной обстрел береговых укреплений. Но вот из-за охристых склонов прибрежных высот показались мачты, а затем и корпус «Инфанты Марии Терезы». В четырех кабельтовых за нею держалась «Вискайя», в кильватер ей шел «Кристобаль Колон», а замыкал колонну «Адмирал Окендо».

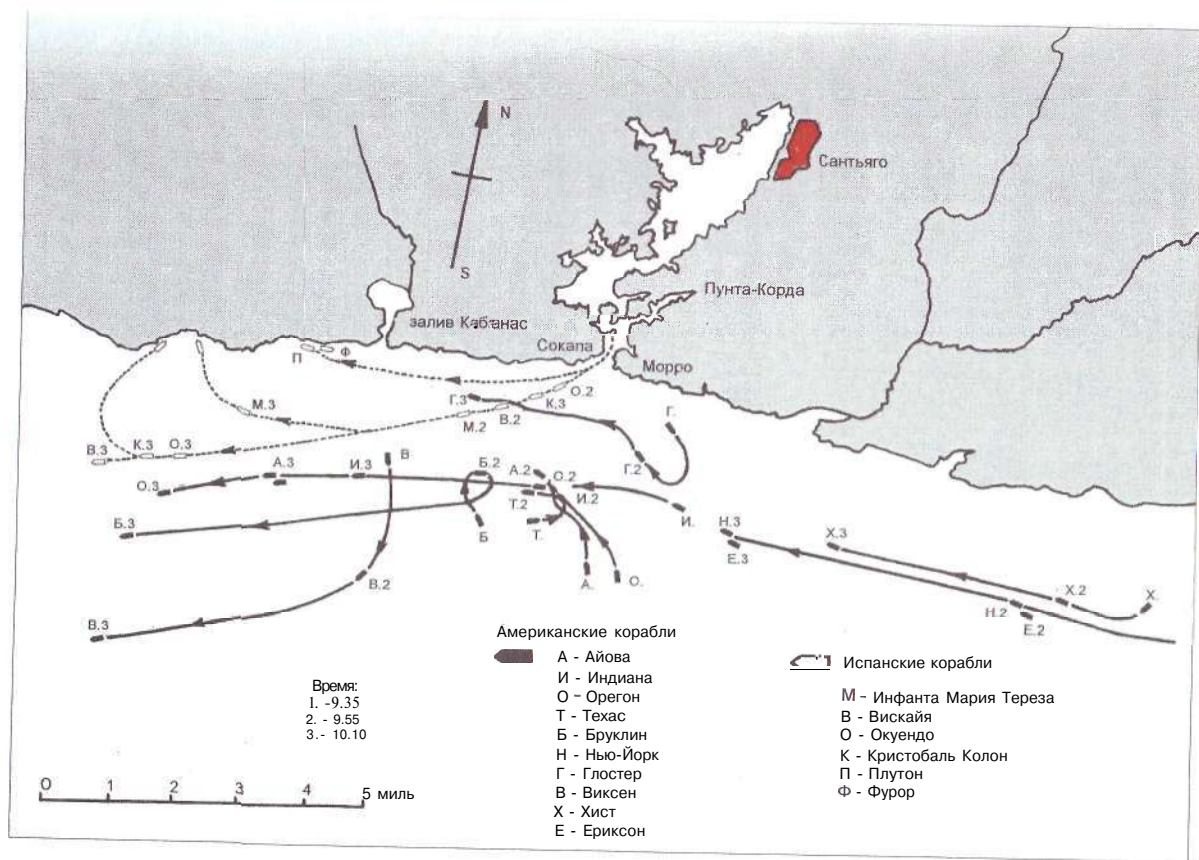
По фарватеру крейсера двигались со скоростью 8—10 узлов, а выходя в море увеличивали ход до полного, держа курс на «Бруклин». Два передних корабля вырвались вперед, увеличив дистанцию до заднего мателота вдвое. В эти минуты на фалах несколько американских броненосцев одновременно

взлетел сигнал «Неприятель выходит», и все они двинулись вперед. Командиры действовали в точном соответствии с приказом Сэмпсона, оставлявшим в подобном случае за ними максимальную инициативу. «Техас», «Айова», «Орегон» и «Индиана» повернули влево, стремясь пересечь курс испанской колонны. Однако давление пара в котлах оставалось низким, и броненосцы явно опаздывали. Тогда они, сосредоточив огонь на головном корабле, стали ложиться на параллельный курс. Какое-то время прямо на противника шёл один «Бруклин», рискуя оказаться между двух огней. Но вот он повернул вправо, разрядил свои орудия по «Инфанте Марии Терезе» с дистанции 7,5 кабельтовых и, описав полную циркуляцию, также лег на параллельный с ней курс.

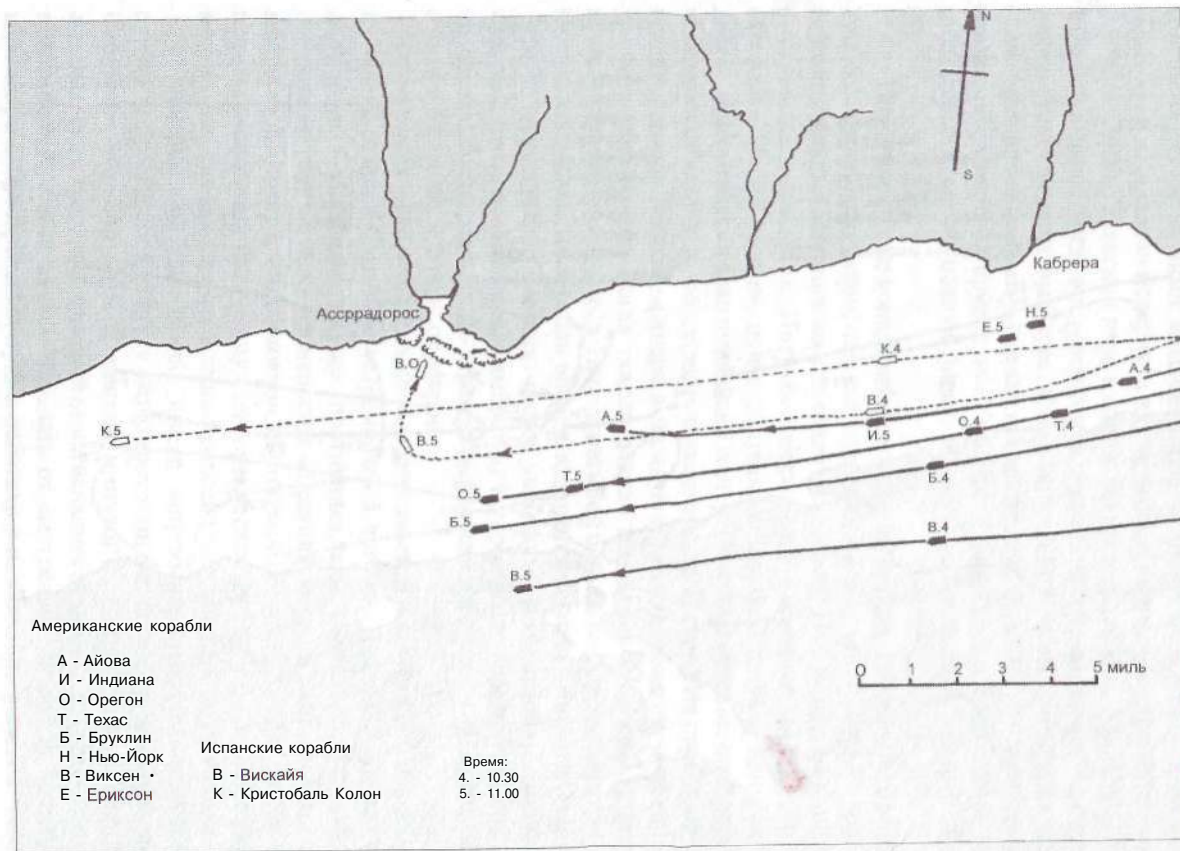
После первых же попаданий флагманский крейсер Серверы загорелся. Тушить пожар было нечем, так как пожарная магистраль и паровые трубы вспомогательных механизмов перебило осколками. Пар и дым наполняли внутренние помещения. Потребовалось всего несколько минут, чтобы «Инфанта Мария Тереза», при строительстве которой широко применяли дерево, превратилась в ярко пылающий костер. Повернув направо, она прошла несколько кабельтовых, постепенно теряя скорость. На корабле прекратилась подача снарядов. Многие офицеры были из строя, и матросы стали покидать умолкнувшие орудия. Когда тяжело ранило командира крейсера, Сервера принял командование на себя. Продолжать бой больше не было возможности. Пропустив остальные корабли вперед, адмирал направил «Инфанту Марию Терезу» к берегу. В этот момент густой дым окутал и концевой «Алмиранте Окендо». Его носовая башня, в амбразуру которой угодил вражеский снаряд, замолчала. Крейсер ненадолго пережил флагмана и выбросился на берег рядом с ним, в 6,5 милях к западу от Морро.

«Виская» и «Кристобаль Колон», отбиваясь от американцев, удалялись на запад. Эскадра Сэмпсона устремилась в погоню. Головным, удерживая дистанцию 6-7 кабельтовых до противника, шел «Бруклин». За ним, не соблюдая строя, тянулись броненосцы. «Орегон», котлы и машины которого находились в прекрасном состоянии, постепенно обгонял «Айову» и «Техас», причем последний был вынужден прекратить стрельбу в самый жаркий момент боя, так как корабль Кларка проходил между ним и противником.

Американцы изначально имели ощутимый огневой перевес. Их орудия выбрасывали в минуту около трех тонн металла, а орудия крейсеров Серверы — около двух. С каждой минутой боя, с каждым попавшим американским снарядом ответный огонь испанцев ослабевал. Обмотав головы полотенцами, чтобы меньше страдать от выстрелов тяжелой артиллерии, комендоры скорострельных пушек работали в необычайно высоком темпе. Позднее выяснилось, что на «Айове» комендор Смит из 102-мм орудия за

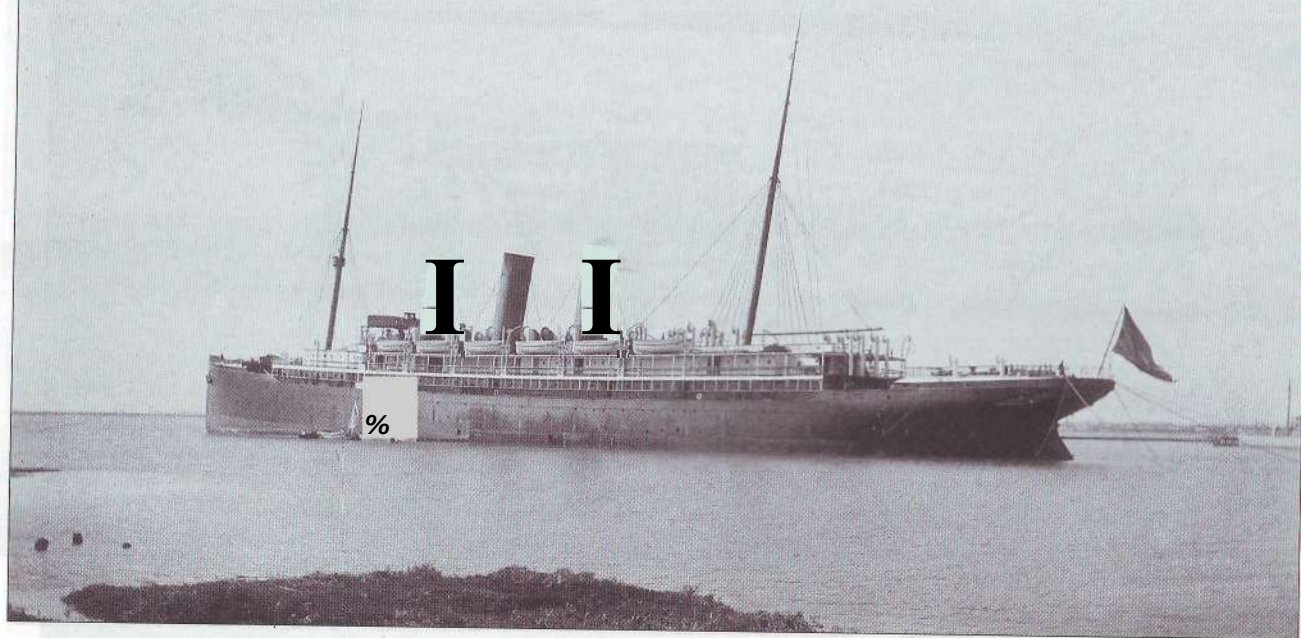
Сражение у Сантьяго - 1-я фаза

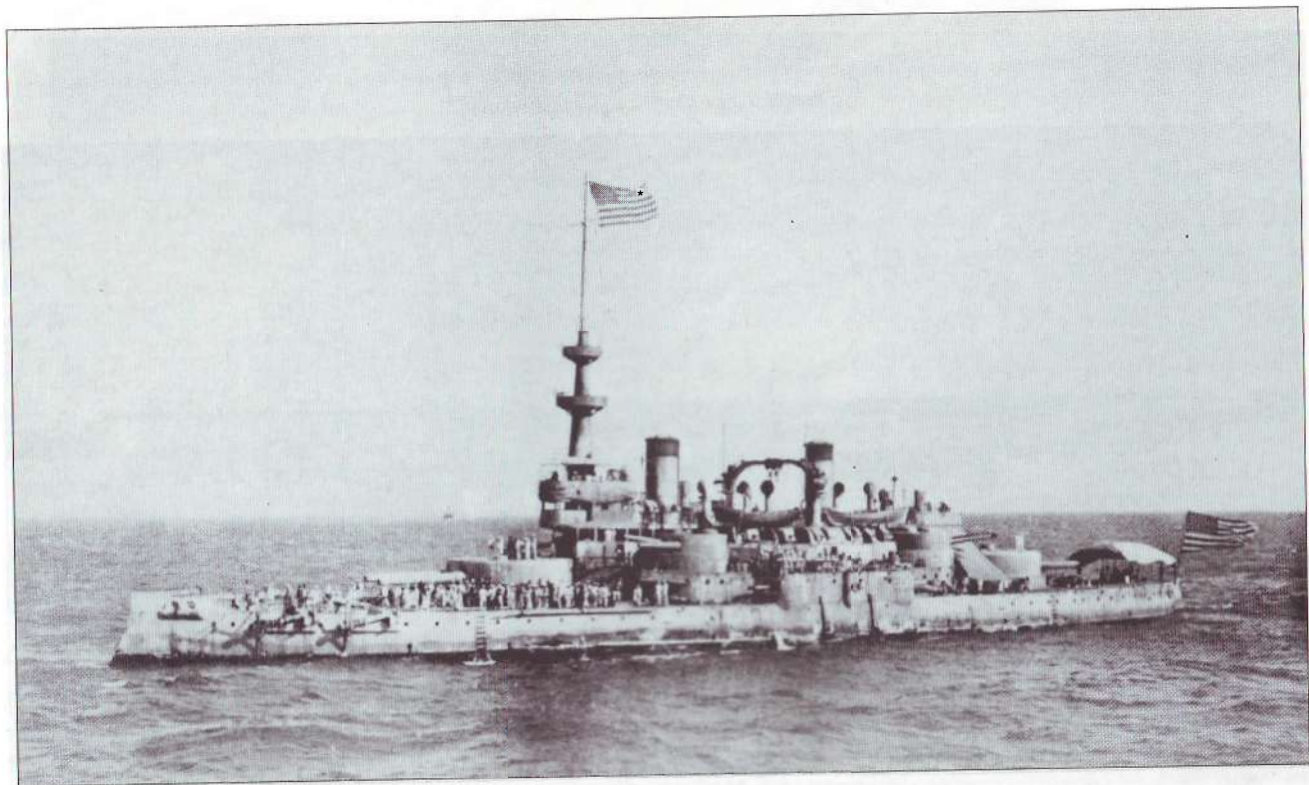
Сражение у Сантьяго - 2-я фаза

C. M.

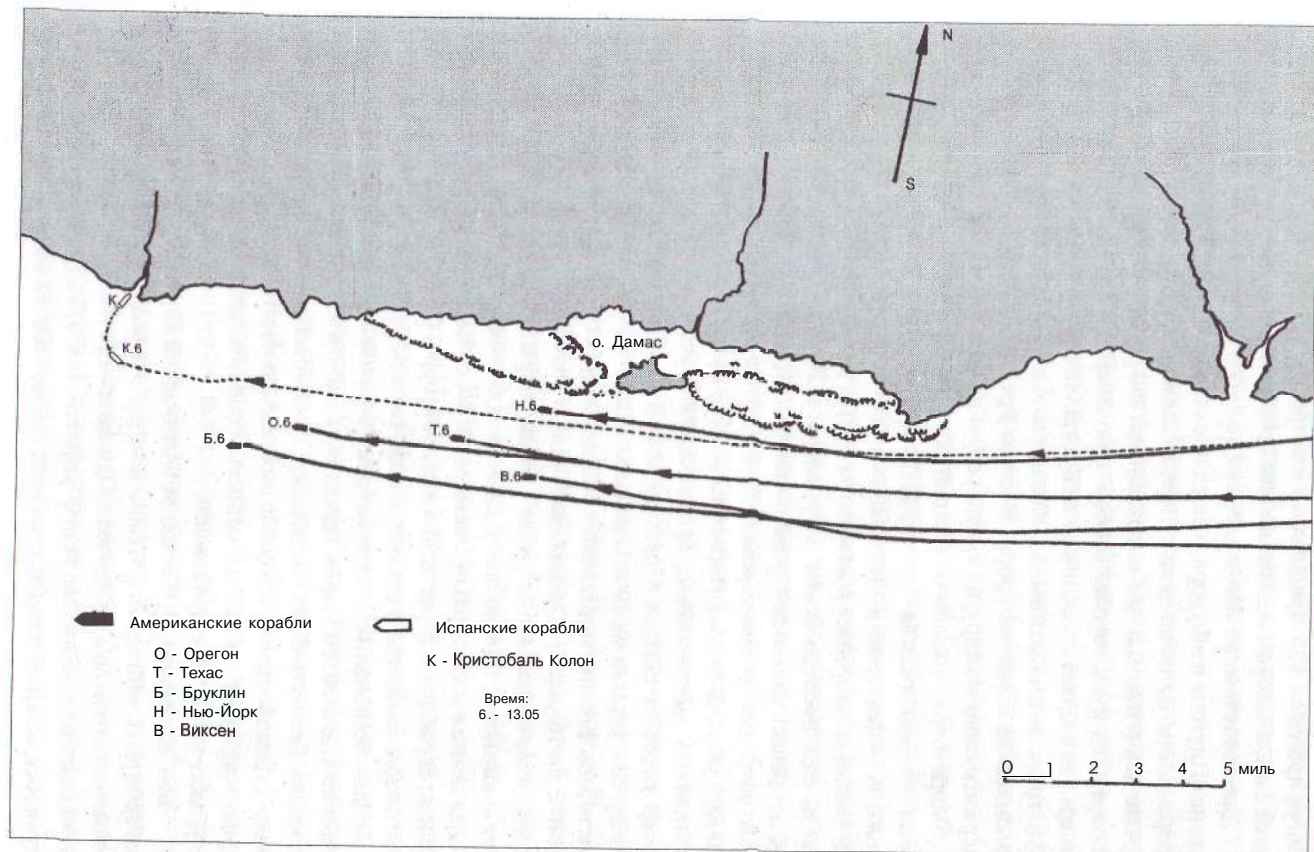
Patriota

Испанский транспорт «Патриота»

Американский броненосец «Орегон» после боя 3 июля 1898 г.

Сражение у Сантьяго - 3-я фаза

50 минут произвел 135 прицельных выстрелов, и это несмотря на непроглядный дым, в котором постоянно шел броненосец.

Далеко отставшая «Индиана» вместе с вооруженной яхтой «Глочестер» напала на «Плутон» и «Фурор», вышедшие спустя 10 минут после крейсеров. Неисправности не позволяли истребителям развить полный ход, и они превратились в мишени для американских снарядов. Вскоре на «Плутоне» был поврежден руль, корабль беспомощно завертелся на месте, пока очередной снаряд не взорвал котел, после чего истребитель быстро затонул. Спаслась только треть его команды. После нескольких попаданий загорелся и выбросился на берег «Фурор». Все это время батарея Сокапа пыталась поддержать свою эскадру, но так ни разу и не попала в противника.

Море перед входом в Сантьягскую бухту вскоре опустело, только плавали стоямя гильзы от скорострельных орудий среднего калибра. А погоня за уцелевшими испанскими крейсерами продолжалась. В 10 часов 45 минут загорелась и повернула к берегу «Бискайя». Ей суждено было сесть на риф посреди бухты Асеррадеро, в 20 милях западнее Морро. До суши добралась только половина команды. «Кристобаль Колон», имевший гораздо более полное бронирование, чем другие корабли эскадры, пострадал мало. Ему удалось далеко оторваться от «Бруклина» и «Орегона», тем более от остальных американских броненосцев. Какое-то время казалось, что крейсер уйдет от погони. Преследователи даже прекратили стрельбу. Но плохой уголь, усталая машинная команда и неисправности сказали свое слово. «Кристобаль Колон» постепенно снижал скорость, американцы напротив, довели ее до 16 узлов. «Орегон» шел как на ходовых испытаниях. В час дня дистанция до испанского корабля начала сокращаться, а через пятнадцать минут янки вновь открыли огонь. Деморализованный командир «Кристобалья Колона» не стал ждать дальнейшего развития событий и спустя пять минут выбросил корабль на берег в 50 милях от Морро. Офицеры крейсера успели собрать свои чемоданы и сдались в плен со всем багажом.

Едва не попал под горячую руку американцев австрийский крейсер «Кайзерин унд кениген Мария Терезия», именно в этот день направлявшийся в Сантьяго. Его чуть было не атаковал броненосец «Индиана», и командиру «Марии Терезии» пришлось срочно вызывать на мостик оркестр, чтобы играть американский гимн, а также поднимать свои позывные по международному своду, дабы избежать столкновения.

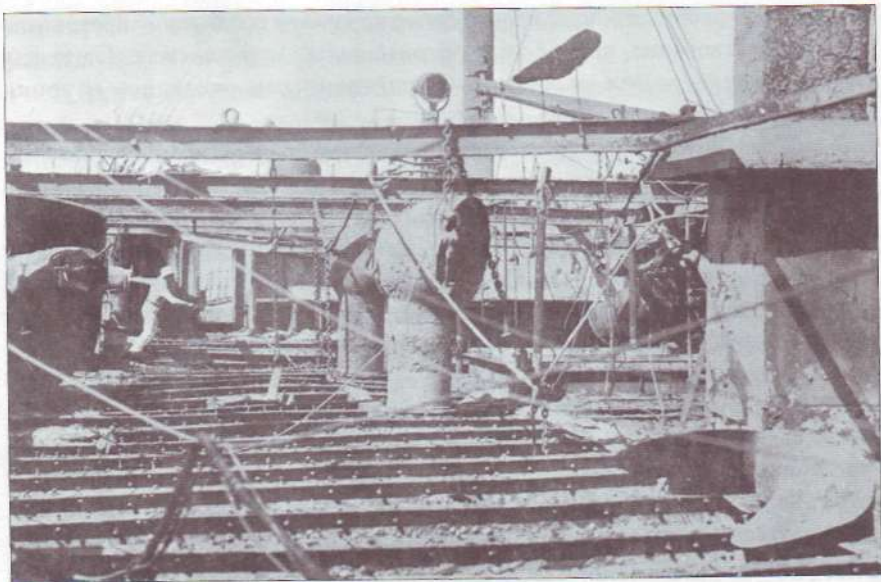
Бой заканчивался. Последний испанский корабль уже был на берегу, когда адмирал Сэмпсон догнал свою эскадру. Это позволило коммодору Шлею претендовать на лавры победителя. Однако его претензии не имели серьезных оснований: централизованного управления эскадрой фактически не получилось, каждый корабль сражался сам по себе. Важнее личных амбиций

командиров оказался общий итог. Лучшее испанское соединение прекратило свое существование, высвободив главные силы американского флота для завершающих войну операций. Существенными оказались и уроки сантьягского сражения.

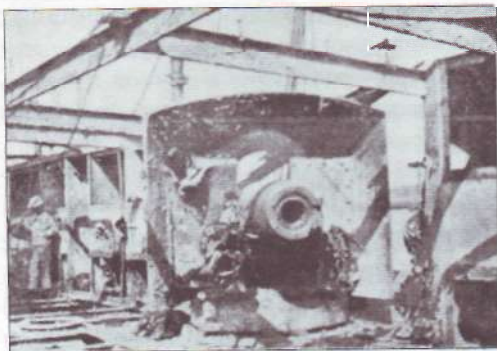
Столкновение эскадренных броненосцев с броненосными крейсерами закончилось полным поражением последних. Испанцы потеряли около 400 человек убитыми и утонувшими. Адмирал Сервера, 70 офицеров и свыше 1600 матросов попали в плен. У американцев погиб всего один, ранено и контужено — 10 человек. Столь разительные отличия наводили на размышления. Сражение стало предметом тщательного анализа со стороны военно-морских специалистов многих стран, в том числе России.

Материал для анализа поступил в русский Главный морской штаб спустя неделю после сражения. Его предоставил морской агент в Вашингтоне генерал Д.Ф. Мертваго. Американцы неохотно делились соответствующими сведениями, а генерал уже был тяжел на подъем и предпочел ограничиться газетными публикациями, но в 1898 году и они имели определенную ценность. Практически все авторы статей касались исключительно тактических вопросов. Указывали на пожароопасность дерева, на полезность возможно более полной броневогой защиты орудий, вспомогательных механизмов и пожарных магистралей, на уязвимость надводных торпедных аппаратов. Многие сделали вывод о решающей роли скорострельной артиллерии и точной наводки. Мертваго особо отметил значение оптических прицелов, о которых он доносил еще три года назад, но они так и не были введены в русском флоте⁴⁰.

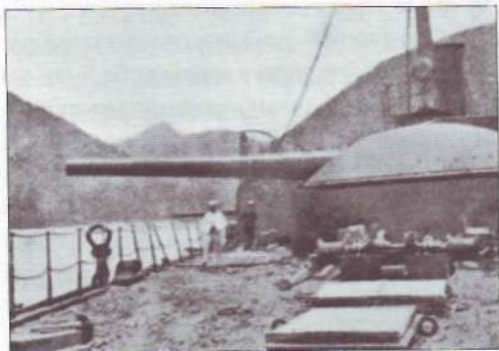
Куда больше энергии и инициативы проявил князь Ливен, которому пришлось преодолеть не только скрытность американцев, но инертность и даже вражду генерала Мертваго. Очевидец боя, Ливен не только восстановил последовательность событий. Через день после гибели эскадры Серверы, в обществе журналистов газеты «Нью-Йорк Ворлд» он отправился на маленькой яхте осмотреть выбросившиеся на берег испанские корабли. Они продолжали гореть, и державшийся неподалеку «Нью-Йорк» остерегался посылать туда своих людей. Предосторожность была не лишней. Накануне на крейсерах от сильного жара взрывались снаряды и мины, поднимая столбы обломков на высоту до 200 метров. Журналисты пренебрегли опасностью своего предприятия, и это позволило Ливену одним из первых *побывать на мертвых кораблях*. Пробираясь по бурым, *покоробившимся бимсам*, обломкам упавших мачт, мостиков и вентиляторов, между которыми виднелись обуглившиеся останки человеческих тел, князь пытался сосчитать пробоины от американских снарядов. Увы, следы разрушений от детонации *собственного боезапаса* скрывали большинство из них. Позднее, опросив некоторых офицеров эскадры Сэмпсона, он сравнил полученные данные.

*Испанский крейсер
«Инфанта Мария Тереза»
после боя у Сантьяго:
бимсы и остатки
сгоревшей палубы
правого борта (вверху),*

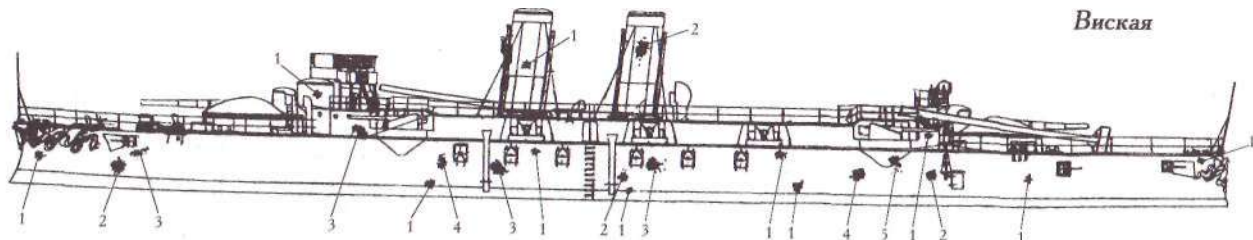

... пробоина в щите 5,5-дм орудия

...вид на ют и 11-дм башню

Виская

1. Попадание 57-мм снарядов
2. Попадание 127-мм снарядов
3. Попадание 203-мм снарядов
4. Попадание 152-мм снарядов
5. Попадание 102-мм снарядов

Альмиранте Океэндо

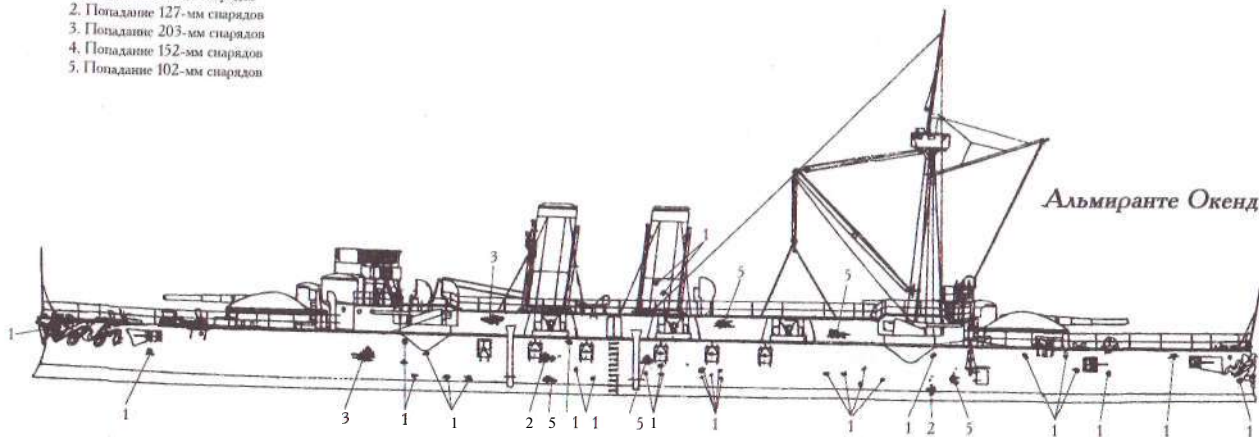
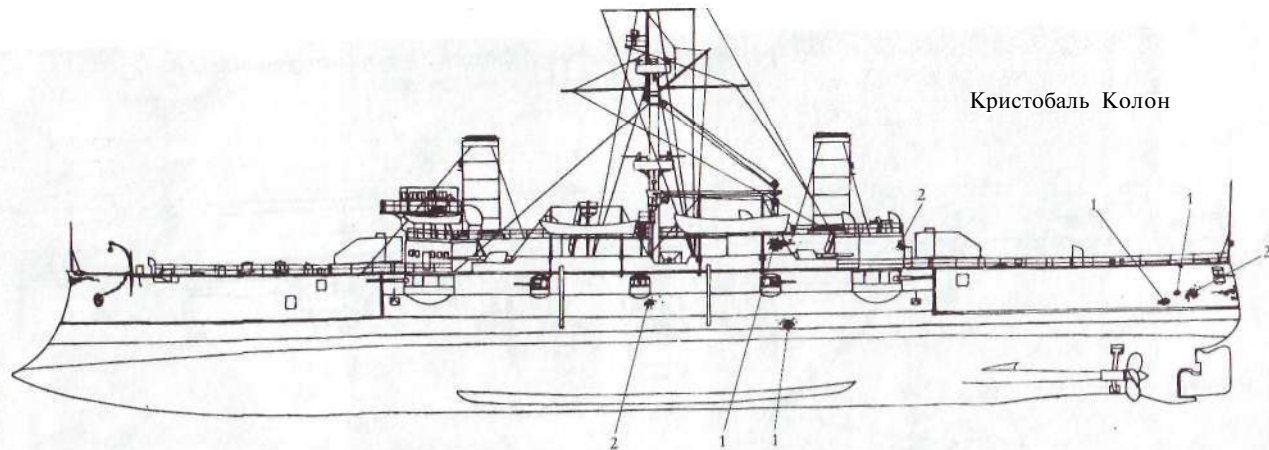

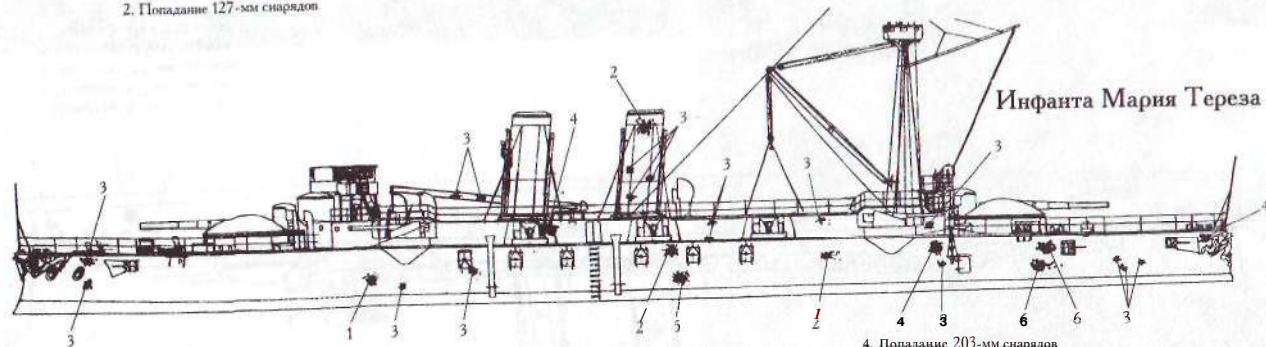
Схема попаданий американских снарядов в испанские корабли в бою у Сантьяго 3 июля 1898 г.

Кристобаль Колон

- 1. Попадание 203-мм снарядов.
- 2. Попадание 127-мм снарядов.

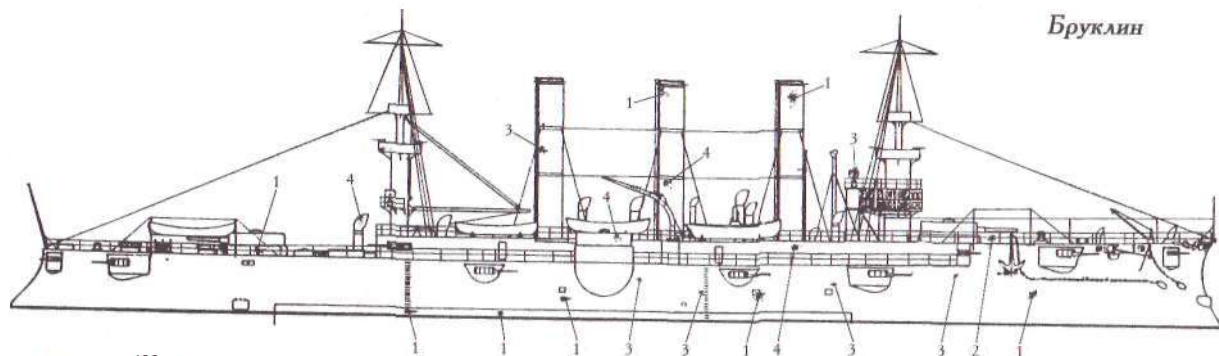
Инфанта Мария Тереза

- 1. Попадание 102-мм снарядов
- 2. Попадание 127-мм снарядов
- 3. Попадание 57-мм снарядов

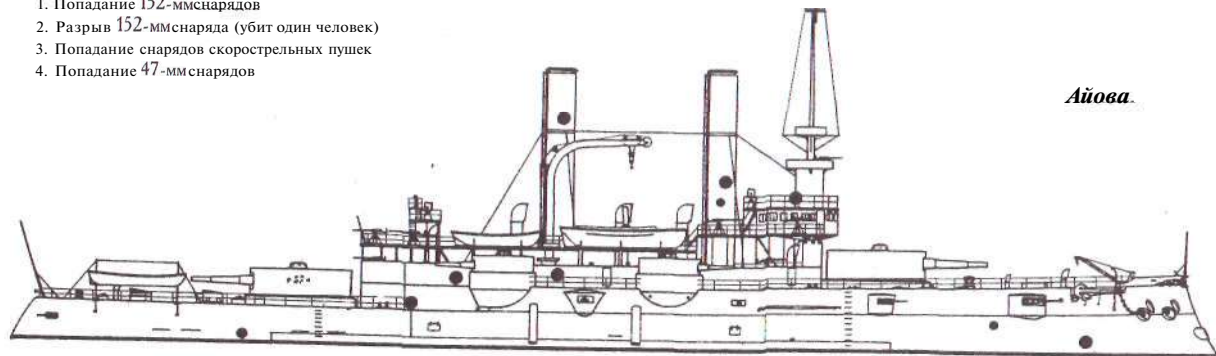
- 4. Попадание 203-мм снарядов
- 5. Попадание 152-мм снарядов
- 6. Попадание 305-мм снарядов

Схема попаданий американских снарядов в испанские корабли в бою у Сантьяго 3 июля 1898 г.

Бруклин

1. Попадание 152-мм снарядов
2. Разрыв 152-мм снаряда (убит один человек)
3. Попадание снарядов скорострельных пушек
4. Попадание 47-мм снарядов

Айова

*Схема попаданий испанских снарядов в американские корабли в бою у Сантьяго 3 июля 1898 г.
(схемы на с. 101—103 из книги Х Вилсона «Падение Испании». Лондон. 1900 г.)*

Выходило, что «Инфанту Марию Терезу» поразило семь снарядов крупного калибра и девять малокалиберных, «Алмиранте Окендо» соответственно 10 и 30, «Вискайю» — семь и 12. Со слов американцев, в «Бруклин» попало 20 снарядов крупного и среднего калибра, а также множество мелких, в «Айову» — два и восемь. В «Орегон» всего три снаряда, в «Индиану» два.⁴¹ Ливену показалось, что все крупнокалиберные бронебойные снаряды пронизывали незащищенные части корпуса испанских крейсеров насквозь. Причиной же их гибели стали пожары от взрывов множества снарядов малого калибра. В связи с этим князь писал о преимуществах более полной защиты надводного борта броней малой толщины перед толстым, но узким поясом по ватерлинии.

Пытаясь ответить на вопрос, почему испанцы, имевшие на один борт свыше 50 современных скорострельных орудий калибром до 6 дюймов против 60 американских, не сумели на дистанции от 20 до 6 кабельтовых причинить противнику сопоставимого урона, Ливен указал на хорошую практику стрельбы в американском флоте. Он также писал, что «при совершенном, быстро и смертельно действующем оружии ошибка быстро превращается в катастрофу, маленький перевес в начале боя, через несколько минут, переходит в огромное превосходство, и небольшой недостаток в военной подготовке доводит в короткое время до полной деморализации»⁴⁹.

Составленную Ливеном записку прочел начальник Главного морского штаба, вице-адмирал Ф.К. Авелан. Не все выводы князя он принял безоговорочно, в частности утверждения о преимуществах тонкой брони, однако, со многими адмирал согласился, признав необходимость хорошей боевой подготовки и некоторых усовершенствований в конструкции отечественных кораблей. Кое-что даже успели внедрить в практику. Так, броненосцы типа «Бородино», в отличие от своего французского прототипа получили бронированный каземат 75-мм пушек. На этих, а также на некоторых других, строившихся тогда в России кораблях началась ликвидация незащищенных надводных торпедных аппаратов. Но вместе с тем русский флот так и не получил оптических прицелов, не избавился от лишнего дерева в отделке, а главное — по-прежнему явно недостаточно занимался боевой подготовкой. Пример Испании не пошел впрок, но было ли в этом виновато одно морское министерство?

Руководство флотом действовало в соответствии с указаниями верховной власти, стремившейся создать силу, способную решать казавшиеся важными внешнеполитические задачи на Дальнем Востоке. Как и в Испании, в России пытались справиться с проблемами, превосходящими реальные возможности государства. Недостаток средств не позволял одновременно строить новые корабли и совершенствовать старые, а также интенсивно обучать личный

состав его нелегкому ремеслу. Несмотря на это, правительство устремило взоры к отдаленной, богом забытой окраине государства. Теоретические выкладки сулили России небывалый расцвет, стоило лишь освоить азиатские рынки для отечественной промышленности. То обстоятельство, что промышленность еще не была готова осваивать эти рынки, не смущало. Правительство торопилось заблаговременно удобрить почву, а чтобы урожай не попал в чужие руки, бросилось едва ли не на голом месте создавать оплот своим вооруженным силам. И средства расходовались на что угодно, но не на боевую подготовку. Однако, как и в Испании, в России хватало высокопоставленных оптимистов, уверенных в превосходстве своей армии и флота над любым вероятным противником. Отличие заключалось в том, что Испания сумела вовремя выйти из неудачной войны.

Первые поражения переломили общественные настроения в стране. Нападки оппозиции на правительство Сагасты, возобновившиеся сразу после гибели эскадры Монтохо, подтолкнули либералов к отмене права на демонстрации. Ужесточение режима и безудержная критика оппозиции подрывали в народе остатки доверия к правительству, которое с этого момента могло удерживать власть, только продолжая урезать, конституционные права испанцев. 14 июля была отменена обязательная санкция судьи на арест, гарантии безопасности жилища, свобода слова, союзов. Вместе с тем, война заставила увеличить эмиссию денежных знаков⁴³. Сотни тысяч бумажных песет, хлынувших на рынок, взвинтили цены на все товары, на предметы первой необходимости. А так как война нарушила внешнюю торговлю Испании, то вскоре после ее начала из-за отсутствия хлопка и возможности сбыта продукции стали закрываться фабрики в Каталонии, Пальме и на Балеарских островах. Тысячи рабочих оказались на улице без средств к существованию⁴⁴.

На фоне претерпеваемых народом экономических тягот безнадежная война все чаще казалась вопиющей нелепостью. Но национальная гордость требовала удовлетворения. Хотелось верить если не в собственную победу, то в стойкость и героизм армии и флота. В первые часы после выхода эскадры Серверы испанцы поторопились послать в Мадрид телеграмму о прорыве всех кораблей, позднее — о прорыве «Вискайи» и «Кристобаля Колона». Лишь через несколько дней испанцы осознали размеры постигшей их катастрофы, но и тогда она произвела впечатление на правительство и интеллигенцию, но не на армию, в силу ее антагонизма с флотом.

Американцы об успехе своих моряков также узнали не сразу. Генерал Шафтер, мучимый зыбкостью положения своих войск под Сантьяго, утром 3 июля послал в Вашингтон тревожную телеграмму, требуя подкреплений. У него были основания для беспокойства. Боевые потери корпуса достигли 9% личного состава. Изнуряющая жара, особенно до 10 часов утра, пока в зарослях

не ощущалось ни единого дуновения ветра, постоянная сырость, отсутствие хорошей питьевой воды и подходящей пищи ослабляли американских солдат, становившихся легкой добычей болезней. В довершение всех бед начались ссоры между ними, в большинстве выходцами из южных штатов, презиравшими негров, и чернокожими кубинцами, из которых в основном состояли отряды освободительной армии. Правительство США быстро отреагировало на просьбу генерала. В Тампу немедленно передали приказание готовить к отправке на Кубу части IV корпуса генерала Коппинга.

Тем временем Шафтер попытался оказать психологическое давление на командование сантьягского гарнизона. В час дня 3 июля генерал Тораль получил от него письмо с угрозой обстрелять город, если он не сдастся на следующее утро. Тораль отверг ультиматум Шафтера. Однако вмешательство иностранных консулов позволило отсрочить бомбардировку на сутки. Ночью испанцы, боявшиеся прорыва эскадры Сэмпсона на внутренний рейд, подвели крейсер «Рейна Мерседес» ко входу в бухту и под огнем противника затопили его там. Увы, крейсер, как и «Мерримак», успел развернуться по течению и не перегородил фарватера.

С утра 4 июля, в день независимости США, скромно отпразднованный американскими войсками, тысячи жителей осажденного города со своим скарбом двинулись по дороге в разоренный Эль Каней. Сантьяго опустел. Затем прошла еще одна ночь и наступило тревожное утро 5 июля. Но в назначенный час обстрел не начался. Вместо этого на передовой появился парламентар с новым посланием Шафтера Торалю. Американский командующий сообщал о гибели испанской эскадры и убеждал начальника гарнизона не упорствовать. На размышление Торалю давалось четыре дня. В случае, если к полудню 9 июля Сантьяго не капитулирует, Шафтер грозил провести отложенный обстрел. Однако и на это письмо последовал отказ.

Так как подлинной причиной эпистолярной активности Шафтера являлось желание сломить волю осажденных и одновременно выиграть время до прибытия подкреплений, то ему только и оставалось, что ждать новой экспедиции из Тампы. Для американцев на Кубе потянулись долгие дни ожидания. Иначе бился пульс войны в Вашингтоне. У сотрудников военного и морского министерств США никаких передышек не было. Помимо тех проблем, которые возникали перед армией и флотом на Антильском театре, в поле их зрения находились и проблемы театра Филиппинского. Стоит заметить, что специального органа для координации действий двух видов вооруженных сил в США еще не существовало, и операции флота лишь в незначительной степени согласовывались с операциями армии.

Блокада Манилы коммодором Дьюи застала военное министерство врасплох. VIII корпус генерала Меррита, формировавшийся в Сан-Франциско,

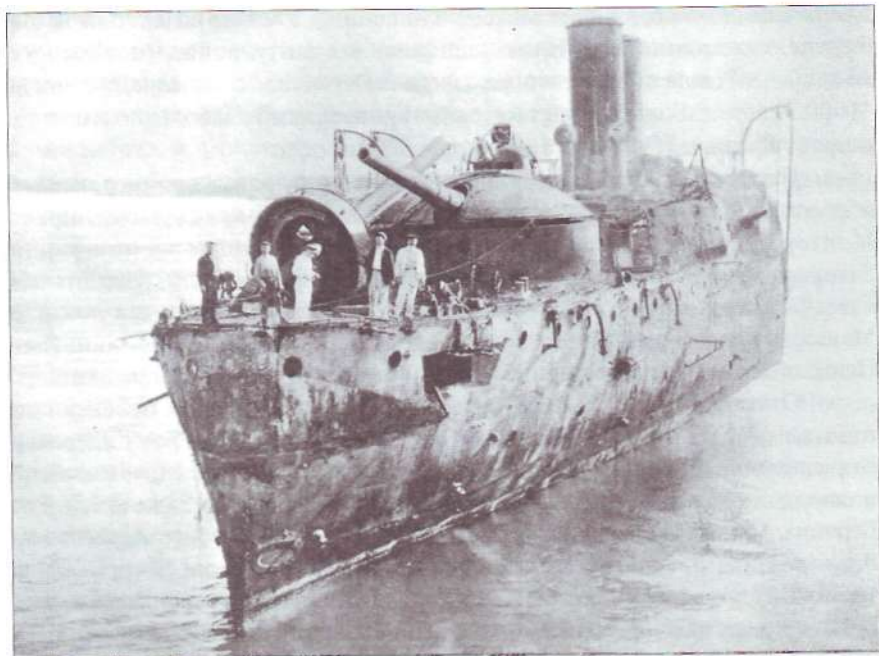
далеко еще не был готов к отправке на Филиппины, а без его содействия Дьюи был не в состоянии принудить испанцев к капитуляции. Численность колониальных войск на Филиппинах, включая и местное ополчение, достигала 41000 человек. Большая часть стояла гарнизонами в небольших городах острова Лусон, в Маниле же было около 8000.

Несомненно, события развивались бы не лучшим для американцев образом, если бы не тагальские повстанцы. Разгром эскадры адмирала Монтохо раздул тлевшие угли восстания. Вернувшийся из эмиграции Агинальдо призвал своих сторонников помогать американцам, рассчитывая извлечь выгоду из такого сотрудничества. До 25000 повстанцев осадило Манилу с суши. В середине июня они вытеснили испанцев из селений Лас-Пенас и Паранаке к окрестностям форта Малате, почти на окраину Манилы.

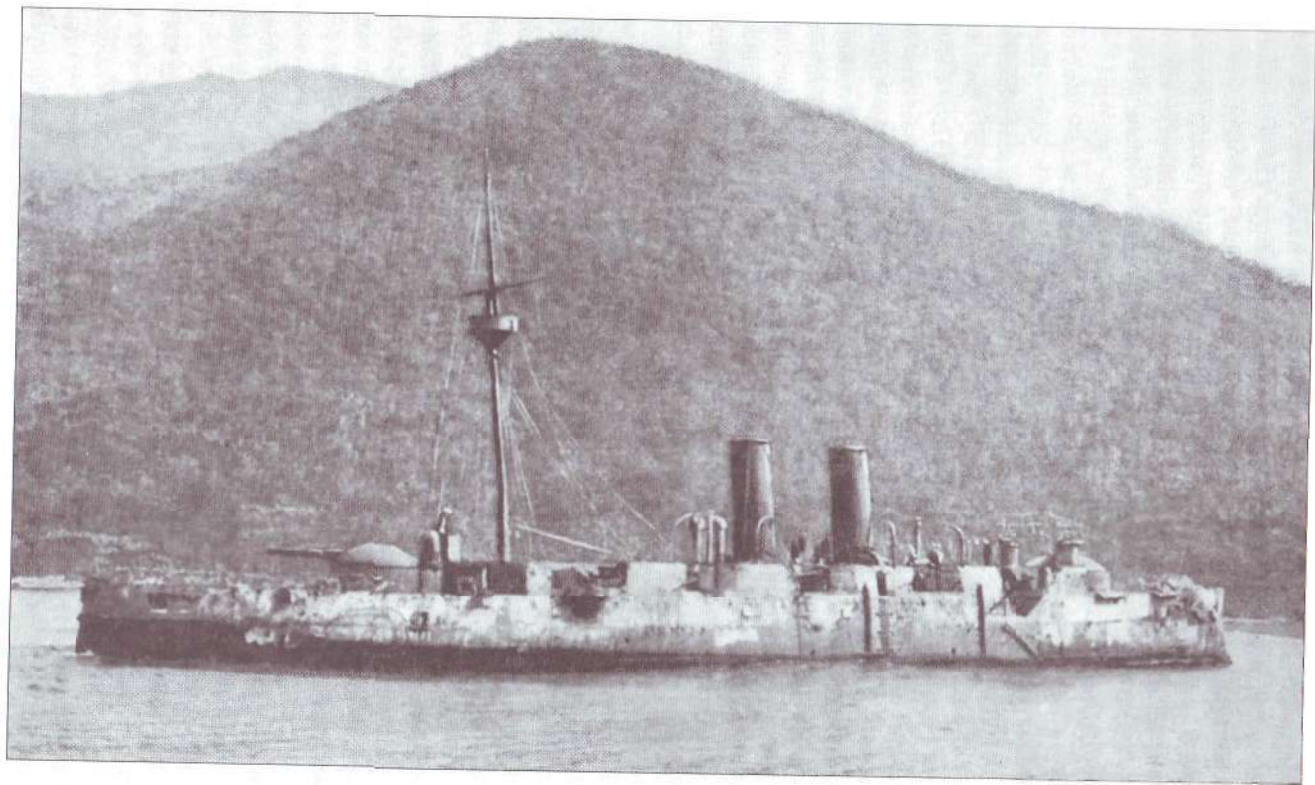
Отчаянное положение гарнизона заставило коменданта осажденного города, генерала Аугусти, обратиться к немецкому адмиралу фон Дидерихсу с предложением взять Манилу под свою защиту. Пока адмирал, не имевший полномочий на столь ответственный политический шаг, ожидал указаний из Берлина, министр иностранных дел Испании граф Ильфеонсо Альмодовар повторил это предложение всем европейским державам. Перспектива заполучить желанный порт была весьма соблазнительной для Германии, и Бюлов, 'в надежде заручиться поддержкой сильной морской державы, стал зондировать почву в Париже и Петербурге. Однако в обеих столицах предложение присоединиться к Германии не нашло отклика. Тогда немцы попытались договориться с американцами о компенсации за утраченную возможность обосноваться на Гавайских островах, требуя взамен предоставить им опорные пункты на Филиппинах, а также передать в безраздельное владение острова Самоа, но получили отказ. Дипломатическая активность Берлина насторожила Вашингтон, и президент Маккинли приказал Дьюи беречь корабли, ввиду угрозы войны с Германией.

Перспектива падения Манилы не давала покоя политикам и журналистам Испании. У них появился прекрасный повод заявить о себе. Газеты наполнились статьями, призывающими отстоять далекую колонию, заговорили об этом и парламентские ораторы. На морское министерство, и без того колебавшееся, оказали давление, и оно решилось разбросать свои скудные силы по разным театрам. Мало того, оно поспешило, как и в случае с кораблями адмирала Серверы, спровадить на войну наспех снаряженный отряд адмирала Камара.

16 июня из Кадиса вышли в море броненосец «Пелайо», бронированный крейсер «Эмперадор Карлос V», три истребителя миноносцев и вспомогательные суда. На переходе в Порт-Саид выяснилось, что капризные котлы Никлосса, установленные на «Пелайо» во время ремонта в Тулоне, не

*Испанские крейсера «Вискайя» (вверху) и «Кристобаль Колон»
после боя 3 июля 1898 г.*

Испанский крейсер «Инфанта Мария Тереза» после боя 3 июля 1898 г.

желают исправно работать в руках испанских кочегаров. Как они ни старались, уголь, часто горел не в топках, а в трубе и выбрасывался наружу не сгоревшим, так что броненосцу едва хватило полного запаса топлива, чтобы дойти до египетских берегов. Сверх того, непомерно большим оказался расход пресной воды. Когда ее стало не хватать, котлы пришлось питать соленой, отчего на стенках сложных по конструкции водяных трубок образовалась накипь, и они начали перегорать.

Когда эскадра пришла в Порт-Саид, то столкнулась с массой непредвиденных препятствий. Несмотря на 300 тысяч франков, уплаченных испанским морским министерством через своего агента в Париже правлению компании Суэцкого канала, и официальное заявление правления о том, что эскадра непременно будет пропущена, представитель компании в Порт-Саиде, связанный с американским консулом, потребовал дополнительных разъяснений на этот счет из Парижа. Получив их, он стал требовать свидетельство Ллойда о тоннаже кораблей и отказался принять к сведению правительственные данные. Когда адмирал Камара попытался приобрести уголь, остатки которого на «Пелайо» не обеспечивали и суток экономического хода, египетское правительство отказало ему, ссылаясь на отсутствие соответствующего разрешения Турции. Пока шло препирательство, истекли 24 часа, отведенные на пребывание кораблей воюющих стран в нейтральных портах. Эскадре пришлось выйти за пределы территориальных вод Египта.

Разрешение турецкого султана Абдул-Хамида на погрузку угля было получено только на пятый день, 2 июля, но к этому времени корабли сумели в открытом море, перегрузить уголь со своих пароходов. 4 июля эскадра вошла в канал. Однако через двое суток в Суэце адмирал Камара получил приказание возвратиться в Испанию: узнав о гибели эскадры адмирала Серверы, морское министерство решило не подвергать риску остатки флота. В Мадриде знали, что 11 июня из Сан-Франциско в Манилу отправился сильный мореходный монитор «Монтерей». А в начале июля американская печать постаралась широко распространить слух о подготовке отряда commodore Уатсона к походу через Атлантику и Средиземное море вдогонку эскадре Камара. Уатсон, руководивший блокадой северного побережья Кубы, даже перешел на своем флагманском крейсере «Ньюарк» к Сантьяго и принял командование над двумя броненосцами и четырьмя крейсерами. В такой обстановке экспедиция Камара теряла смысл.

Когда известие о его возвращении в Испанию достигло Вашингтона, отправление отряда Уатсона было отложено. Однако наращивание сил на Филиппинах шло безостановочно. За океан один за другим отправлялись корабли Тихоокеанской эскадры адмирала Миллера, первоначально предназначавшейся для обороны собственных берегов. Правда, «Монтерей»

застрял в Гонолулу, исправляя повреждения, но следом за ним уже двигался другой монитор — «Монаднок». Гавайские острова стали сборным пунктом и для десантных экспедиций. Оттуда отправился в Манилу отряд из крейсера «Чарльстон», парохода «Сити оф Пекин» с запасами для эскадры Дьюи, бывших лайнеров «Австралия» и «Сити оф Сидней» с первым эшелоном войск VIII корпуса. 20 июня конвой достиг острова Гуам, принадлежавшего Испании. Местные власти ничего о войне не слышали, поэтому американцам не составило труда посадить под стражу губернатора и разоружить немногочисленный гарнизон. Над Гуамом был поднят флаг Соединенных Штатов.

30 июня экспедиция бросила якорь у Кавите. Войска высадились и по хорошей грунтовой дороге, носившей название «Королевская улица», добрались до испанских позиций. Линия обороны гарнизона на тот момент тянулась от старого форта Малате, расположенного на берегу бухты, до реки Пасиг. Она состояла из цепи блокгаузов, соединенных траншеями. Напротив, поперек «Королевской улицы», окопались отряды Агинальдо. Две американские бригады, генералов Грина и Макартира, устроили лагерь у них в тылу, поблизости от селения Паранаке. Сюда, на необорудованный песчаный пляж, и высаживались следующие эшелоны VIII корпуса.

Перевозка войск на Филиппины, как и к Сантьяго, была исполнена очень плохо. Суда переоборудовались кое-как, и солдаты проводили 25 дней пути в тесноте, духоте и грязи. Сосредоточение сил шло медленно. До окончания войны американцы успели перебросить к Маниле всего 8500 человек против гарнизона, насчитывающего к тому времени около 13000, поэтому VIII корпус больше месяца не предпринимал никаких действий. Однако само его присутствие на Филиппинах имело огромное значение. Чем больше разрастался лагерь у Паранаке, названный «лагерем Дьюи», тем меньше надежд оставалось у немцев, упорно выжидавших случая обосноваться в Маниле, и тем увереннее вел себя с ними командующий американской эскадрой.

Отношения Дьюи с фон Дидерихсом быстро портились. Поводом к ссорам служили независимые сношения немцев с осажденным испанским гарнизоном. К 8 июля создалась поистине взрывоопасная обстановка, лишь вмешательство английских моряков разрядило ее. Именно в этот день германская дипломатия предприняла последнюю попытку найти союзников в деле нейтрализации Филиппин. Бюлов обратился с таким предложением к премьер-министру Англии лорду Роберту Солсбери. Ответ был отрицательным. С этого момента германская эскадра оставалась всего лишь сторонним наблюдателем происходящего.

Тем временем на Антильском театре происходили решающие события. 8 и 10 июля в Сибоней прибыли подкрепления: 3600 человек, и 6 полевых

батарей под командованием генерала Рэндольфа. Однако как раз 10 июля начались особенно сильные и продолжительные ливни, дороги развезло окончательно, и артиллерия на позиции под Сантьяго не попала. С трудом добравшейся пехотой Шафтер укрепил свой правый фланг. После того, как в 4 часа дня 10 июля окончилось неоднократно продлевавшееся перемирие, американцы возобновили обстрел испанских траншей из 16 полевых орудий. Открыла огонь по городу и эскадра Сэмпсона. Испанцы энергично отвечали четырьмя полевыми пушками. На следующий день бомбардировка повторилась, а пехоте удалось замкнуть кольцо окружения, перерезав дорогу на Кобре. После этого Шафтер вновь предложил Торалью прекратить сопротивление.

Причина настойчивости американского командующего оставалась прежней. Заболеваемость солдат выросла с 30—50 до 100 человек в день. Корпус Шафтера таял на глазах, и генерал торопился уговорить своего противника сдаться прежде, чем санитарные потери вынудят его самого снять осаду города. На этот раз послание встретил иной прием. С уходом эскадры Серверы возможности обороняющихся резко уменьшились. Отсутствие подкреплений, полная блокада, кажущееся превосходство противника действовали на воображение морально утомленных испанских генералов. Сказалась и безнадёжная трехлетняя борьба с повстанцами, и полное равнодушие местного населения, даже враждебное отношение их к испанцам.

С тем же упрямством, с каким он прежде напрочь отвергал предложения Шафтера, Тораль стал добиваться разрешения на капитуляцию. Первым уступил раненый генерал Линарес. Затем Тораль связался по телеграфу с маршалом Бланко. Нарисованная им картина была настолько удручающей, что маршал ограничился пожеланиями и рекомендациями прорваться, но так и не решился категорически приказать сделать это. Главнокомандующий махнул рукой на Сантьяго и не стал предпринимать серьезных шагов по деблокаде гарнизона, хотя достаточно было двинуть дивизию генерала Луке от Ольгина, чтобы ситуация изменилась в пользу испанцев. Вместе с тем, Бланко отказался санкционировать капитуляцию. Тогда генерал Линарес послал многословную и преисполненную безнадёжности телеграмму в Мадрид.

Впечатление безысходности у испанцев усилилось после того, как 11 июля у Сибонья появились суда нового конвоя, принятого ими за очередное пополнение корпусу Шафтера. На самом деле это была экспедиция генерала Майлса на Пуэрто-Рико. Командующий американской армией намеревался по пути ознакомиться с положением под Сантьяго. 12 июля он объехал американские позиции и остался крайне недоволен увиденным. Больные солдаты, скверное снабжение, бездорожье, мешавшее усилить артиллерию, полная неопределенность планов штаба корпуса. Майлс был готов отменить

Пуэрто-Риканскую экспедицию, высадить свои войска, численностью 3415 человек, западнее входа в Сантьягскую бухту и штурмовать город с этого направления. Однако столь радикальных мер не потребовалось. После вялой атаки, которую предприняли американцы под проливным дождем на полузатопленные испанские траншеи, Тораль обратился к Шафтеру с просьбой о встрече.

Перед тем, как вступить в переговоры с американцами, начальник гарнизона собрал военный совет. По общему мнению, положение было тяжелым. Из 11500 человек, составлявших гарнизон, позиции на окраинах Сантьяго, с его 14 километровым обводом, занимало только 8000. Остальные находились на береговых батареях и в окопах у Агуадорес. Госпиталь переполняли 1700 больных и раненых. Запасов продовольствия оставалось на 10 дней, патронов — 1 миллион. Силы противника оценивались в 40000 человек при 60 орудиях, то есть были завышены соответственно, более чем в два и в четыре раза. Военный совет решил спустить флаг. Испанское правительство не возражало, и переговоры начались.

В 11 часов утра 15 июля между Сан Хуаном и Каносой, под «деревом мира» Тораль встретился с Шафтером. После того, как командующие достигли согласия по принципиальным вопросам, за дело принялась двусторонняя комиссия, уточнявшая детали. Со стороны испанцев в ее состав, вошли: английский консул Роберт Мэсон, в качестве переводчика, начальник штаба гарнизона, полковник Фонтэйн и генерал Эскарио, а со стороны американцев: генералы Лоутон, Уиллер и капитан Майли. Они-то и составили договор о капитуляции, тут же подписанный. Вопреки испанским законам, разрешавшим старшему начальнику сдаваться только с теми войсками, которые находятся под его непосредственным командованием, капитуляцию распространили и на некоторые другие части корпуса Линареса. Их командиры заявили было протест, но правительство согласилось на поставленные американцами условия.

Вечером 16 июля войска противоборствующих сторон покинули свои позиции. Испанцы вернулись в Сантьяго, а американцы в свой лагерь. Опасаясь беспорядков со стороны кубинцев, Шафтер запретил им пересекать линию испанских траншей, а также препятствовать возвращению горожан в свои дома, что вызвало бурное негодование Гарсии. На следующий день испанцы покинули город и расположились в его окрестностях, ожидая отправки на родину. В Сантьяго вошли американские солдаты, отметившие это событие пьянством и дебошами. Дисциплина, и без того не слишком строгая у американцев, упала, что немедленно сказалось и на заболеваемости. Корпус быстро терял остатки боеспособности. Однако в Вашингтоне об этом не догадывались, так как Шафтер хранил молчание.

Само по себе падение Сантьяго решающего значения не имело. испанская армия, испившая горечь поражения, вовсе не была потрясена. Изолированное положение корпуса Линареса и прежде заставляло смотреть на него как на «отрезанный ломоть». В центральных провинциях Кубы оставалось еще до 100000 солдат регулярной армии и около 80000 местных ополченцев, готовых сражаться с противником. Лейтенант Похвиснев, познакомившийся с настроениями герильясов, писал о решимости некоторых уйти в горы и начать в свою очередь партизанскую войну, если остров оккупируют американцы⁴⁵. Но Испания от войны уже устала. Общественные настроения были таковы, что правительство Сагасты стало подумывать о заключении мира. К этому шагу его вынуждали также и финансовые затруднения, и скептические оценки военных специалистов перспектив борьбы, указывавшими на плохую инженерную подготовку Антильского театра военных действий, отсутствие на Кубе достаточных запасов продовольствия, а главное — господство американского флота на море, не позволявшее изменить положение.

Пока мадридский кабинет созрел для окончательного решения, война продолжалась. Начиная с 18 июля, американские корабли ежедневно обстреливали Мансанильо, стараясь помочь осаждавшим город повстанцам. Оборонявшие порт канонерки были уничтожены. 21 июля эскадра Сэмпсона заняла порт Нипе, расположенный на северном побережье Кубы, и обеспечила себе базу для дальнейших операций. В тот же день из Гуантанамо, где она стояла последнее время, чтобы быть подальше от сибонейского очага болезней, отплыла на Пуэрто-Рико экспедиция генерала Майлса. А на континенте, в Чарльстоне и Нью-порт-Ньюсе, уже готовились следующие ее эшелоны. Из Сан-Франциско на Филиппины отправлялись части VIII корпуса генерала Маррита и войска департамента Тихого океана. Военное ведомство США еще не испытывало желания прекратить боевые действия, и предложение испанского правительства приступить к мирным переговорам, поступившее 22 июня через французского посла в Вашингтоне, было встречено американскими генералами без энтузиазма. Садясь за стол переговоров, правительство Соединенных Штатов больше думало о тех неудобствах, которые война создавала для экономики страны в целом.

Дипломатические сдвиги поначалу никак не сказались на военных операциях. Подготовка к овладению Манилой и Пуэрто-Рико продолжалась. Что касается Пуэрто-Рико, то он привлекал выгодным стратегическим положением в восточной части Карибского моря, позволявшим контролировать берега Колумбии и Венесуэлы, Кубу и страны Центральной Америки, а также подступы к будущему Панамскому каналу. Удаленность острова от американских военных баз требовала тщательности в подготовке и исполнении десант-

ной операции. По этой причине, а также желая подкрепить свои позиции в борьбе против интриг Эджера и Шафтера, генерал Майлс возглавил ее лично.

От первоначально намеченных им для высадки пунктов на северном побережье Майлсу пришлось отказаться, так как журналисты сумели выведать и разгласить его планы. Высадка состоялась 25 июля на южном берегу, у местечка Порт-Гуаника, с небывалым в эту войну порядком. Войска, вычные животные и артиллерия перевозились не только шлюпками, но и баржами на буксире паровых катеров. На берегу подразделения быстро собирались в назначенных местах. Уже на следующий день семь пехотных рот атаковали испанцев у городка Йоко, через который проходила железная, а также хорошая грунтовая дорога к городу Понсе, и после горячего боя овладели этим пунктом. 28 июля американские транспорты разгружались в порту Понсе, откуда по 134-километровой грунтовой дороге можно было добраться до столицы острова — Сан-Хуана. Испанцы построили укрепления на некоторых участках этого пути, главным образом у городков Коамо и Айбонито, где дорога перевалила через высоты Асоманта. Учитывая это, Майлс помимо лобовой атаки позиций противника предусмотрел и обходный маневр.

Десантному корпусу, численность которого в августе достигла 17000 человек при 58 орудиях, противостояло около 8000 регулярных испанских войск с 4 горными пушками и такое же число местных волонтеров под командованием генерал-лейтенанта Масиаса, подчинявшегося маршалу Бланко. Испанские части на Пуэрто-Рико, как и в других колониальных владениях, были разбросаны по небольшим гарнизонам. Такая дислокация позволила Майлсу разделить свой корпус на четыре колонны, поставив каждой самостоятельную задачу. Две колонны двинулись на север, в сторону порта Аресибо, который мог послужить базой для действий против Сан-Хуана, а две — на северо-восток, непосредственно к столице. В первых числах августа начались бои с испанцами, которые не раз контратаковали, цеплялись за каждую подходящую позицию, но неизменно уступали превосходящим силам противника. Майлс успел дойти до Аресибо и Айбонито, когда на Пуэрто-Рико пришла весть о заключении мира.

Правительство США поспешило с подписанием соглашения после того, как стало известно о бедственном положении корпуса Шафтера. К 1 августа в сантьягском госпитале лежало до 5000 американцев, а из строя ежедневно выбывало около 850. В Вашингтоне заподозрили неладное, когда из Сантьяго один за другим стали приходить транспорты с ранеными и больными. Наконец, газеты опубликовали «круговое письмо» всех начальников *дивизий и бригад* V корпуса генералу Шафтеру, в котором утверждалось, что только немедленная эвакуация спасет от гибели цвет американских вооруженных сил — регулярную армию. Было напечатано и письмо полковника Рузвельта, такого же содер-

жания. Осознав опасность, правительство первым делом ввело строжайшую цензуру всех телеграмм в Европу, а затем стало принимать срочные меры по эвакуации войск с Кубы. Отказавшись от экспедиции генерала Вэйда на Пуэрто-Рико в помощь Майлсу, военное министерство отправило транспорты в Сантьяго. Больных вывозили на остров Лонг Айленд, в Нью-Йорк, но и там не оказалось ни хорошей воды, ни палаток, ни необходимого числа коек, ни подходящей пищи.

К этому времени во всех 23 военных лагерях США всюду свирепствовал тиф. 1896 год сам по себе выдался в Америке тифозным, а поспешно, безо всякой проверки собранные в одно место массы людей, многие из которых не имели никакого представления о санитарии, оказались к тифу особенно восприимчивыми. В большинстве лагерей медиков не хватало, и справиться с эпидемией им не удавалось. Болели многие, и не всем посчастливилось выздороветь. Всего из 274717 человек, составлявших армию военного времени, от болезней умерло 2565. Тиф и тоска по «малой» родине к началу августа совершенно деморализовали волонтеров. Правительство имело ввиду и это обстоятельство, подписывая 12 августа прелиминарный мирный договор.

Однако боевые действия продолжались некоторое время после того, как на документах высохли чернила. В самый день подписания мира американцы завязали бой с гарнизоном Мансанильо. Оставшиеся в городе после ухода колонны Эскарио войска оказались отрезанными разливом реки Кауто. С суши их окружали кубинские отряды. Начальник гарнизона, полковник Санчес Паррон, даже не думал о прорыве, потому что Эскарио увел с собой почти всех выючных животных, а нести на руках по раскисшим дорогам многочисленных больных, раненых и продовольствие было немыслимо. В 9 часов утра 12 августа к порту приблизились шесть кораблей commodора Гудриджа, включая трофейную канонерку «Альварадо», которая и доставила Паррону предложение капитулировать на условиях Сантьяго. Полковник отказался.

В половине четвертого американские корабли начали бомбардировать Мансанильо, одновременно в перестрелку с гарнизоном города вступили и кубинцы. В 9 часов вечера телеграф принял депешу на имя Гудриджа с известием о заключении мира и приказанием прекратить военные действия. Доставить ее по назначению вызвался лейтенант Барреда. Но когда его шлюпка приблизилась к эскадре, то американцы, боявшиеся минных атак, открыли по ней ураганный огонь, и лейтенант вынужден был повернуть обратно. Обстрел города продолжался всю ночь, причем среди испанских солдат и волонтеров ранило 12 человек, а среди мирных жителей оказалось 6 убитых и 31 раненый, в том числе дети. Жертв было бы несравненно больше, если бы все американские снаряды разрывались. Только утром 13 августа удалось, наконец, передать на эскадру приказ о прекращении огня.

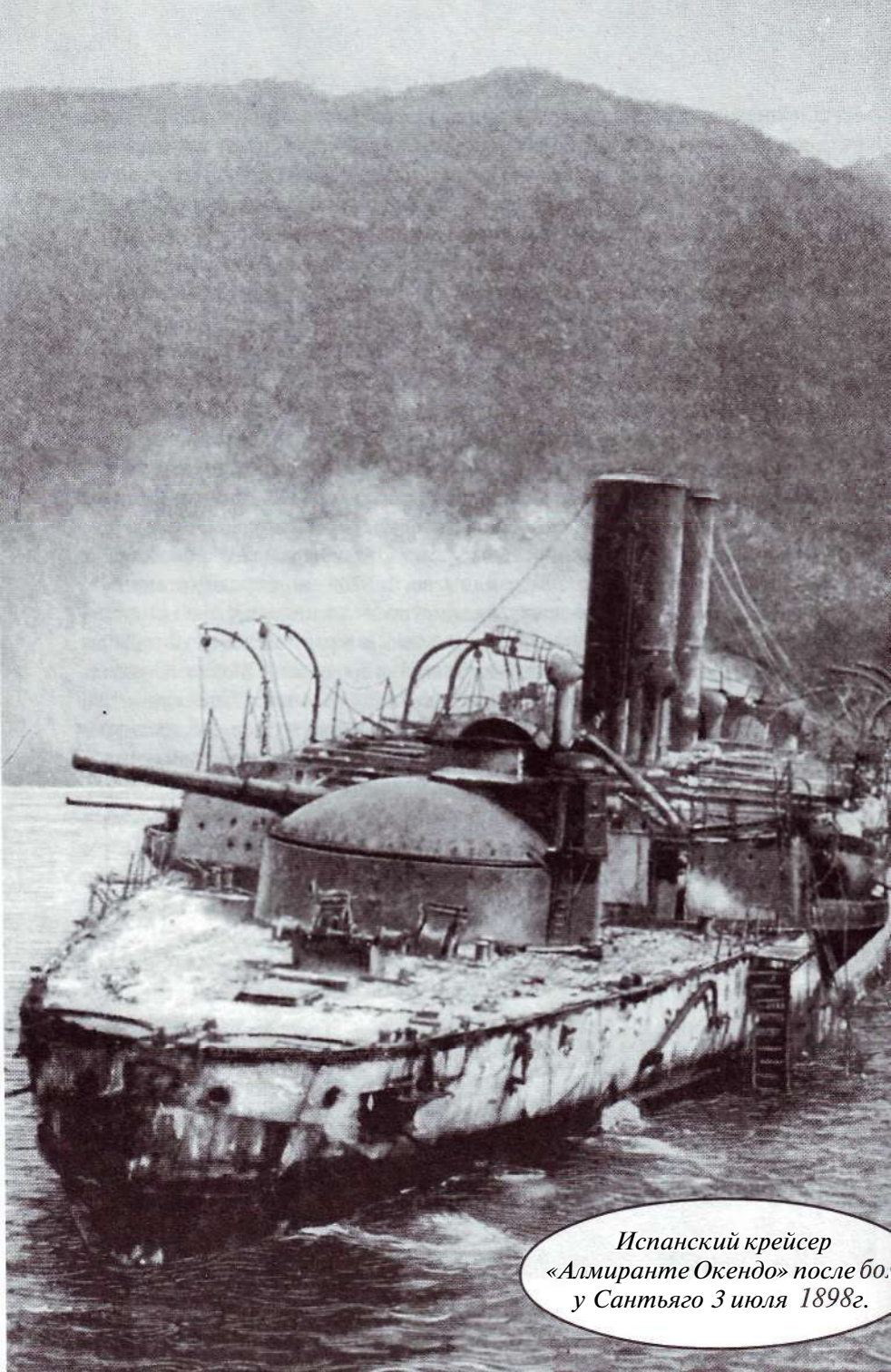
Однако последние выстрелы войны прозвучали на Филиппинах. После того, как 25 июля к своим войскам прибыл генерал Меррит, американцы оживились. 1 августа, выдержав ожесточенный ночной бой с гарнизоном Манилы, они окопались перед испанскими траншеями у предместья Малате. Отряды Агинальдо, отношения с которыми портились день ото дня, были вытеснены на крайний правый фланг. Наконец, после двухнедельного сидения в полузатопленных частыми ливнями траншеях, непрерывно обстреливавшихся противником, корпус стал готовиться к штурму города.

Бригада генерала Грина получила приказание наступать вдоль «Королевской улицы» при поддержке корабельной артиллерии. Правее, по залитым водой рисовым полям и густым зарослям кустарника должна была пройти бригада генерала Макартура. Повстанцы в штурме участия не принимали.

Артиллерийская подготовка началась в половине десятого утра 13 августа. Первой, по правому флангу испанского расположения, открыла огонь эскадра Дьюи. Немного позднее заговорили полевые пушки, в основном сосредоточенные на позициях бригады Грина. Это бригада, в сопровождении канонерки «Каллао», шедшей следом за ней вдоль берега, атаковала противника. Ее сосед справа двигался заметно медленнее, и с этой стороны во фланг американцам летели испанские пули. Потеряв 5 человек убитыми и 43 ранеными, бригада Грина к полудню захватила предместье Малате. Солдаты Макартура лишь спустя полтора часа овладели селением Сингалон. Его бригада потеряла 43 человека. Несмотря на то, что не все возможности сопротивления были исчерпаны, гарнизон выкинул белый флаг. В плен сдалось 13000 испанцев. 16 августа в Маниле приняли телеграмму о подписании мира. И хотя еще несколько дней продолжалось сопротивление отдельных подразделений, разбросанных по многочисленным населенным пунктам Филиппинского архипелага, испано-американская война закончилась.

*Испанский
форт «Малате»,
занятый
американскими
войсками*

*Испанский крейсер
«Алмиранте Окендо» после бо.
у Сантьяго 3 июля 1898г.*

ЭПИЛОГ

С падением Манилы окончательно рухнули и надежды немцев утвердиться в этом порту. Эскадра фон Дидерихса теперь только мешала внешнеполитическому лавированию Германии, и ее отозвали. Время играть мускулами прошло. Германская дипломатия, успевшая заручиться обещанием испанского министра иностранных дел Альмодовара обсудить вопрос о продаже некоторых колоний после заключения мира с Соединенными Штатами, старалась найти наиболее эффективные пути к достижению цели. В Берлине понимали, что эти пути ведут через Вашингтон.

В середине августа со страниц многих немецких газет исчезли антиамериканские выпады. Правительство Германии оставило без последствий призыв испанского правительства поддержать его в филиппинском вопросе. Требовательные нотки, прозвучавшие месяц назад в заявлениях о необходимости компенсаций со стороны США, сменились просительными интонациями. Теперь речь шла о разрешении на покупку у Испании ненужных американцам островов. Вашингтон, получивший в результате войны даже больше того, на что рассчитывал, прислушался к этой просьбе.

США согласились на покупку Германией островов Кузайе, Яп и Понапе из числа Каролинских. Однако аппетит приходит во время еды. Почувствовав, что Соединенные Штаты, озабоченные проблемой покорения захваченных ими территорий, не будут противиться расширению их требований, немцы стали вымогать у Испании также острова Марианские, Палау, Фернандо-По и даже Канарские. От продажи Канарских островов и Фернандо-По испанцы наотрез отказались, судьбу же остальных согласились обсудить на переговорах с Германией.

10 декабря 1898 г. США и Испания подписали в Париже мирный договор, по условиям которого Мадрид окончательно отказался от своих прав на Кубу, передал американцам о. Пуэрто-Рико и другие свои острова в Вест-Индии, а также о. Гуам. За Филиппины Соединенные Штаты обещали выплатить Испании 20 млн. долларов.

Несмотря на очевидную выгодность этого договора, его ратификация доставила правительству США немало неприятных минут. Часть населения

Америки, особенно в южных, сельскохозяйственных штатах, поддержала «антиимпериалистов». Фермеры опасались, что кубинские, гавайские и филиппинские товары составят конкуренцию их собственной продукции. Такие настроения определяли позицию конгрессменов-демократов, представлявших интересы этих штатов. К тому же демократическая партия, стараясь заручиться голосами избирателей на предстоявших через два года президентских выборах, спекулировала на любых протестных настроениях населения. Однако при всем том демократы вовсе не стремились действительно заблокировать ратификацию Парижского договора. После довольно оживленных дебатов по этому вопросу конгресс 6 февраля 1899 г. принял положительное решение, хотя и незначительным большинством голосов. Испанские кортесы, которым ничего иного и не оставалось, также одобрили договор, 19 марта 1899 г. подписанный Марией Христиной.

К этому времени между Испанией и Германией было достигнуто соглашение о продаже островов Палау, Каролинских и Марианских /исключая о. Гуам/ за 25 млн. песет. Испанцы сохраняли право содержать на островах угольные станции. Подписав это соглашение 12 февраля 1899 г., обе стороны приняли на себя обязательство заключить также и договор о наибольшем торговом благоприятствовании, фактически дававший преимущество промышленно развитой Германии.

Ни одна из держав не выразила протеста по поводу приобретения Германией новых территорий в Тихом океане. Англия и Франция еще не окончили в те дни спор из-за Фашоды, стараясь достичь компромисса в вопросе о разделе Судана. Сверх того, англичане уже начали подготовку к войне с бурами и стремились использовать момент, когда поддерживавшая буров Германия была отвлечена дальневосточными проблемами. Французов, в свою очередь, отвлекало также и обострение внутривосточной обстановки в связи с «делом Дрейфуса». Россия стремилась укрепить свои позиции в Китае и Корее. Противодействие ее политике со стороны Англии и Японии сближало Россию с Германией, несмотря на расхождение их интересов в Турции и на Балканах. Слухи о переговорах японцев с англичанами побудили русское правительство 25 апреля 1898 г. подписать Протокол Ниси-Розена. Однако это соглашение, предназначенное устранить существовавшие между Токио и Петербургом противоречия по корейскому вопросу, не удовлетворяло ни одну из сторон. На Дальнем Востоке понемногу завязывался узел новой войны. В этой ситуации Россия была скорее заинтересована в создании некоторого противовеса своим политическим противникам, а Япония, наоборот, не желала умножать число своих врагов. 19 июня 1899 г. испано-германский договор был ратифицирован кортесами, а через два дня — рейхстагом.

Что касается филиппинских и кубинских повстанцев, чье активное

участие в боевых действиях во многом помогло американцам одержать убедительную победу, то первых попросту отстранили от дележа добычи, вторые же получили гораздо меньше того, на что рассчитывали. Сразу после подписания прелиминарного мира Соединенные Штаты прекратили снабжение кубинских вооруженных формирований. Американские войска постепенно занимали важнейшие населенные пункты Кубы, мало пострадавшие в дни восстания. А повстанцы остались на ими же выжженной земле, без крыши над головой, практически без продовольствия и с минимальными средствами к сопротивлению новым хозяевам острова. Уговорив генерала Гомеса распустить освободительную армию, янки стали полными господами Кубы. Выиграли от этого, конечно, деловые круги США, а также местные предприниматели, в первую очередь те, которые были связаны с Соединенными Штатами. Остальное население вернулось практически в то же состояние, в котором пребывало до начала восстания.

С исчезновением военных сводок со страниц европейских и американских газет мирный обыватель, обремененный грузом житейских забот, постепенно забыл о войне. Ее уроки продолжали занимать внимание только политиков и военных. Многие из них сходились во мнении, что боевые действия на суше принесли мало поучительного. В очередной раз подтвердилась роль хороший стрелковой подготовки, однако успешная залповая стрельба испанцев, являвшаяся анахронизмом, ввела в заблуждение некоторых генералов, что выяснилось спустя 6 лет на полях сражений Русско-японской войны. Не все армии, в частности русская, верно, расценили низкую эффективность шрапнели при стрельбе по полевым укреплениям, упуская из виду возможности крупнокалиберных орудий и фугасных снарядов. Далеким от истины оказалось и мнение, разделявшееся и некоторыми из русских генералов, о способности наскоро собранных отрядов успешно выполнять достаточно сложные задачи, что имело место при обороне Сантьяго. Высоко были оценены магазинные винтовки. Вновь подтверждена была зависимость армии от тыловых служб.

Более пристальное внимание привлекли боевые действия на море.

Повсеместно отмечалась огромная роль морской силы в этой войне. Безоговорочная победа американцев, казалось, полностью подтвердила истинность теории А. Мэхена. Основой флота окончательно были признаны линейные корабли, задачей которых являлся разгром неприятельского флота в генеральном сражении. Вместе с тем, успешные действия «Бруклина» показали возросшее значение броненосных крейсеров, способных принять участие в бою главных сил. Самыми эффективными были признаны 8" и малокалиберные скоро-стрельные орудия⁴⁶. Сколько-нибудь важное значение дальнометров отрицалось. Был сделан вывод о невозможности не только

централизованного управления огнем отдельных калибров, но и управления стрельбой корабля в целом, при тех несовершенных средствах связи, которые имелись в распоряжении даже передовых флотов. Опыт войны, как казалось многим, поставил под сомнение возможность дневных атак миноносцев даже на слабо вооруженные суда. Единодушно признавалось, что залогом побед американцев была весьма основательная подготовка экипажей их кораблей. Мнение это, разделявшееся и российскими специалистами, так и не оказало влияния на взгляды командования военно-морским флотом России и не отразилось на отношении ко флоту правительства страны в целом.

Нельзя сказать, что в конце XIX — начале XX в. Россия сэкономила на армии и флоте. Однако средства, отпускавшиеся по этим статьям бюджета, не всегда расходовались рационально, а главное — не соответствовали тем задачам, которые ставила перед вооруженными силами верховная власть. Казалось, что за множеством специфических черт, отличавших испанскую конституционную монархию, воевавшую за заморские колонии, от российской абсолютной монархии, пытавшейся утвердиться на сопредельной территории Манчжурии и Кореи, Николай II не увидел ничего общего. Равно как не заметил он сходных черт в политике Соединенных Штатов и Японии. Однако складывавшаяся в начале XX в. на Дальнем Востоке обстановка наводила на размышления и сравнения.

Американцы, не обладавшие абсолютным перевесом в силах, особенно сухопутных, удовлетворились перевесом относительным и временным, обеспечивавшим господство на основных театрах военных действий. Они не пожалели денег на основательную подготовку флота к войне, поэтому американские моряки чувствовали себя уверенно и активно искали боя с противником. Изолировав неприятельскую эскадру в отдельном, мало оборудованном порту, янки при любом развитии событий могли рассчитывать на ее разгром, так как господствовали на море. Обращала на себя внимание и та целеустремленность, с которой действовали американцы, хотя она и не всегда приносила полезные плоды. Наконец, Соединенные Штаты сумели использовать в своих целях и оппозиционно настроенные по отношению к испанцам местные силы, которые снабжали американцев сведениями об их противнике и внесли немалый вклад в разгром испанских войск на Кубе и Филиппинах.

Что касается испанцев, то они к войне с Соединенными Штатами не готовились, несмотря на очевидную ее неизбежность. Театр предстоящих военных действий практически не оборудовали, разведки не вели и о действительном положении дел имели смутное представление. Флот, который должен был играть первостепенную роль, не сумели ни подготовить к войне, ни использовать должным образом. Правда, значительная доля вины в этом

ложились на политиков, вмешивавшихся в военное планирование, однако и само морское министерство, руководящие органы которого были укомплектованы далекими от моря чиновниками, не прислушалось к резонными доводам адмирала Серверы против похода на Кубу. Большинство флотских и армейских начальников вело себя пассивно, тогда как рядовой солдат продемонстрировал замечательную стойкость. Война была проиграна Испанией не столько из-за поражений ее войск, сколько в силу экономической, в частности финансовой несостоятельности, а также внутривластной нестабильности. Однако важнейшей предпосылкой поражений являлось то обстоятельство, что война шла за территории, обладание которыми не расценивалось большинством испанцев как жизненно необходимое.

Испано-американская война 1898 года стала важной вехой в политике Соединенных Штатов. Впервые США вышли за рамки провозглашенной в 1823 г. доктрины Монро, овладев территориями, не имевшими никакого отношения к американскому континенту. Поднаторев в навязывании своего образа жизни, своего политического и экономического строя народам американского континента, они впервые явно навязали свою волю далеким от Америки народам Филиппин. Завоевывая мировые рынки, США принимали все более активное участие во внешней политике Европы, а затем и всего мира и, наконец, — перешли к вмешательству во внутренние дела других государств. Цель же Соединенных Штатов осталась прежней, той, ради которой они развязали войну с Испанией — обеспечить максимальную свободу действий, а стало быть, и максимальные прибыли своему капиталу.

Примечания

1. Слезкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 г. М., 1956. С. 11.
2. Дементьев И. П. Доктрина морской мощи Альфреда Мэхена // США. Экономика, политика, идеология. 1972. № 5. С. 40.
3. Фонер Ф. С. Испано-кубино-американская война и рождение американского империализма. 1895—1902. Т. 1, М., 1977. С. 40.
4. Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 124.
5. Жилинский. Испано-Американская война. СПб., 1899. С. 26, 32.
6. Фонер. Ф. С. Указ. соч. С. 58; Шустов К. С. Освободительная война на Кубе (1895—1898) и политика США. М., 1970. С. 33.
7. Жилинский. Указ. соч. С. 36.
8. Жилинский. Указ. соч. С. 68; Фонер Ф. С. Указ. соч. С. 61.
9. Фонер Ф. С. Указ. соч. С. 157.
10. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1938, Л. 9.
11. Там же. Д. 1727, Л. 54.
12. Там же. Л. 69.
13. Фонер Ф. С. Указ. соч. С. 255.
14. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1727, Л. 129.
15. Санкт-Петербургские Ведомости. 1898. 5 марта.
16. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1727, Л. 327.
17. Фонер Ф. С. Указ. соч. С. 259.
18. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1937, Л. 2.
19. Там же. Д. 1936, Л. 47.
20. Мэхен А. Стратегический разбор действий на море во время Испано-американской войны. / пер. лейт. И. Кладо. СПб., 1899. С. 15
21. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1936, Л. 79.
22. Там же. Д. 1727, Л. 331.
23. Там же. Д. 1808, Л. 24-26.
24. Санкт-Петербургские Ведомости. 1898. 21 апреля (3 мая).
25. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1808, Л. 21.
26. Военная энциклопедия. (Под ред. г-л К. И. Величко. Т. XI. СПб., 1913. С. 219. В американском, как и в испанском флоте стреляли дымным порохом.
27. Согласно донесению адмирала Монтохо. См. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1727, Л. 332; в Военной энциклопедии приводится другое число — 618 чел. См. Т. XI. СПб., 1913. С. 219.
28. Слезкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 г. // История внешней политики и дипломатии США. 1867—1918. М., 1997. С. 146.

29. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1936, Л. 68.

30. Там же. Л. 54.

31. Там же. Д. 1727, Л. 340.

32. "Везувиус" введен в строй 2 июня 1890 г. Водоизмещение 930 т., две машины общей мощностью 3200 л.с., скорость 21 уз. Экипаж 70 чел. Вооружение: 3 — 381-мм пневматических орудия, выбрасывавших начиненные динамитом снаряды на дальность около 3 км, 3 — 47-мм скорострельные пушки.

33. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1808, Л. 44 об.

34. Ливен отправился 4 мая. См. РГАВМФ Ф. 406, Оп. 7, Д. 435, Л. 194 об; Похвиснев — 3 мая. См. там же. Д. 453. Л. 221.

35. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1808, Л. 93.

36. Ермолов. Испано-американская война. СПб., 1899. С. 75; Жилинский. Указ. соч. С. 207. Испанцы считали, что они убили 12 американцев и ранили 50.

37. Ермолов. Указ. соч. С. 98; РГА ВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1937, Л. 34.

38. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1808, Л. 373.

39. Там же. Л. 352.

40. Там же. Д. 1727, Л. 269.

41. Там же. Д. 1808, Л. 297, 306.

42. Там же. Л. 319.

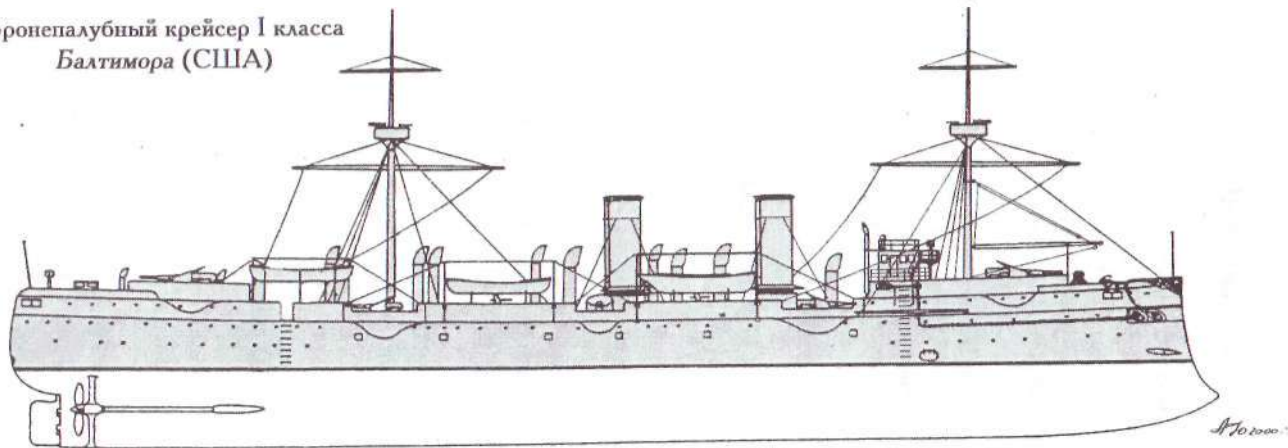
43. Биржевые Ведомости. 1898. 13 (25) июля.

44. Санкт-Петербургские Ведомости. 1898. 28 апреля (10 мая).

45. РГАВМФ Ф. 417, Оп. 1, Д. 1808, Л. 252.

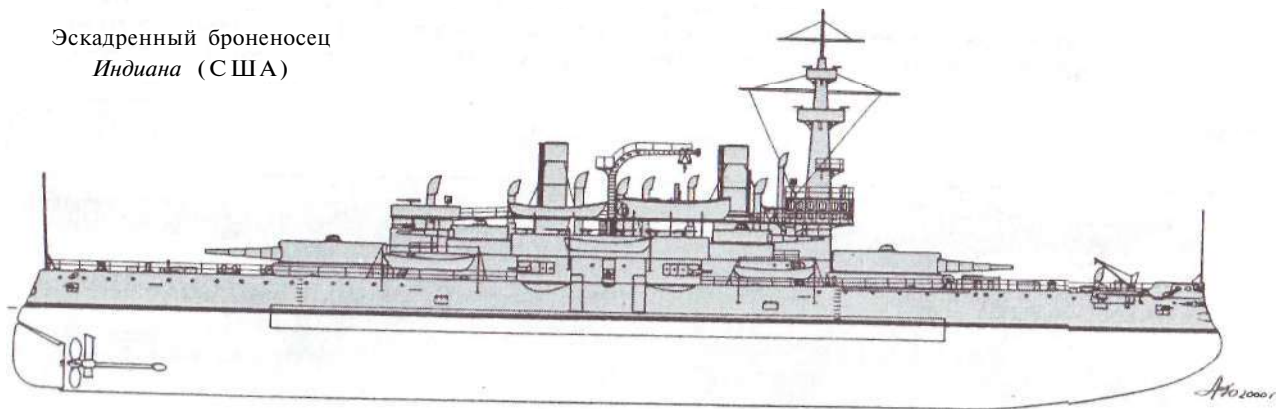
46. Там же. Л. 420 об.

Бронепалубный крейсер I класса
Балтимора (США)

Вступил в строй в 1890 г. Полное водоизмещение 4600 т, длина между перпендикулярами 100 м., ширина 14,8 м., осадка 6,25 м. Максимальная скорость хода 20 узлов. Вооружение; четыре 203-мм; шесть 152-мм; четыре 57-мм орудий; четыре скорострельные пушки; два пулемета и пять 356-мм торпедных аппаратов. Бронирование; палуба от 51 до 102 мм; щиты 203-мм орудий до 180 мм; щиты 152-мм орудий до 120 мм.

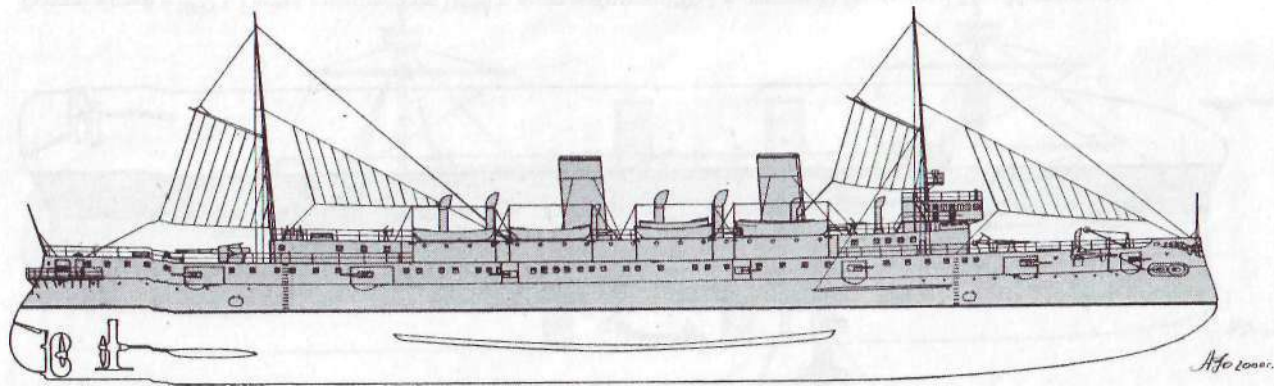
Эскадренный броненосец
Индиана (США)

Вступил в строй в 1895 г. Полное водоизмещение 11688 т, длина наибольшая 106,1 м., ширина 21,1 м., осадка 7,32 м. Максимальная скорость хода 15,6 узла. Вооружение: четыре 330-мм; восемь 203-мм орудий; шесть скорострельных пушек и шесть 457-мм торпедных аппаратов. Бронирование: пояс 102 до 457 мм; барбеты ГК 432 мм; башни ГК до 432 мм; барбеты башен 203 мм; башни 203 орудий до 152 мм; нижняя палуба (в оконечностях) 76 мм; верхняя палуба 70 мм; боевая рубка от 178 до 254 мм.

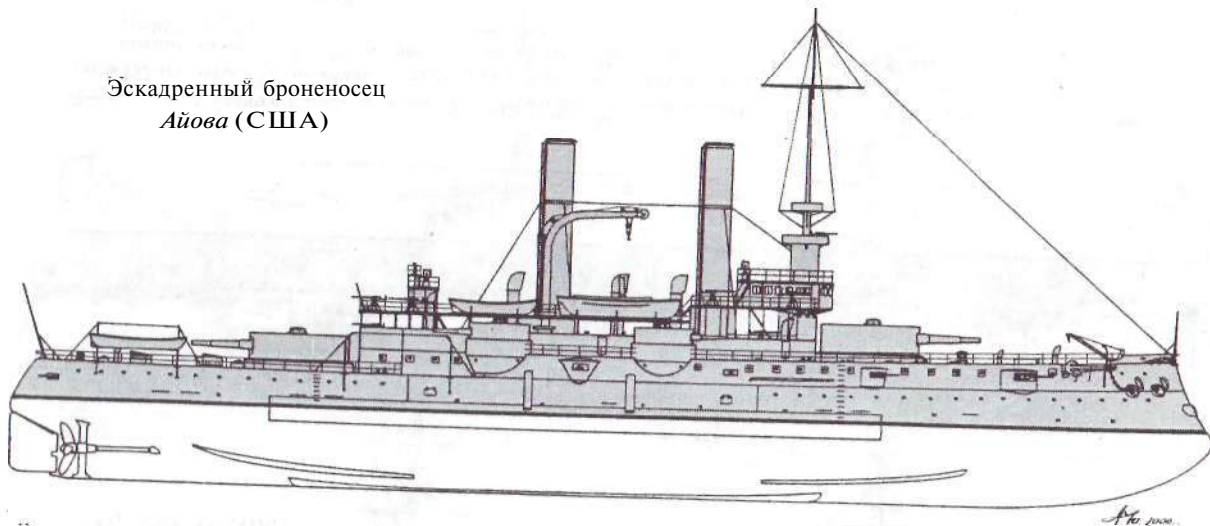
Приложение

Броненосный крейсер II класса *Миннеаполис* (США)

Вступил в строй в 1894 г. Полное водоизмещение 7375 т. Максимальная скорость хода 21,5 узлов. Вооружение: одно 203-мм; два 152-мм; восемь 102-мм; 12 57-мм орудий; четыре скорострельные пушки; четыре пулемета и шесть 457-мм торпедных аппаратов. Бронирование: пояс 102 мм; палуба от 102 до 152 мм; щиты 203-мм и 152-мм орудий до 140 мм.

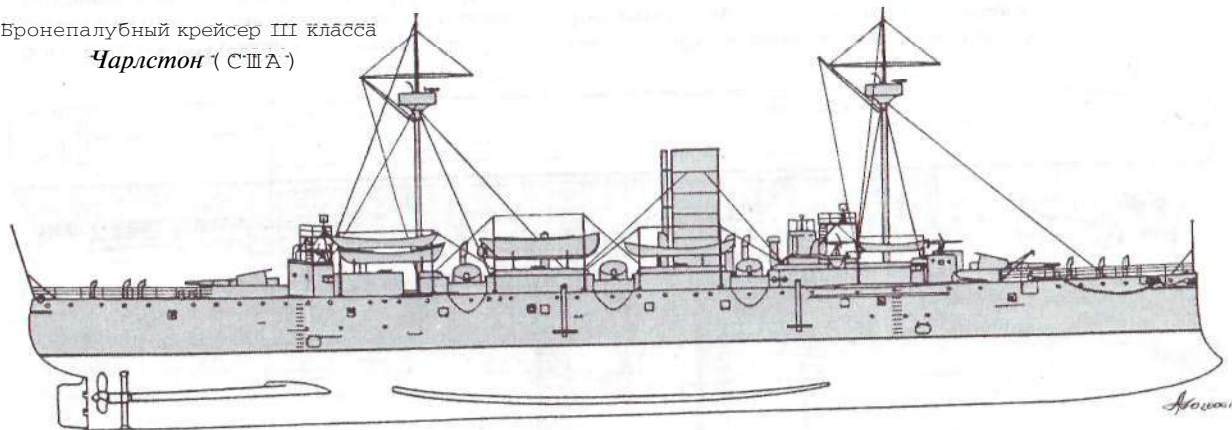
Эскадренный броненосец
Айова (США)

Вступил в строй в 1897 г. Полное водоизмещение 12647 т, длина наибольшая 109,7 м, ширина 22 03 м, осадка 7,3? м. Максимальная скорость хода 17,09 узла. Вооружение: четыре 305 мм; восемь 203 мм; восемь 152 мм; четыре 102 мм. Бронирование: пояс от 178 до 256 мм; барбетты башен ГК 381 мм; башни ГК до 432 мм; башни 203-мм орудий до 151 мм; палуба от 70 до 102 мм; боевая рубка от 178 до 254 мм.

Бронепалубный крейсер III класса

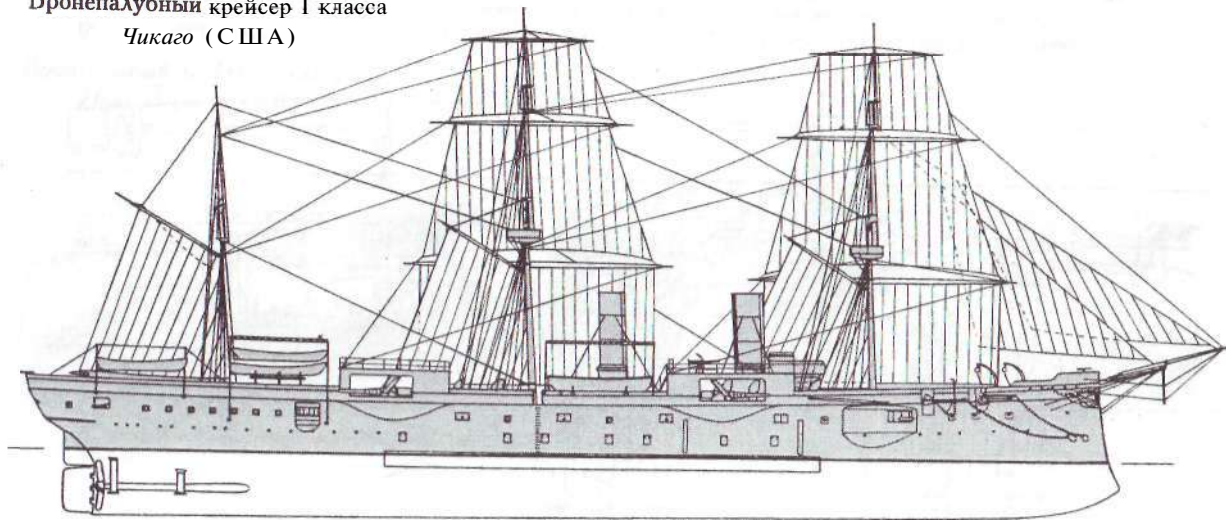
Чарлстон (США)

Вступил в строй в 1889 г. Полное водоизмещение 4040 т. Максимальная скорость хода 18,8 узлов. Вооружение; четыре 203-мм; шесть 152-мм; четыре 57-мм орудий; четыре скорострельные пушки; два пулемета и пять 356-мм торпедных аппарата.

Бронирование: палуба от 51 до 76 мм; щиты 203-мм орудий до 180 мм; щиты 152-мм орудий до 130 мм.

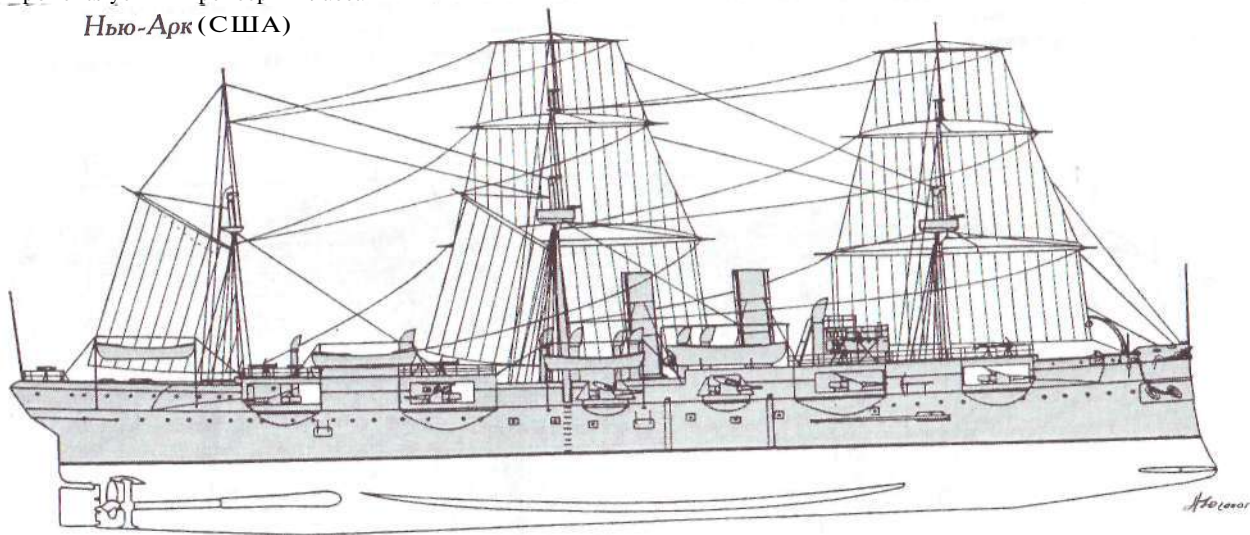
Бронепалубный крейсер I класса
Чикаго (США)

А.А. Лавров

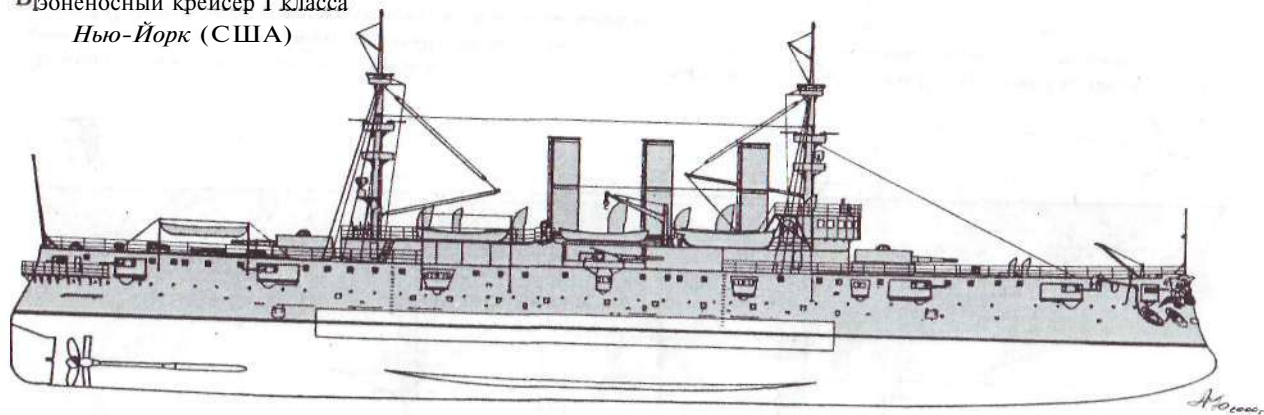
Вступил в строй в 1889 г. Полное водоизмещение 4083 т, длина между перпендикулярами 95 м., ширина 15,0 м., осадка 5,7 м. Максимальная скорость хода 16,3 узла. Вооружение: четыре 203-мм; восемь 152-мм; два 127-мм; два 57-мм орудий; шесть скорострельных пушек и два пулемета. Бронирование: палуба 37 мм; щиты 203-мм орудий до 180 мм.

Бронепалубный крейсер I класса
Нью-Арк (США)

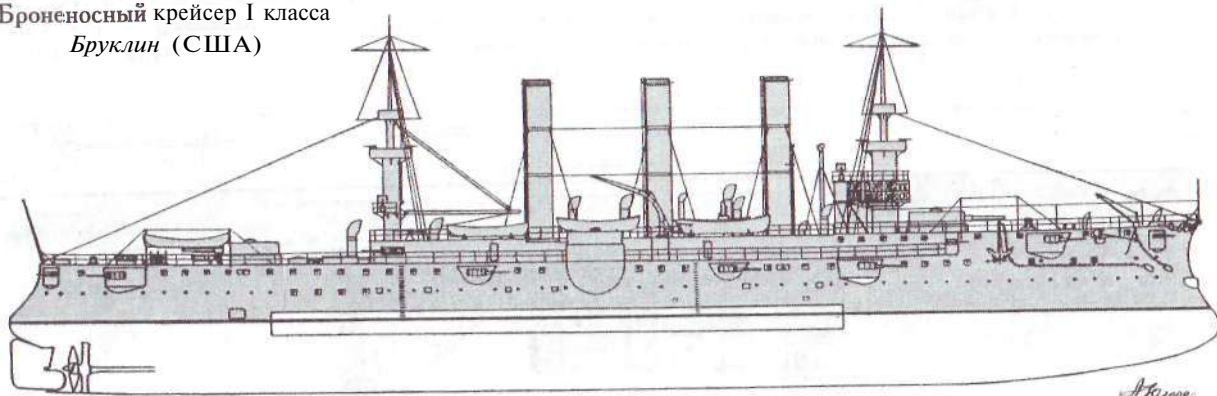
Вступил в строй в 1891 г. Полное водоизмещение 4083 т, длина между перпендикулярами 95 м., ширина 15,0 м., осадка 5,7 м.
 Вступил в строй скорость хода 20,4 узла. Вооружение: 12 152-мм; четыре 57-мм орудий; пять скорострельных пушек;
 Максимальная скорость хода 20,4 узла. Вооружение: 12 152-мм; четыре 57-мм орудий; пять скорострельных пушек;
 четыре пулемета и шесть 356-мм торпедных аппаратов. Бронирование: палуба от 51 до 89 мм; щиты 152-мм орудий до 120 мм.

Броненосный крейсер I класса
Нью-Йорк (США)

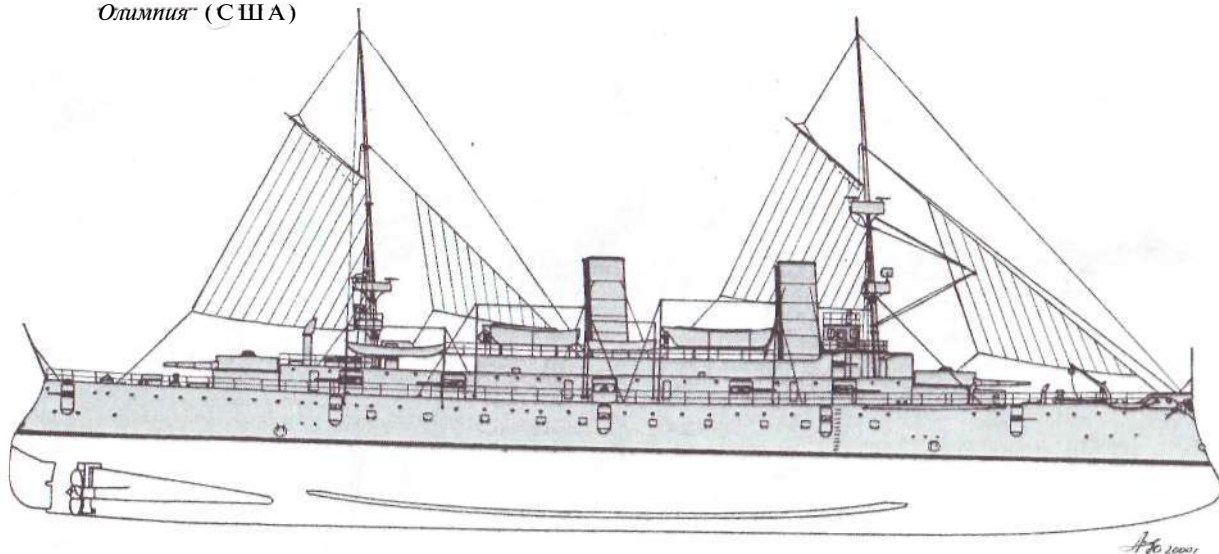
Вступил в строй в 1893 г. Полное водоизмещение 8200 т, длина между перпендикулярами 118 м., ширина 19,8 м., осадка 7,1 м. Максимальная скорость хода 21 узел. Вооружение: шесть 203-мм и четыре 102-мм орудия; восемь 57-мм орудий; четыре скорострельные пушки; четыре торпедных аппарата. Бронирование: пояс 102 мм; башни 203-мм орудий до 254 мм, палуба от 102 до 152 мм; щиты 102-мм до 70 мм.

Броненосный крейсер I класса
Бруклин (США)

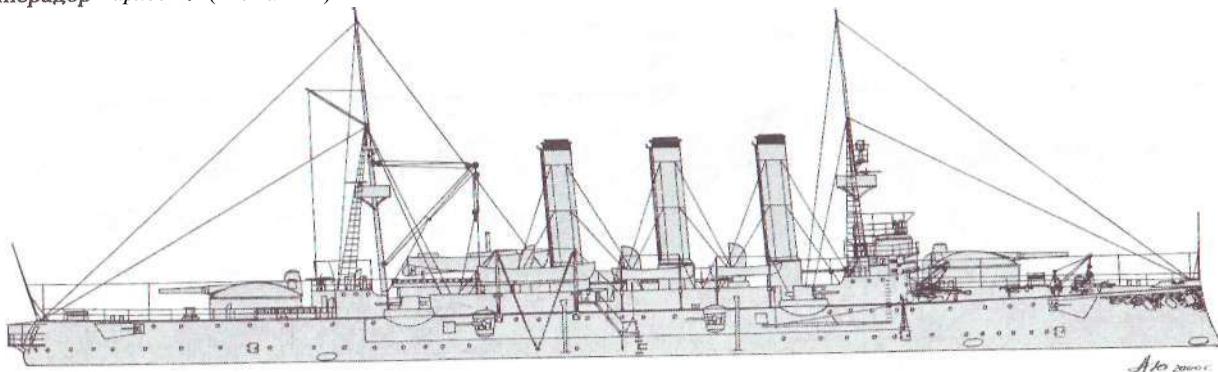
Вступил в строй 1896 г. Полное водоизмещение 9215 т, длина между перпендикулярами 124 м., ширина 19,7 м., осадка 8 м. Максимальная скорость 21,9 узла. Вооружение: восемь 203-мм; 12 127-мм; 12 57-мм орудий; четыре скорострельные пушки; четыре пулемета и пять 457-мм торпедных аппаратов. Бронирование: пояс 76 мм; башни 203-мм орудий до 203 мм, палуба от 102 до 152 мм, щиты 127-мм до 90 мм, боевая рубка 190 мм.

Бронепалубный крейсер III класса
Олимпия (США)

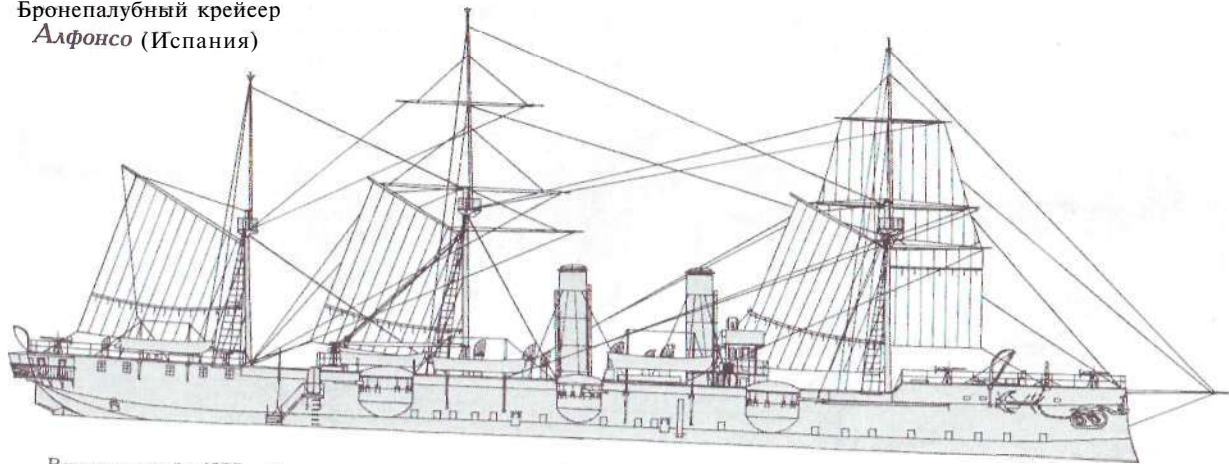
Вступил в строй в 1895 г. Полное водоизмещение 5865 т. Максимальная скорость хода 21,7 узла. Вооружение: четыре 203-мм; 10 127-мм, 14 57-мм орудий; шесть скорострельных пушек; четыре пулемета и шесть 457-мм торпедных аппаратов. Бронирование: палуба от 51 до 89 мм;

Броненосный крейсер
Эмперадор Карлос V (Испания)

Вступил в строй в 1897 г. Полное водоизмещение 9150 т, длина наибольшая 115,82 м, ширина 20,42 м, осадка 7,62 м. Максимальная скорость хода 20,5 узлов. Вооружение: два 279-мм; шесть 139-мм, четыре 25-мм орудия; 2 пулемета; шесть 356-мм ТА. Бронирование: борт от 25 до 54 мм; палуба от 110 до 160 мм; барбетты орудий 245 мм; боевая рубка 305 мм.

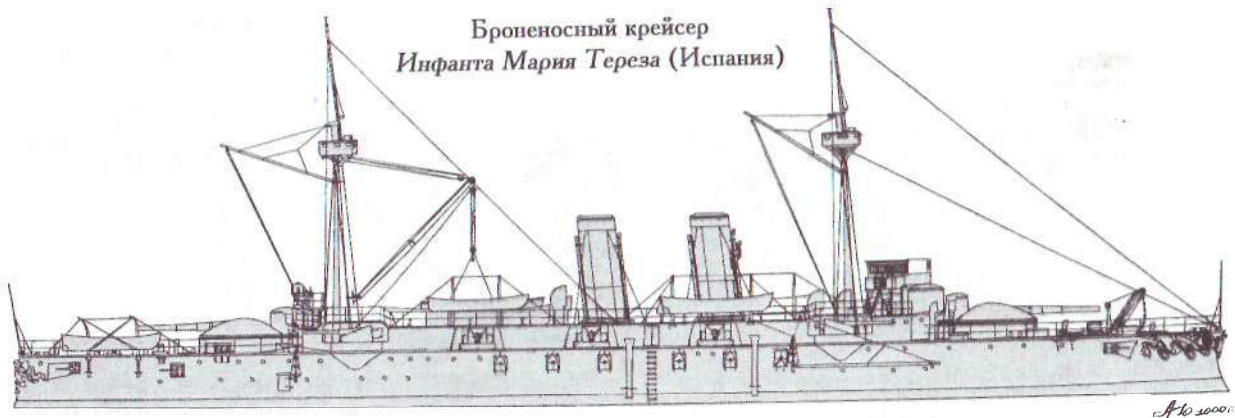
Бронепалубный крейсер
Алфонсо (Испания)

Вступил в строй в 1887 г. Полное водоизмещение 3040 т., длина наибольшая 84,8 м; ширина 13,22 м; осадка 6,1 м.
Максимальная скорость хода 17 узлов. Вооружение: шесть 164-мм орудий; восемь 57-мм скорострельных орудий;
шесть 25-мм скорострельных орудий; пять 356-мм ТА

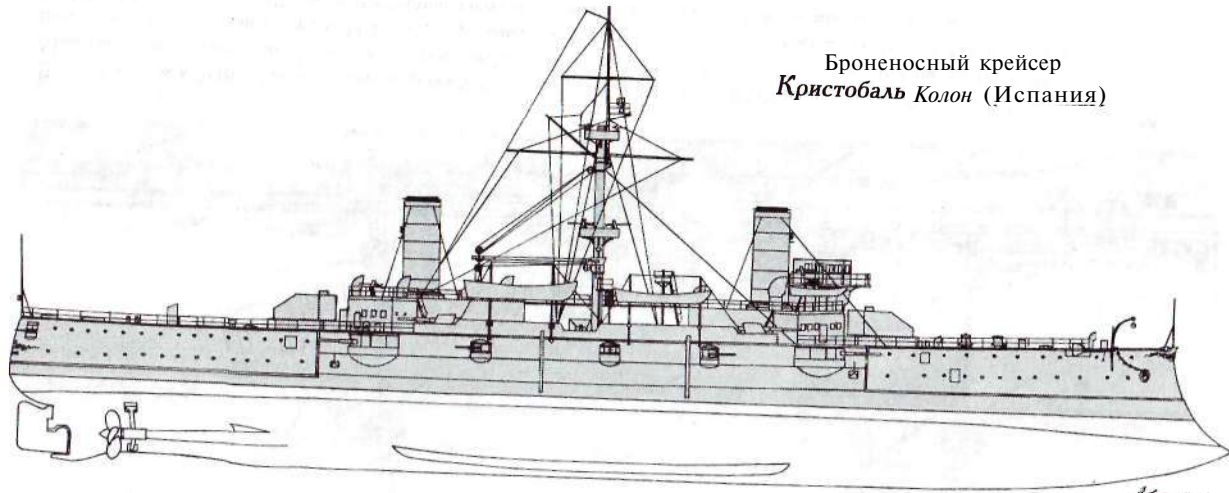
А. Ю. Соловьев

Броненосный крейсер
Инфанта Мария Тереза (Испания)

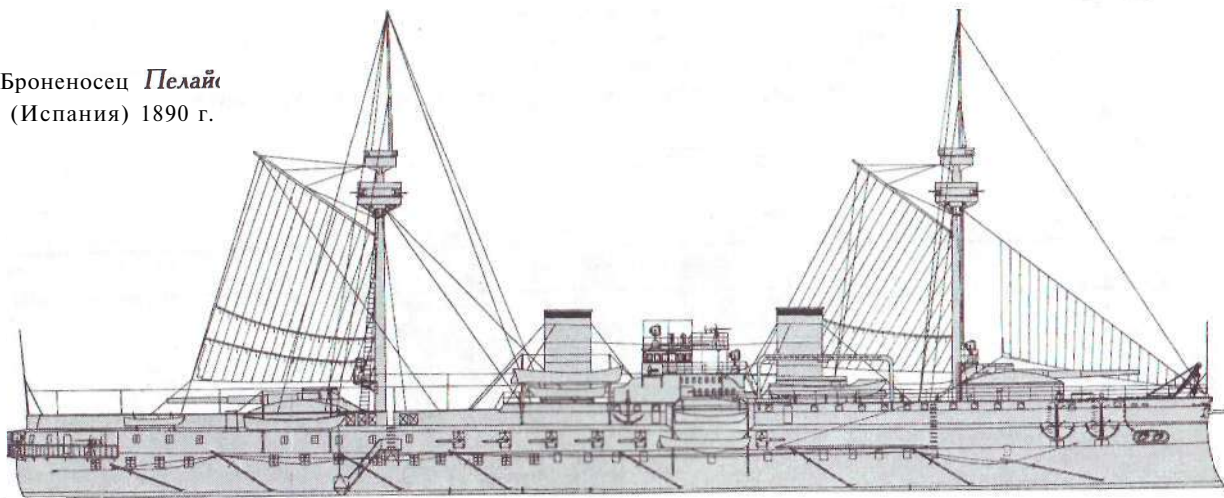
Вступил в строй в 1890 г. Полное водоизмещение 6890 т, длина наибольшая 110,94 м; ширина 19,9 м, осадка 6,6 м.
Вступил в строй
Максимальная скорость хода 20,2 узла. Вооружение: два 280-мм; 10 140-мм; 10 76-мм орудий; восемь скорострельных пушек, два пулемета. Бронирование: пояс от 250 до 306 мм; барбетты башен 255 мм; палуба от 50 до 76 мм.

Броненосный крейсер
Кристобаль Колон (Испания)

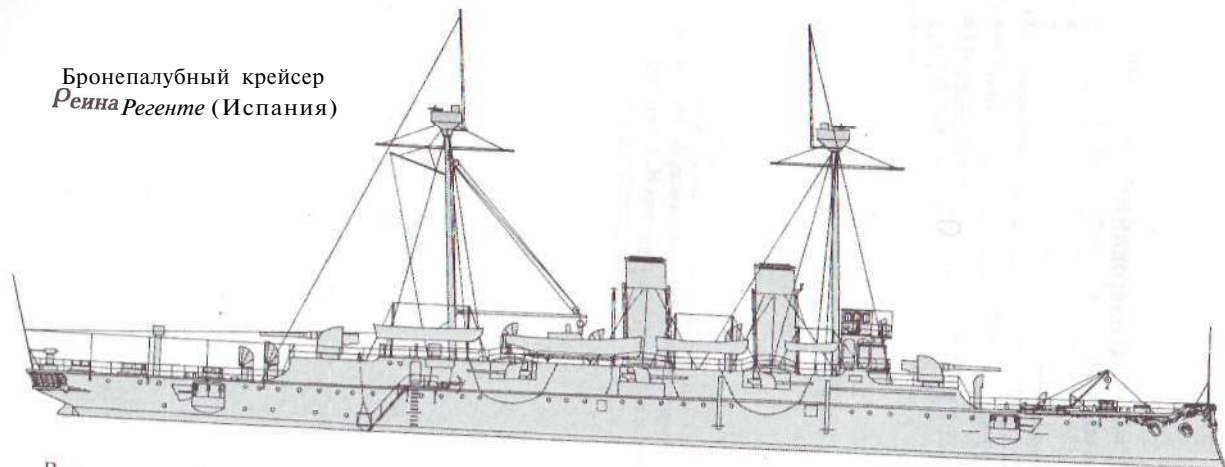
Вступил в строй в 1896 г. Нормальное водоизмещение 6775 т, длина максимальная 111,7 м., ширина 18,7 м., осадка 7,1 м.
 Максимальная скорость хода 20 узлов. Вооружение: два 24-мм (до момента гибели корабля и не были установлены); 10 152-мм;
 шесть 120-мм; 10 57-мм орудий; 10 скорострельных пушек пять 457-мм торпедных аппаратов. Бронирование пояс 152 мм;
 база 254-мм орудий до 120 мм, казематы 152-мм орудий 51 мм; палуба от 22 до 37 мм; боевая рубка 152 мм.

Броненосец *Пелайо*
(Испания) 1890 г.

Вступил в строй в 1888 г. Полное водоизмещение 9901 т, длина по пендикулярам 102,01 м, ширина 20,19 м, осадка 7,54 м.
 Вступил в строй в 1888 г. Полное водоизмещение 9901 т, длина по пендикулярам 102,01 м, ширина 20,19 м, осадка 7,54 м.
 Максимальная скорость хода 16,7 узлов. Вооружение; два 317-мм орудия, два 279-мм орудия, одна 163-мм орудие; 12 119-мм орудие,
 пять 57-мм скорострельных орудия; 14 37 скорострельных орудий; семь 356-мм ТА. Бронирование; борт от 298 до 451-мм;
 барбеты орудий от 278 до 400 мм; щиты бортовых орудий 79 мм; палуба от 51 до 70 мм; боевая рубка 156-мм.

Бронепалубный крейсер
Регина Регенте (Испания)

Вступил в строй в 1902 г. Полное водоизмещение 4725 т, длина между перпендикулярами 96 м, ширина 15,24 м, осадка 6,21 м.
Максимальная скорость хода 20,4 узла. Вооружение: один 200-мм, шесть 19-мм; шесть 57-мм скорострельных орудий; три пулемета; пять 356-мм ТА. Бронирование: палуба 83 до 121 мм, борта 76-мм.

Содержание

От автора.....	3
Пролог.....	5
Восстание.....	15
Война.....	43
Эпилог.....	119
Приложение.....	126

На обложке: Американский флот на параде, посвященном
победе в войне с Испанией (из собрания И.Л. Бунича)

Кондратенко Роберт Владимирович
Испано-американская война. 1898 г.

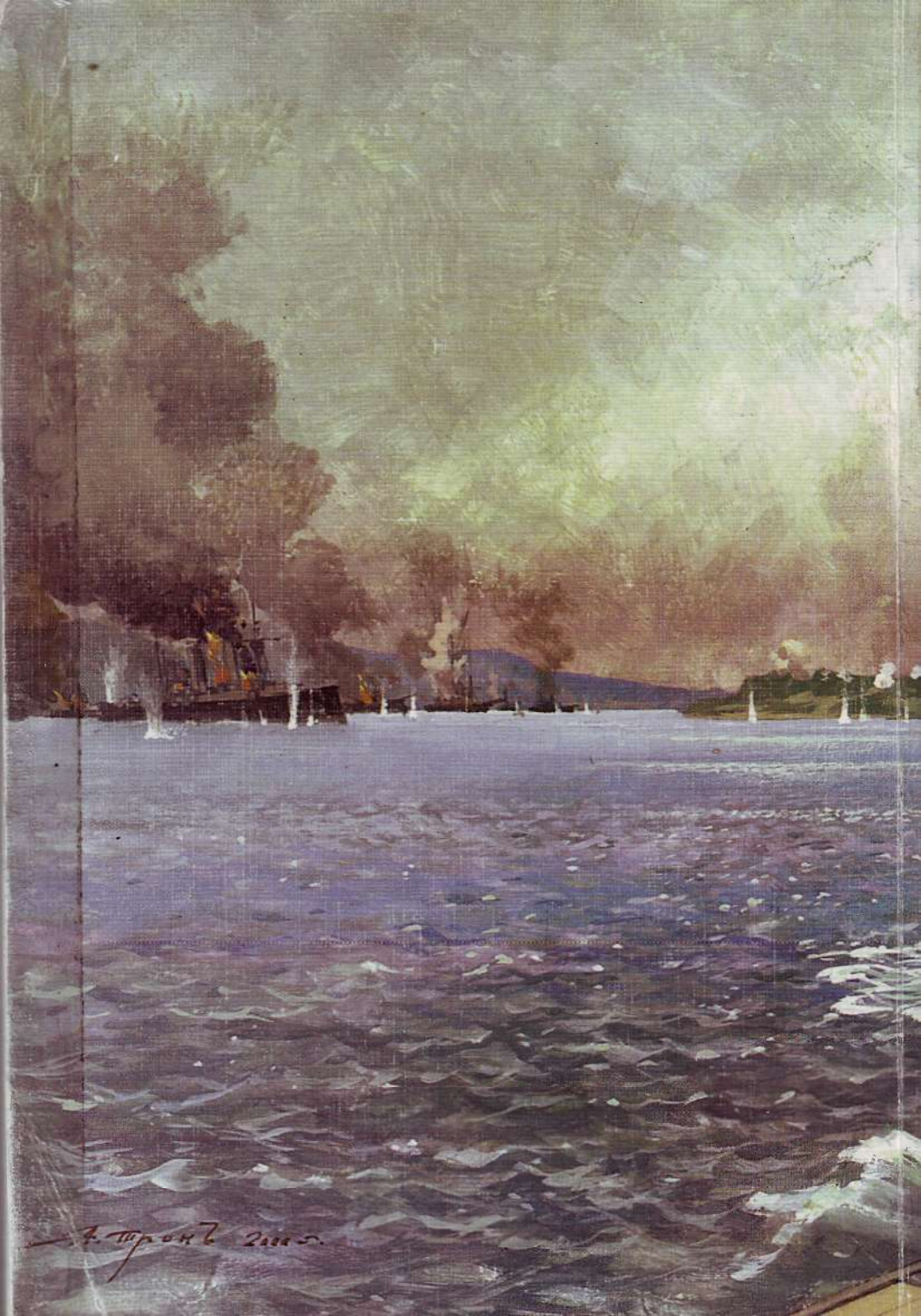
Альманах «Цитадель». Серия «Неизвестные войны XIX века»
Лицензия П-1414 от 31.03.1995 г.

Редактор Л.И. Амирханов
Корректор Н.П. Иванова

Подписано к печати 18.12.2000 г. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 9. Тираж 1500 экз. Заказ №40.

Отпечатано в «Галея Принт»
СПб., пр. Сизова 30, кор. 4.

ЛР №065527 от 27.11.97 г.

А. Горюхъ 2000.